

MACROSOCIOLOGICAL AND MINORITY LANGUAGES

2024 Том 2 № 1

DOI: 10.22363/2949-5997-2024-2-1

Сетевой научный журнал
Издается с 2023 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации: Эл № ФС 77-82546 от 30.12.2021

Учредитель: федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

**Москвичева
Светлана Алексеевна**

Кандидат филологических наук,
доцент, заведующая лабораторией
«Динамика языков в миноритарной
ситуации» Института современных
языков, межкультурной
коммуникации
и миграций (ИСЯМКиМ), РУДН,
Москва, Россия

E-mail: moskvicheva-sa@rudn.ru

Ответственный секретарь

**Борисова
Анна Степановна**

Кандидат филологических наук,
доцент, РУДН, *Москва, Россия*

E-mail: borisova-as@rudn.ru

Почетный редактор Ален Вио, доктор лингвистики, директор исследований эмирита Национального центра научных исследований (CNRS), Бордо, Франция, e-mail: alain.viaut@orange.fr

Члены редакционной коллегии

Агранат Татьяна Борисовна, Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Александрова Оксана Ивановна, Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Россия

Додыхудоева Лейли Рахимовна, Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Замалетдинов Радиф Рифкатович, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Илюха Ольга Павловна, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (ИЯЛИ КарНЦ РАН), Петрозаводск, Россия

Марцинковская Татьяна Давидовна, Институт психологии им. Л.С. Выготского, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Солнышкина Марина Ивановна, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Эбзеева Юлия Николаевна, Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Россия

MACROSOCIOLINGUISTICS AND MINORITY LANGUAGES

ISSN 2949-5997 (Online)

2 выпуска в год

Языки: аварский, адыгейский, алтайский, английский, башкирский, бурятский, вепсский, даргинский, ингушский, испанский, итальянский, кабардино-черкесский, калмыцкий, карачаево-балкарский, карельский, коми, крымско-татарский, кумыкский, лакский, лезгинский, марийский, мордовский, ненецкий, немецкий, осетинский, русский, татарский, тувинский, удмуртский, французский, хакасский, чеченский, чувашский, якутский.

ЦЕЛИ И ТЕМАТИКА

Журнал *Macrosociolinguistics and Minority Languages* — периодическое международное рецензируемое научное издание в области социолингвистики и междисциплинарных исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Актуальность и тематика

Узкоспециализированная тематика, связанная с дисциплинарным полем макросоциолингвистики, а также языкового права, психолингвистики, и предметной областью, включающей проблематику языковых контактов, языковых ситуаций, социолингвистической динамики, языковой политики и языкового планирования, социальных представлений о языке.

Цели и задачи журнала

- ♦ Развитие научного сотрудничества между российскими и зарубежными социолингвистами, а также специалистами смежных областей.
- ♦ Знакомство с новейшими российскими и международными исследованиями в области макросоциолингвистики.
- ♦ Публикация результатов оригинальных теоретических, прикладных и дескриптивных исследований в русле научной тематики журнала.
- ♦ Просветительство и распространение научного знания о различных языковых ситуациях для широкого круга читателей.

Специфика журнала

- ♦ Регулярные тематические выпуски с приглашенными российскими и зарубежными соредакторами.
- ♦ Постоянная рубрика, посвященная обзору научных работ «Макросоциолингвистика в России и мире».
- ♦ Постоянная просветительская рубрика «Просто о сложном», ориентированная на широкую читательскую аудиторию.
- ♦ Дискуссионная платформа для обсуждения вопросов, связанных с сохранением языков, языковой политикой и языковым планированием.
- ♦ Постоянная рубрика «Слово молодым».

Кроме научных статей редколлегия принимает к рассмотрению научных обзоры, а также публикует рецензии на монографии, информацию о конференциях, научных проектах и т.д.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: Группа научных специальностей: 5.9. — Филология; 5.3. — Психология. Специальности научных работников: 5.9.8. — Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика, 5.9.5. — Русский язык. Языки народов России, 5.9.6. — Языки народов зарубежных стран, 5.3.1 — Общая психология, психология личности, история психологии.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <https://macrosociolinguistics.ru/MML/>

Электронный адрес: mmjl@rudn.ru

Литературный редактор О.В. Горячева
Редактор англоязычных текстов Ю.М. Алюнина
Компьютерная верстка М.В. Рогова

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: +7 (495) 434-20-12; e-mail: agroj@rudn.ru

Подписано 25.11.2024. Выход в свет 29.11.2024. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитуры Noto, Adelle.

Усл. печ. л. 8,78. Тираж 500 экз. Заказ № 2186. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-61; publishing@rudn.ru

MACROSOCIOLOGICAL AND MINORITY LANGUAGES

2024 Volume 2 № 1

DOI: 10.22363/2949-5997-2024-2-1

Published since 2023

by the Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Dr. Svetlana A. Moskvitcheva

Institute of Modern Languages,
Intercultural Communication
and Migration (IM-LICaM),
RUDN University
Moscow, Russia

E-mail: moskvicheva-sa@rudn.ru

EXECUTIVE BOARD SECRETARY

Dr. Anna S. Borisova

RUDN University, *Moscow, Russia*

E-mail: borisova-as@rudn.ru

Honorary Editor Dr. Alain Viaut, French National Centre for Scientific Research (CNRS), Bordeaux, France, e-mail: alain.viaut@orange.fr

Editorial board

Tatyana B. Agranat, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Oksana I. Aleksandrova, RUDN University, Moscow, Russia

Leyli R. Dodykhudoeva, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Radif R. Zamaletdinov, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Olga P. Ilyukha, Institute of Linguistics, Literature and History of Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia

Tatyana D. Martsinkovskaya, L.S. Vygotsky Institute of Psychology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Marina I. Solnyshkina, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Yuliya N. Ebzeeva, RUDN University, Moscow, Russia

MACROSOCIOLINGUISTICS AND MINORITY LANGUAGES

ISSN 2949-5997 (Online)

2 issues per year

Languages: Avar, Adyghe, Altaic, English, Bashkir, Buryat, Veps, Dargin, Ingush, Spanish, Italian, Kabardino-Circassian, Kalmyk, Karachay-Balkarian, Karelian, Komi, Crimean Tatar, Kumyk, Lak, Lezgin, Mari, Mordovian, Nenets, German, Ossetian, Russian, Tatar, Tuvan, Udmurt, French, Khakass, Chechen, Chuvash, Yakut.

AIMS AND SCOPE

Macrosociolinguistics and Minority Languages is an interdisciplinary peer-reviewed journal of international scope dealing with issues in sociolinguistics and related disciplines. The journal is international due to its editorial board, contributing authors and thematic focus of publications.

Focus Areas

The journal covers highly specialized research topics related to the disciplinary field of macrosociolinguistics, including linguistic law, psycholinguistics, issues of language contacts, language situations, sociolinguistic dynamics, language policy and language planning, social representations of language.

Aims and Scope

To promote expert and academic dialogue between Russian and international sociolinguists and specialists in other related areas of study.

- ◆ To disseminate the latest research in the field of macrosociolinguistics developed both in Russia and abroad.
- ◆ To publish results of original theoretical, applied and descriptive research within the journal focus areas.
- ◆ To advance knowledge of various language situations and educate a wide range of readers.

Distinctive Features of the Journal

- ◆ Regular guest-edited thematic issues.
- ◆ Regular section 'Macrosociolinguistics in Russia and abroad' dedicated to a survey of major works marking important theoretical and practical advances.
- ◆ Regular section 'Let's Talk Science' intended for a general audience of readers.
- ◆ Regular 'Notes and Discussion' section where views on important issues related to language preservation, language policy and language planning are exchanged.
- ◆ regular section 'Call for Young Researches'.

In addition to research articles, the journal publishes editorials, book reviews, conference reports and research project announcements. The journal also considers responses and comments on manuscripts published in previous issues.

The Journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, open access and back volumes is available at <https://macrosociolinguistics.ru/MML/>

E-mail: mmjlrl@rudn.ru

Editor O.V. Goryacheva
English text editor Yu.M. Alyunina
Computer design M.V. Rogova

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze St, 115419 Moscow, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 952-04-41
e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 434-22-12; e-mail: mmjlrl@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia Named After Patrice Lumumba (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, 117198 Moscow, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, 115419 Moscow, Russian Federation,
Ph.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

Содержание

ЯЗЫКИ. КУЛЬТУРЫ. ИДЕОЛОГИИ

Asafo-Adjei R. (<i>Takoradi, Ghana</i>), Bukari F. (<i>Takoradi, Ghana</i>), Klu E. (<i>Thohoyandou, South Africa</i>). Linguistic landscape study of commercial intra-city vehicle inscriptions in an African city (Языковой ландшафт африканского города: надписи на коммерческом внутригородском транспорте)	7
Бабаева О.К. (<i>Москва, Российская Федерация</i>) Концепт СВОБОДА, НЕЗАВИСИМОСТЬ в ойрат-калмыцкой лингвокультуре	32
Микаллеф Л.О. (<i>Москва, Российская Федерация</i>), Ясненко И.П. (<i>Москва, Российская Федерация</i>). Принципы создания международных вспомогательных языков на материале естественных и искусственных языков	50
Мерай М.И. (<i>Москва, Российская Федерация</i>), Кацияннис Ф. (<i>Салоники, Греция</i>). Языковая ситуация в арабском мире: язык междialeктного общения	66
Саввин И.А. (<i>Москва, Российская Федерация</i>). Gulf Pidgin Arabic как коммуникативное средство трудовых мигрантов в арабских странах Персидского залива	87

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ. ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

Пакендорф Б. (<i>Лион, Франция</i>). Динамика угрозы исчезновения языков: на примере трех северных тунгусских идиомов Российской Федерации	102
---	-----

Contents

LANGUAGES. CULTURES. IDEOLOGIES

Asafo-Adjei R. (<i>Takoradi, Ghana</i>), Bukari F. (<i>Takoradi, Ghana</i>), Klu E. (<i>Thohoyandou, South Africa</i>). Linguistic landscape study of commercial intra-city vehicle inscriptions in an African city	7
Bavaeva O.K. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Concept of FREEDOM, INDEPENDENCE in Oirat-Kalmyk language culture	32
Micallef L. (<i>Moscow, Russian Federation</i>), Yasnenko I. (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Principles of international auxiliary languages creation on the base essential and artificial languages	50
Merai M. (<i>Moscow, Russian Federation</i>), Katsigiannis F. (<i>Thessaloniki, Greece</i>). Linguistic situation in the Arab world: Interethnic communication in the Arabic language environment.....	66
Savvin I.A. (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Gulf Pidgin Arabic as a communication tool of migrant workers in the Arab countries of the Persian Gulf	87

SCIENTIFIC EVENTS. REVIEWS. REVIEWS

Pakendorf B. (<i>Lyon, France</i>). Dynamics of Language Endangerment: a Comparison of Three Northern Tungusic Lects Spoken in the Russian Federation	102
---	-----

ЯЗЫКИ. КУЛЬТУРЫ. ИДЕОЛОГИИ LANGUAGES. CULTURES. IDEOLOGIES

DOI: 10.22363/2949-5997-2024-2-1-7-31
EDN KRZZRO

Research article / Научная статья

Linguistic landscape study of commercial intra-city vehicle inscriptions in an African city

Ramos ASAFO-ADJEI¹ , Francis BUKARI¹ , Ernest KLU²

¹Takoradi Technical University, *Takoradi, Ghana*

²University of Venda, *Thohoyandou, South Africa*

 asafoadjeiramos@gmail.com

Abstract. Universally, an understanding of the Linguistic Landscape (LL) of a group of people is crucial to understanding their language behavioural traits. The study was purposed on exploring the LL of commercial intra-city vehicles in the Sekondi-Takoradi Metropolis of Ghana. This single case study with embedded units utilised the multi-stage sampling technique, and the sources of data were: 1) responses from in-depth interviews from some of the commercial intra-city vehicle drivers and 2) the respective inscriptions. An interview guide and an iPhone 12 mobile phone (for pictures) were used to elicit the data. The in-depth interview data were analysed using Creswell and Poth's (2018) Analysis Spiral Plan, whereas the signages were analysed using content analysis. The findings projected a situation where no attention was paid to the indigenous Ahanta language but rather major preference given to the Mfantse and the English languages. Easy readability and comprehension of the messages were cited by the commercial intra-city vehicle drivers as their reasons for preferring the English language. The implication of the study is that the Ahanta language, the indigenous language in Sekondi-Takoradi is endangered. Resultantly, the authorities of the Sekondi-Takoradi Metropolitan Assembly should work closely with the Ministry of Local Government to heighten individuals' use of the Ahanta language to save it from death. Also, this calls into sharp attention the need for stakeholders in other jurisdictions to work to improve the use of endangered languages to protect them from extinction.

Keywords: ahanta, commercial vehicle, Sekondi-Takoradi, metropolis

Conflict of interest. The authors declare no conflicts of interest.

© Asafo-Adjei R., Bukari F., Klu E., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Article history: received 15 April 2024; accepted 29 May 2024.

For citation: Asafo-Adjei, R., Bukari, F., & Klu, E. (2024). Linguistic landscape study of commercial intra-city vehicle inscriptions in an African city. *Macrosociolinguistics and Minority Languages*, 2(1), 7–31. doi: 10.22363/2312-797X-2024-2-1-7-31

Языковой ландшафт африканского города: надписи на коммерческом внутригородском транспорте

Рамос АСАФО-АДЖЕИ¹ , Фрэнсис БУКАРИ¹ , Эрнест КЛУ²

¹Технический университет Такоради, Такоради, Гана

²Университет Венда, Тхохояндоу, Южно-Африканская Республика

 asafoadjeiramos@gmail.com

Аннотация. Как правило, изучение языкового ландшафта (ЯЛ), окружающего группы людей, имеет решающее значение для понимания особенностей их языкового поведения. Целью исследования — выявление особенностей ЯЛ коммерческого внутригородского транспорта в метрополии Секонди-Такоради в Гане. Методологический аппарат данного пилотного исследования включал метод многоступенчатой выборки. Источниками данных послужили: 1) ответы, полученные в ходе проведения подробных интервью с водителями коммерческого внутригородского транспорта; 2) надписи на транспортных средствах водителей. Для сбора данных использовались руководство по проведению интервью и мобильный телефон iPhone 12 (для создания исследовательской картотеки). Данные глубинных интервью были проанализированы по модели спирального анализа (по Creswell and Poth 2018), а надписи — по методике контент-анализа. Полученные результаты свидетельствуют о том, что коренной язык аанта не использовался в надписях. Основное предпочтение отдавалось языкам фанти и английскому. Одна из причин предпочтения этих языков, согласно ответам водителей, легкость чтения и понимания сообщений. Исследование позволяет сделать вывод о том, что язык аанта, коренной язык в Секонди-Такоради, относится к категории угрожаемых языков. Таким образом, городские власти Секонди-Такоради должны сотрудничать с Министерством местного самоуправления, чтобы расширить использование языка аанта и сократить его шансы на исчезновение.

Ключевые слова: аанта, коммерческое транспортное средство, надписи, Секонди-Такоради, метрополия

Заявления о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: получена 15 апреля 2024; принята в печать 29 мая 2024.

Для цитирования: Asafo-Adjei R., Bukari F., Klu E. Linguistic landscape study of commercial intra-city vehicle inscriptions in an African city // *Macrosociolinguistics and Minority Languages*. 2024. Т. 2. № 1. С. 7–31. doi: 10.22363/2312-797X-2024-2-1-7-31

Introduction

Linguistic landscape (LL) encompasses the various advertisements, signages and notifications that populate public spaces within towns and cities (Santiso, 2023). It includes the language of public road signs, advertising billboards, street names, place names, commercial shop signs and public signs on governmental buildings (Landry, Bourhis, 1997). Santiso posits that the examination of LL becomes especially fascinating in regions characterised by multilingualism, as signages serve as visual representations of the interplay and relative significance of all languages present. In some countries, language policies exist to regulate the standing of each language within the LL; nevertheless, these rules might be undermined by the populace in order to reflect the linguistic dynamics of the given region (Hult, 2018).

Globally, the literature is awash with studies on LL (Alomoush, 2018; Loth, 2016; Lusekelo, Alphonse, 2018; Lee, 2019). Nuria Yáñez-Bouza (Yáñez-Bouza, 2015) examined LL on public signs, advertisements and other visible linguistic features in townships at Galicia and found that the design and typography of LL could influence the legibility and attractiveness of public signs and messages. In addition, Marta Rodriguez-Garcia (Rodriguez-Garcia, 2017) investigated LL's role of typography for the expression of linguistic diversity in bilingual signs in Madrid and discovered that the choice of typeface conveys a particular cultural or historical identity. Furthermore, Santiso (Santiso, 2023) examined LL of signs in the main shopping street of Ondarroa (both top-down and bottom-up signs) and found that contrary to the situation of Basque in urban areas, Basque is the language with the largest presence in the LL of the streets in Ondarroa.

In Ghana, there are studies that have concentrated on the LL of street names, hotel names, inscriptions on vehicles and on canoes (Agbaglo, Afful, 2023; Anane, 2019; Nyame, Tomekyin, 2018; Owusu-Afriyie, 2020), but there is limited research on LL in the Sekondi-Takoradi Metropolis. Agbaglo and Afful (Agbaglo, Afful, 2023), for instance, investigated names of hotels in Accra — the capital city of Ghana, with considerable financial, cultural and industrial significance. Agbaglo and Afful found that most of the hotels employed English monolingual names, with a few using bilingual names. On their part, Nyame and Tomekyin (Nyame, Tomekyin, 2018) studied the LL of taxis in Ajumako and Winneba and found that the English language and the Mfantse language dominated in both communities. Even though Sekondi-Takoradi is Ghana's third most populous cosmopolitan city and a commercial, cultural and industrial hub of Ghana's Western Region, there is virtually no study on the LL of commercial intra-city vehicles in the metropolis. Not having any empirical study on the LL of commercial intra-city vehicles in the metropolis could hide critical information from, especially, language policy makers. The study was, therefore, purposed on exploring the LL of commercial intra-city vehicles in the Sekondi-Takoradi

Metropolis. The following research questions guided the study: 1) What is the dominant language on the inscriptions on the commercial intra-city vehicles in Sekondi-Takoradi? 2) Which factors influenced the choice(s) of language(s) for the inscriptions? 3) Which meanings do the drivers/vehicle owners ascribe to the inscriptions used?

Three reasons underpin the conduct of this study. First, this study makes a vital contribution by revealing the LL of commercial intra-city vehicle inscriptions in the Sekondi-Takoradi metropolis. Despite the existence of studies on LL in Ghana, there is a notable absence of recorded empirical research that specifically addresses commercial intra-city vehicles' LL in the Sekondi-Takoradi Metropolis. This study, therefore, contributes significantly to the extant literature by uncovering the LL of commercial intra-city vehicles in the Sekondi-Takoradi Metropolis. Second, this study is intended to serve as a foundation for further studies to be conducted into other apposite areas such as the nexus between LL and vehicle typography and the LL of canoe typography in Sekondi-Takoradi. Third, a comprehension of the LL of intra-city commercial vehicles in the Sekondi-Takoradi metropolis will position stakeholders such as linguists, historians, anthropologists, cultural heritage experts and successive governments to develop and institute strategies to strengthen language use in Ghana.

Literature Review

LL Studies. Studies on LL around the globe are not in their infancy (Agbaglo, Afful, 2023; Legère, 2022; Lusekelo, Alphonse, 2018; Santiso, 2023), as different aspects of LL have been studied by scholars. Lusekelo and Alphonse (2018) advance that LL serves as an avenue for examining issues of multilingualism. Lusekelo and Alphonse indicate that monolingual and multilingual signages have different discourse purposes and values. Multilingual signages give various degrees of inclusivity, while monolingual signages restrict readership to only one language. Similarly, Karsten Legère (Legère, 2022) posits that LL provides the backdrop to our everyday lives and serves as a treasured language learning resource because signages are everywhere and open for every individual to see freely and that signages also shape how people interact in society. Han and Hu (Han, Hu, 2020) studied language policy, linguistic landscape and residents' perceptions of language use in Guangzhou, China, and found that there were incessant conflicts and dissents in the city space of Guangzhou, especially in relation to the use of English, Cantonese and traditional Chinese characters. In another study, Momoko Nakamura (Nakamura 2021) examined linguistic landscape of vehicles in Japanese streets, and found that about a half of the scripts on the right side of vehicles are written in the non-normative direction, from right to left. In a related study, Akoli *et al.* (Akoli, 2022) investigated the glocalisation phenomena of English language expressions found on minivans

as a means of public transport in Kupang city of Indonesia. Akoli *et al.* found that English language use on public minivans is predominantly characterised by language errors and variations.

As regards studies on LL in Ghana, Agbaglo and Afful (Agbaglo, Afful, 2023), Nyame and Tomekyin (Nyame, Tomekyin, 2018), Landry and Bouris's (Landry, Bouris's, 1997) and Anane (Anane, 2019) are among the scholars who have conducted investigations. For instance, Nyame and Tomekyin (2018) studied the LL of Ajumako (an indigenous Mfantse-speaking community) and Winneba (a cosmopolitan area with Effutu or Awutu being the home language) to find out whether the languages found in each actually reflect the languages spoken by each community, and to discover which language was most dominant based on their ethnic makeup. Nyame and Tomekyin found that the English language and Mfantse language were very dominant in both communities, and few others appeared infrequently. The expected result, Mfantse language being more frequent in Ajumako and at least a marginal appearance of Effutu in Winneba, was not supported by the findings: the ethnic makeup of Ajumako and Winneba does not seem to be related to the visual language encountered in the linguistic landscape. In another study, Job Anane (Anane, 2019) examined the language used on canoes in Winneba, a Cosmopolitan town in the Central Region of Ghana, and found that Mfantse was the dominant language used, even though Winneba is Effutu-speaking. The reasons found were that people can express and share their experiences through the use of Mfantse language better. Furthermore, Akoto and Afful (Akoto, Afful, 2021) examined church names (ecclesionyms) which constitute part of the religioonomastic landscape of Ghana to discover the various languages embedded in them and found that churches in Ghana generally adopt three global languages (Hebrew, Greek and Latin), a glocal language (English) and three local languages (Akan, Ewe and Ga). In a related study, Agbaglo and Afful (Agbaglo, Afful, 2023), investigated names of hotels in Accra — the capital city of Ghana, with considerable financial, cultural and industrial significance. Agbaglo and Afful found that most of the hotels employed English monolingual names, with a few using bilingual names. From the foregoing review, it is evident that language boundaries extend beyond traditional borders and that people make language choices mainly based on ease and the ability of the language to reach the target audience for the right impact. This situation is applicable both in Ghana and outside Ghana.

Overview of the General Linguistic Landscape in Ghana. Ghana is characterised by its linguistic diversity, with an estimated 80 indigenous languages documented and visually represented on a linguistic map (Eberhard *et al.*, 2019). The linguistic diversity in Ghana enables a clear differentiation between the geographical distribution of languages classified as "OF" and "IN". The linguistic map of Ghana exhibits a wider scope and greater comprehensiveness

compared to the map depicting the languages spoken within the country. The linguistic map of Ghana displays the native languages, which have been categorised as dominant and minority languages by Elvis Yevudey and Edzordzi Agbozo (Yevudey, Agbozo, 2019). It is important to acknowledge that this classification is not static, as the status of a language can readily shift, allowing a minority language to acquire a "dominant" position. Once again, the concepts of dominance and minority can be quantified to varying degrees. The Akan language, once recognised as the primary language in southern Ghana, is currently acknowledged as a regional lingua franca (Yankson, 2018). The current linguistic contact situation in Ghana is not accurately reflected by the OF map. During the colonial and postcolonial periods, Ghana experienced a significant increase in the presence of foreign languages. Several typologies have been proposed subsequently to elucidate the language landscape in Ghana (Akoto, Afful, 2022).

According to Ellis and Ure (Ellis, Ure, 1982), a language model was proposed that categorised languages into high, middle and low levels. In this model, the high level corresponds to English only, the middle level represents a mixture of English and Ghanaian languages and the low level signifies the use of Ghanaian languages exclusively (Owusu-Ansah, 1997). According to Akoto's (Akoto, 2018) classification, languages in Ghana can be categorised as global, glocal or local based on their level of association with the sociocultural and linguistic setting of Ghana. In contrast to the rather static nature of the IN Ghana map, the OF Ghana map exhibits a continuous expansion due to the forces of globalisation. This phenomenon is characterised by the growing internationalisation of some languages, like Chinese and Spanish, among other factors. In contemporary times, it has been increasingly prevalent to encounter the presence of the Chinese language inside the linguistic milieu of Ghana, encompassing both official and non-official written communications. In essence, the LL of Ghana is complex because of globalisation which has engendered language contact — a phenomenon which allow for a wide range of languages to be used within a particular geographical context — a situation that the Sekondi-Takoradi Metropolis may not be exempt from.

Theoretical Underpinnings — Linguistics Landscape Model. This study was underpinned by Elana Shohamy's (Shohamy, 2006) Linguistic Landscape model, which focuses on examining written language such as signs, advertisements and inscriptions on buildings in public spaces. Several scholars have employed the Shohamy's (Shohamy, 2006) Linguistic Landscape Model to examine LL, which has demonstrated its efficacy in facilitating a comprehensive comprehension of this phenomenon (Gorter et al., 2008; Gorter, Cenoz, 2014). The model comprises three main components, each providing a framework for analysing and understanding the presence of written language in public spaces. First, visibility in the LL Model refers to how languages are visually present in a given public space. It involves analysing the written texts, signs and symbols displayed

in an environment. Researchers using the LL Model assess the quantity and prominence of different languages in a specific urban or public setting. They examine the visibility of linguistic elements, such as street signs, advertisements, public notices and other written messages to understand the linguistic diversity and prominence within a particular space. The second component of the model is interpretability, which refers to how easily individuals can comprehend the written language in a public space. It involves analysing factors such as language proficiency, linguistic diversity, and the clarity of the messages conveyed. Researchers explore how the linguistic landscape impacts people's ability to interpret information in a given context. This includes assessing the readability and language proficiency of the population and the potential challenges or ease with which individuals can understand and interact with the written language present in the public space. The third component is ideology, which relates to the socio-political meanings attached to the languages and scripts present in public spaces. It explores the power dynamics and symbolic meanings associated with the linguistic choices made by different communities. Researchers using the LL Model investigate the ideological aspects of the linguistic landscape, aiming to uncover the social and political implications of language use. This includes analysing language choices in terms of dominance, resistance or affiliation, and understanding how these choices reflect the cultural, political or identity-related ideologies of the communities inhabiting or using the public space.

The overarching rationale for the adoption of this Model is that this study encapsulated the three dimension components — visibility, interpretability and ideology. Visibility applies to this study because the dominant language on the inscriptions on the commercial intra-city vehicles in Sekondi-Takoradi was sought. The interpretability aspect of the LL Model was applicable to this study because the meanings the drivers/vehicle owners ascribe to the inscriptions used was sought. As regards ideology, the factors that influence the choice(s) of language(s) for the inscriptions were investigated.

Research Methodology

Study area. According to Ernest Biney and Ebenezer Boakye (Biney, Boakye, 2021), Sekondi-Takoradi (approximately 218 kilometers west of, the capital city of Ghana, Accra) is a port city located in the Western Region of Ghana, on the Gulf of Guinea in West Africa. The city was formed in 1946 when the two separate coastal towns of Sekondi and Takoradi were merged. Samuel Danso and Isaak Addo (Addo, Danso, 2017) indicate that Sekondi-Takoradi is an important commercial centre in Ghana, with a thriving fishing industry and a major seaport. The port is the main gateway for imports and exports to and from the Western Region and neighboring countries such as Liberia, Burkina Faso and Mali. The city has many manufacturing companies and is also home to a number of multinational companies, including Tullow Oil, Kosmos Energy

and Ghana Rubber Estates Limited, which have contributed to the economic growth of the city (Ghana Statistical Service, 2021; GhanaWeb, 2023). As of the 2021 Population and Housing Census, the population of Sekondi-Takoradi was estimated to be around 445, 205, making it the third-largest metropolitan area in Ghana. The majority of the population is made up of ethnic groups such as the Ahanta, the Nzema, the Mfantse and the Ewe. The people of Sekondi-Takoradi are primarily Christians, but there are also significant populations of Muslims and traditionalists (Ghana Statistical Service, 2021; GhanaWeb, 2023). The official language of Ghana is the English language, and it is used for official business and education. However, the people of Sekondi-Takoradi speak a variety of local languages, including Ahanta, Mfantse, Nzema and Ewe. Sekondi-Takoradi is indigenously Ahanta (Addo, Danso, 2017), and the Ahantas have their own language known as Ahanta. The Ahantas are known for their fishing and trading activities. They are known for their rich culture and traditions, which include music, dance, festivals and storytelling. The city has a tropical climate, with an average temperature of around 28 °C. The wet season runs from April to October, with heavy rainfall and high humidity, while the dry season runs from November to March (Ghana Statistical Service, 2021; GhanaWeb, 2021). Fig. 1 below depicts the map of Sekondi-Takoradi, the study area.

Research design. The simple case study design with embedded units (Gustafsson, 2017; Yin, 2003) was utilised for this enquiry. Case study research deals with the researcher selecting a phenomenon and selecting the site/context within which to study that particular phenomenon so that the phenomenon will be very well understood. John Creswell (Creswell, 2007: 73) espouses that case study, "involves the study of an issue explored through one or more cases within a bounded system (i. e. a setting, a context)." Specifically, the simple case study, which involves the investigator selecting a single case to investigate deeply, depending on the investigator's focus on the case was appropriate for this enquiry. This is because the aim of the study was to explore the LL of commercial intra-city vehicles in the Sekondi-Takoradi metropolis of Ghana. This study took place within a single context (Sekondi-Takoradi commercial intra city vehicle stations) and at three different sites (Sekondi Taxi Station, Kwasimintsim Taxi Station and Sekondi Trotro Station), using the under listed research questions:

- (1) What is the dominant language on the inscriptions on the commercial intra-city vehicles in Sekondi-Takoradi?
- (2) Which factors influence the choice(s) of language(s) for the inscriptions?
- (3) Which meanings do the drivers/vehicle owners ascribe to the inscriptions used?

The pragmatics paradigm shaped the study (Sarantakos, 2012), aiding the researchers to get a collective insight into the LL of commercial intra-city vehicles in the Sekondi-Takoradi metropolis of Ghana.

Figure 1. The STMA showing the study area
Source: (Addo, Danso, 2017).

Participants and sampling. The population was all commercial intra-city vehicles in the Sekondi-Takoradi metropolis. The target population comprised all commercial intra-city vehicles with inscriptions and the drivers/owners of the commercial intra-city vehicles with inscriptions. The commercial intra-city vehicles with typography were targeted because they contained the data for the researchers to conduct further enquiries to answer this enquiry's research questions. In addition, the drivers/owners of the commercial intra-city vehicles with inscriptions were targeted because they were in the position to provide enough usable responses to answer this enquiry's research questions. The multi-stage sampling procedure was used to elicit data for this enquiry. The first stage involved the purposive selection of the Sekondi-Takoradi Metropolis commercial intra-city vehicle parks. For the second stage, all commercial intra-city vehicles with inscriptions were purposively selected. For the last stage of the process, the drivers/owners of the commercial intra-city vehicles with typography were conveniently selected. The convenient selection was employed because not all the drivers/owners of the commercial intra-city vehicles with typography were present at the time of the collection of the data, so the researchers had to rely conveniently on those who were available.

Procedure and data collection. The researchers meticulously followed apropos ethical procedures to obtain clearance and approval for this enquiry. The lead researcher sought permission from the Station Masters of all the three vehicle parks and assured the participants that the study posed no risk to them. The lead researcher informed the participants about the nature of the enquiry and permitted them to opt to be part of the study voluntarily. They were assured of their confidentiality and the willpower to bow out anytime they felt like opting out. In order to ensure the participants' rights to anonymity, pseudonyms were used to refer to them throughout the study. In order to increase the data, the researchers visited each of the sites on two different occasions.

The researchers used personal observations, photography and in-depth interviews to elicit the data. The personal observations and photography were applied on the inscriptions on the vehicles. For the photographs, an iPhone 12 was used; the iPhone 12 was used because of its relatively advanced picture quality. The in-depth interview was employed because of its popularity and effectiveness in the collection of qualitative data (Vanderstoep, Johnston, 2009); an interview guide was fittingly applied on the drivers of the commercial intra-city vehicles with inscriptions (Creswell, 2007). An interview guide was used because, according to Creswell, it allows the researcher to follow pre-set questions but not all the prearranged probes, transitions and follow-ups are used. This situation, therefore, gave the interviewers the freewill to deviate as and when necessary to explore serendipitous findings. The interview guide had two sections. Section A covered the factors that influence the choice(s) of language(s) for the inscriptions. Section B contained questions on the meanings the drivers/vehicle owners ascribe to the inscriptions used. The

interview guide was, followingly, an appropriate data collection tool for an enquiry such as this one. As backup, in order not to lose valuable data, field notes (Vanderstoep, Johnston, 2009) and audio recordings (*Author*) were taken. In all, 125 photographs were taken, and 20 in-depth interviews were conducted from 1st May, 2023 to 7th May, 2023. Averagely, each interview lasted thirty minutes.

Data analysis techniques. Olive M. Mugenda and Abel G. Mugenda (Mugenda, Mugenda, 1999) advance that raw data from the field is difficult to interpret, demanding data management. Data management deals with exploring what has been gathered in a survey or experiment and creating assumptions and extrapolations (Creswell, 2007). Pertaining to the analysis of the observation and photography data (research question 1 = What is the dominant language on the inscriptions on the commercial intra-city vehicles in Sekondi-Takoradi), document analysis (Rapley, 2007; Corbin, Strauss, 2008; Bowen, 2009), which is a systematic procedure for reviewing or evaluating documents, was used to analyse the data. Following the three steps advanced by Bowen, the photographs were firstly skimmed (superficial examination) by the researchers. After that, the photographs were properly read (thorough examination) and, lastly, the photographs were interpreted. Simple frequencies (mode) were used to analyse the data in respect of research question 1.

As regards research question 2 (which factors influence the choice(s) of language(s) for the inscriptions?) and research question 3 (which meanings do the drivers/vehicle owners ascribe to the inscriptions used?) thematic analysis (TA), a method used for identifying, analysing and interpreting patterns of meaning ('themes') within qualitative data (Creswell, 2013), was used to handle the data obtained from the in-depth interviews. In specificity, Creswell and Poth's (2018) Analysis Spiral Plan was used to analyse the data. As illustrated in Fig. 2, the spiral loop 'A' involves organising the data. In 'A', the elicited data will be compiled and disintegrated into smaller units. Loop 'B', which is the perusal stage, will enable the researchers to glean meaningful concepts and ideas from the data and additionally make preliminary interpretations of the data. For Loop "C", which is the classification stage, the data will be further grouped into categories, themes and sub-themes, all of which will be based on interpretations derived from the codes. For the synthesis stage (Loop 'D'), the data will be integrated and summarised and will be synthesised with existing empirical literature at the discussion stage of this study.

Results

This section contains the results of the study. The result is divided into three themes: the dominant languages of the inscriptions, the factors that influenced the choice(s) of language(s) for the inscriptions and the meanings ascribed to the inscriptions.

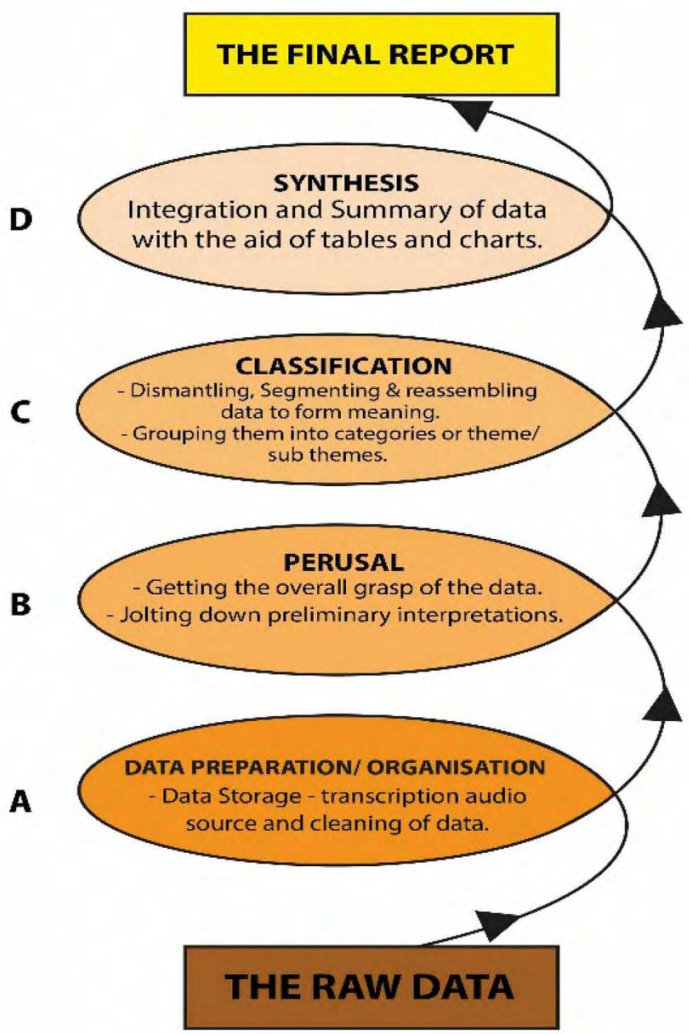

Figure 2. Analysis spiral plan
Source: (Creswell, Poth, 2018)

Results

This section contains the results of the study. The result is divided into three themes: the dominant languages of the inscriptions, the factors that influenced the choice(s) of language(s) for the inscriptions and the meanings ascribed to the inscriptions.

Dominant language used on the commercial vehicles. Inscriptions on vehicles constitutes a crucial aspect of LL studies John Nyame and Cecilia Tomekyin (Nyame, Tomekyin, 2018). This domain was, therefore, explored to identify the dominant language used on the intra-city commercial vehicles in Sekondi-Takoradi (Table 1).

Table 1

Language Distribution of the Inscription on Vehicles			
Language	Frequency F	Percent	Rank
English	53	42	1
Twi	37	30	2
Mfantse	29	23	3
English and Mfantse	3	2	4
English And Twi	2	2	5
Spanish	1	1	6
Total	125	100	

The results show that three different languages and two manifestations of code switching (English and Mfantse languages and English and Twi languages) were employed on the vehicles. Regarding the ranking, the English language ranked (F = 53; 42%) as the most dominant language used on the commercial intra-city vehicles in the Sekondi-Takoradi Metropolis. This was followed by Twi (F = 37; 30%), Mfantse (F = 29; 23%) and Spanish (F = 1; 1%). Three of the inscriptions were code-mixed (English language and Mfantse), and two of the inscriptions were code-mixed (English and Twi) representing 2% and 2% respectively, further consolidation the overall dominance of the English language within the studied LL. These findings support the claim that the English language dominates in territories where the English language is the official language. The respondents’ preference for the English language is line with those in Accra and Cape Coast (Agbaglo, Afful, 2023) who found the English language as the dominant language. Some images of some of the inscriptions in various languages are presented forthwith (Fig. 3).

Factors that influence the choice(s) of language(s) for the inscriptions. The selection of languages for inscriptions is a multifaceted process shaped by a variety of influential factors (Han, Hu, 2020). These choices are not arbitrary but are often driven by historical, cultural, political and practical considerations. Examining the factors that influence the choice of language(s) for inscriptions provides valuable insights into the dynamics of communication, identity and power within a given context. In this exploration, the researchers, therefore, explored this domain to unravel the key determinants that contribute to the selection of languages for the inscriptions.

Figure 3. Images of inscriptions in different languages placed on the car windows
Source: Personal collection of R. Asafo-Adjei, F. Bukari, E. Klu.

The respondents revealed a variety of factors that informed their choices of language. One dominant factor identified was easy readability or mileage for their inscriptions. That is, many of the respondents chose the English language because of the belief that a lot more people could read and understand the English language. When asked for the reason behind his choice of the English language, D79 indicated that he chose to inscribe 'AM SORRY' (Fig. 4) on his vehicle in English language because

...most people in Takoradi can read and understand the English language. If I write it in Mfante, people will not be able to read.
(D79, 2023)

By choosing the English language, the D79 aimed to ensure that his message was comprehensible to a broad populace. This decision is strategic, considering the linguistic diversity that may exist within the city (Alomoush, 2018). The practicality of using a language familiar to the majority enhances the likelihood that the intended message will reach and resonate with a larger number of people (Sjöblom, 2013).

Figure 4. Inscription in English on the rear window of the car
Source: Personal collection of R. Asafo-Adjei, F. Bukari, E. Klu.

Another participant, D102, 2023, explained that he inscribed “WHO KNOWS HIS FUTURE” (Fig. 5) at the back of his vehicle because:
“... In this country, English is what everyone speaks. If you write something in English, it also easy to read.” (D102, 2023).

By acknowledging English as the official language of Ghana, D102 aligns the inscription with the linguistic norms established by the country’s governance and administration. This reflects a sense of conformity to official standards, ensuring that the message adheres to the language recognised and endorsed by government institutions (Yevudey, Agbozo, 2019). Consequently, the choice of English can be seen as a form of linguistic compliance and a demonstration of civic responsibility.

Figure 5. Inscription in English on the rear window of the car
Source: Personal collection of R. Asafo-Adjei, F. Bukari, E. Klu.

In addition, *D 44, 2023* gave similar respondents when asked why they preferred to use the English language in their inscriptions ("I am that I am", and "Fear not, Allah is with you"):

English language is easy to read so people can easily understand. (D77, 2023)

I chose English language because most people will be able to read and understand. (D79,2023)

It is evident that the lingua franca status of the English language informed the choice of the language by most of the respondents. That the English language largely guaranteed that the inscriptions would be read by most of the people in society was enough basis for the respondents' to use the English language, reinforcing the power of the English language as a world language (Akoto, Afful, 2022).

Meanings drivers/vehicle owners ascribe to their inscriptions. The messages emblazoned on vehicles often serve as public statements, reflecting the individual's values, beliefs or even a sense of humour (Nyame, Tomekyin, 2018). The researchers, followingly, explored this domain to ascertain the situation, as pertains in the Sekondi-Takoradi Metropolis. The ranking of the themes under which the inscription fell were presented, after which a detailed presentation and exemplification of each theme followed. The results of the thematic analysis on the ranking are presented in Table 2.

Table 2

Meanings of Commercial Vehicle Inscriptions			
Theme	Inscriptions of Theme		Rank
	Number f	Percentage	
Religion	75	60	1
Life experience/advice	38	30	2
Prestige	12	10	3
Total	125	100	

From Table 2, it is evident that religious (f = 75) connotations ranked first as the meaning that the respondents associated with the inscriptions they put on their vehicles, suggesting that they value religion greatly. Life experience/ advice (f = 38) and Prestige (f = 12) followed in that order. The implication is that the respondents did not make the inscriptions or not reason. They had targeted messages for society, and these messages inspired them to make such inscriptions on their commercial vehicles.

Religion. The majority of the respondents used religious inscriptions to show their belief in God, Allah, and gods. Specifically, they used the inscriptions

exhibit their appreciation to God, their belief in God, salvation and perseverance. Some of the religious inscriptions and their related ascribed meanings are fond in Table 3.

Table 3

Inscriptions and ascribed meanings	
Inscription	Ascribed Meaning
Religion	
Bisa Awurade (Ask God.)	"I believe that whenever you are faced with trouble, and you pray to God, everything will be ok." (D 18, 2023)
I am that I am.	"Without God (Jesus) there is nothing again." (D 23, 2023)
Megyefo te ase (My redeemer lives)	"In 2021, at the Court Junction, I had serious accident, if was not for the intervention of God, I would have died." (D34, 2023)
Fear not, Allah is with you.	"I had three motor accidents but by the grace of Allah I survive, and I am talking to you today". (D 44, 2023)
Life experience/advice	
Wo ye wo ho se adofo (you act like you have love).	"I had quarrel with my neighbour, and anytime he sees me, he talks bad about me, so when I bought this vehicle, I chose this inscription". (D 12, 2023)
Who knows his future	I think every human being should humble, you can die anytime. (D 19, 2023)
Life is not a race.	This is my advice to the youth, we are in hurry to much. (D55, 2023)
Nhyira nka boaf0 (blesseth be the helper).	"I was struggling to get my own taxi, and someone good helped me with some money. I added some money to buy this taxi. That is the reason why I chose this inscription to thank him." (D15, 2023)
Dwen addwen pa ma wonua (have good thoughts for your neighbour).	"The hate is too much in the society, and I want people to learn and be each other's keeper." (D14, 2023)

From the Table 3, *D 18, 2023* wrote the inscription because he believed there is nothing God cannot do. That is, the omnipotence of God is highlighted in this response. Also, *D23, 2023*, explained that he took this statement from the Bible because he believes in the Bible, and believes that God is mighty and powerful.

On the part of *D34, 2023*, he had a serious accident which could have resulted to his death; that informs his reason for writing that on his vehicle because God saved him, implying in his strong belief in the saving abilities of God. More so, *D15, 2023* explained that he went through a lot of challenges in life, and those informed his choice for a religious message. The religious meanings embedded in the inscriptions on vehicles offer a unique perspective into the spiritual inclinations, beliefs and expressions of drivers or vehicle owners (Anane, 2019). From biblical verses to sacred symbols, these vehicular messages serve as public declarations of faith, conveying a connection to religious values and guiding principles.

Figure 6. Inscription in English on the rear window of a non-commercial vehicle

Source: Personal collection of R. Asafo-Adjei, F. Bukari, E. Klu.

Life Experience/advice encompasses the lessons learned from navigating the complexities of life, relationships, work and various situations (Nyame, Tomekyin, 2018). The participants employed message on this theme because of their lived experiences. For *D12, 2023*, that he had a bad relationship with his neighbour caused him to inscribe that message on his vehicle to indirectly tell the neighbor that his deeds, which are not of love, are known to the respondent. *D11, 2023*, explained that his neighbour used to insult him that he could never get married, but through perseverance and hard work, he was able to marry and has three children with his wife. On the part of *D55, 2023*, he wrote "Life is not a race" (Fig. 6) to advice everybody, especially the youth, that they should not be too quick to acquire wealth because that may land them in trouble; a lot

people encountered problems because they wanted to copy others and that did not end them well. D15, 2023 explained his choice of the inscription because someone helped him to buy the vehicle. Therefore, he chose that inscription to thank the person who helped him. So, whereas others had inscriptions based on negative life experiences, the reverse was the case for others, reflecting the uncertainties of life. Regarding D14, 2023, his message was an attempt to help purge negativity in society by advising people to eschew hatred and embrace love and positivity.

The inscriptions adorning vehicles serve as poignant reflections of the life experiences, wisdom and advice that drivers or vehicle owners wish to share with the world (Han, Hu, 2020). Whether through inspirational quotes, personal mottos or words of guidance, these vehicular messages become conduits for the accumulation of life's lessons. This exploration delves into the diverse ways in which individuals encapsulate their experiences and render advice through mobile expressions. As we navigate the highways of these personal narratives, we uncover the rich tapestry of meanings that drivers ascribe to their chosen inscriptions, offering glimpses into the unique journey each vehicle represents.

Prestige. This sub-section delves into the world of prestige-laden inscriptions, unravelling the layers of social identity, economic standing and personal pride that individuals embed into their vehicles.

Top of Form. Some of the vehicle drivers and owners wrote nicknames on their vehicles. These nicknames include local and foreign names: *FREQUENCY*, *PRESIDENT 1*, *BORGA UNO*, *BINGO*, *KMB*, *BOBBY*, *RASPO*, *PANYA*, *ABUSUA* etc. these respondents revealed that those names were written on their vehicles for easy identification purposes. Some explained that due to the uniqueness of their vehicles because of the names inscribed on them, whenever their vehicles were far, people still recognised them. For instance, the driver with the inscription *BORGA UNO*, explained that he was in Spain and when he came back to Ghana, everybody was calling him "Borga One", so he changed "One" to "UNO" which is Spanish. He said "in this station everyone knows me because of my name". Some of the participants further explained that even though each vehicle had a unique number plate, they are easily identified by the nicknames. Again, some of the drivers were of the view that they inscribed these names on their vehicles because they cherished such names. The one with inscription "PANYA" explains that he cherishes the name, hence his reason for inscribing it on his vehicle. He said, "*I like the name PANYA that is why I wrote it on my car*".

Each nickname serves as a way of expressing individuality in a visually distinctive manner. Again, the use of nickname such as "ABUSUA" reflects a strong connection to family and heritage. The driver may want to emphasise the importance of familial ties, possibly contributing to a sense of community and shared values. Generally, the choice of nicknames can reflect cultural influences, personal experiences and aspirations, contributing to the prestige and uniqueness of each vehicle on the road.

Discussion

Jeffrey Kallen et al. (Kallen, 2020) note that the defining feature of terrestrial LL are framed in terms of publicly recognisable and recognised written texts. The study indicates that the English language dominates both monolingual and bilingual inscriptions of the commercial intra-city vehicles analysed. It is obvious that the English language has a strong presence in the LL of Sekondi-Takoradi. The LL found in the current study is different from Job Anane's (Anane, 2019) findings. Anane found Mfantse domination among canoe inscriptions in Winneba. However, the findings confirm the posits of Ebenezer Agbaglo and Joseph Afful (Agbaglo, Afful, 2023) and Gordon Adika (Adika, 2012) who argue that the use English language in Ghana is appreciating in multilingual environments. Given that English is the official language of Ghana, this finding is not surprising. It is simply a reflection of the language policy of the country. Also, the dominance of the English language in the names analysed can be perceived as a reflection of the relative power and status of the English language, as compared to other languages in Ghana (Owusu-Afriyie, 2020; Akoto, 2018). This can be seen negatively as the major language causing the death of minor languages, making English the killer language (Akoto, 2018; Yankson, 2018). Santiso (2023) observes that the dominance of the English language in the public space is part of the large scale globalisation of the English language, where the English language has become widespread, with functions ranging from widespread global politics to the intricacies of peoples' lives.

Another reason for the dominance of the English language may be that the population considers it as a language of neutrality (Agbaglo, Afful, 2023). Due to the discovery of oil in the Western Region of Ghana, the capital city has attracted people from diverse linguistic and culture backgrounds. Therefore, it makes sense when commercial intra-city vehicles owners and drivers inscribed their vehicles in the English language to avoid being linguistically biased towards specific ethnic groups. This has negative effects on the other major languages spoken (Addo, Danso, 2017). It can result to the death of minor languages spoken in Sekondi-Takoradi.

From the assertion of Paula Sjöblom (Sjöblom, 2013), one can argue that, naturally, the dominance of Twi in commercial intra-city vehicles inscriptions is a result of language prestige. Obeng argues that Twi is the most prestigious of all the Akan languages (Mfantse, Wassa, Nzema, Bono, Sefwi etc). It should be noted that the native language of the Sekondi-Takoradi is the Ahanta language (Biney, Boakye, 2021). It was surprising that the Ahanta language was missing in the inscriptions of the commercial intra-city vehicles. This has serious implications for the Ahanta language. Perhaps, the people do not attach any prestige to its usage — a situation that could culminate in endangering the language.

The supremacy of English in this current study, shows the language ideology in Sekondi-Takoradi. Inhabitants in Sekondi-Takoradi appear to have positive

attitude towards the English language, as compared with other languages spoken in the metropolis. While local languages like Fanti may be widely spoken, English, as the official language and commonly used for writing, often takes precedence for inscriptions (Akoto, 2018). This preference stems from the desire to ensure readability for a broader audience. Unlike English language, most Ghanaian languages have complex scripts or characters that may be unfamiliar to certain audiences, making them harder to read (Biney, Boakye, 2021). Economic and cultural factors also influence the choice of language for inscriptions on the intra-city commercial vehicles. For example, English signage is commonly used in Sekondi-Takoradi due to its status as a global lingua franca and its widespread usage in international business and tourism (Alomoush, 2018). A similar observation was made by Agbaglo and Afful (2023) in their study on the sociolinguistics of names of Hotels in Accra. Agbaglo and Afful indicated that the English language is used as names of the majority of hotels and catch phrases because English is a global lingua franca and its widespread usage in international business and tourism.

Relatedly, to evoke their religious beliefs and prestige and to indicate their life experiences. Drivers and vehicle owners express their religious beliefs through inscriptions on their vehicles. These inscriptions were quotes from scriptures, or prayers. For individuals who hold strong religious convictions, these inscriptions serve as a form of outward expression of their faith and a source of spiritual guidance and protection (Anane, 2019). Examples of religious inscriptions may include phrases like: *FEAR NOT ALLAH IS WITH YOU, I AM THAT I AM*. Some vehicle owners use inscriptions as a means to convey messages of advice or inspiration to themselves or others on the road. These inscriptions often include motivational quotes, words of wisdom, or reminders about safety and responsible driving (Akoto, Afful, 2022). Messages like *PATIENCE; LONG LIFE* fall into this category. They aim to promote positive behaviour in the society. Finally, vehicle inscriptions serve a prestige-related function (Cenoz, Gorter, 2017). Owners adorn their vehicles with inscriptions that convey status, wealth, or affiliation with exclusive groups or organizations (Legère, 2022). Overall, vehicle inscriptions serve as a form of self-expression and communication for owners, reflecting their beliefs, values, and aspirations while also influencing perceptions of others on the road.

Conclusions

The study was purposed on exploring the LL of commercial intra-city vehicles in the Sekondi-Takoradi Metropolis of Ghana. An interview guide and an iPhone 12 mobile phone (for pictures) were used to elicit the data. Six major conclusions were drawn based on the findings. Firstly, the English language was the most preferred language used on the commercial intra-city vehicles in the Sekondi-Takoradi Metropolis. This was evidenced in the fact that it ranked first. Secondly, four languages (English, Mfantse, Twi, Spanish) were found as the

languages of the inscriptions on the commercial intra-city vehicles. Thirdly, the language choices were not only monolingual; there were code-mixes (English and Twi) found on some of the vehicles studied — a situation that emphasises the multilingual nature of the Sekondi-Takoradi Metropolis. More so, easy readability and comprehension of the messages were found to inform the use of the English language over the other languages. In addition, the native Ahanta language was overlooked, signalling that the language is potentially endangered. Furthermore, religion, life experiences/advice and prestige were found to dominate the messages that were inscribed on the commercial intra-city vehicles studied.

Limitations of the study

This investigation has been conducted from a single perspective — the inscriptions and what the owners/drivers think of them. This skews the investigation, and does not make it all-encompassing. Future studies could investigate the phenomenon from the perspectives of passengers or the public to know whether they can read and which languages they feel more comfortable with. The domain of the meanings that the public associate with the messages of the inscriptions could also be explored.

References / Список литературы

- Addo, I.Y., & Danso, S.Y. (2017). Sociocultural factors and perceptions associated with voluntary and permanent relocation of flood victims: a case study of Sekondi-Takoradi Metropolis in Ghana. *Jamba. Journal of Disaster Risk Studies*, 9(1):1–10. <https://doi.org/10.4102/jamba.v9i1.303>
- Adika, G.S.K.A. (2012). English in Ghana: Growth, tensions, and trends. *International Journal of Language, Translation and Intercultural Communication*, (1):151–166. <https://doi.org/10.12681/ijltic.17>
- Agbaglo, E., & Afful, J.B.A. (2023). Sociolinguistics of names of hotels in Accra: A linguistic landscape perspective. *Linguistics Initiative*, 3(1): 1–16. <https://doi.org/10.53696/27753719>
- Akoli, M.Y.F., bin Toni, E.A., & Kabelen, A.H. (2022). Glocalisation of English in Kupang linguistic landscape, Timor, Indonesia. *Journal of World Englishes and Educational Practices*, 4(3): 39–52. <https://doi.org/10.32996/jweep>
- Akoto, O.Y. (2018). Language choice and institutional identity: a study of the mottos of Ghanaian educational institutions. *WORD*, 64(3):177–190. <https://doi.org/10.38159/motbit.2021353>
- Akoto, O.Y., & Afful, J.B.A. (2022). Different pronouns, same referents: A corpus-based study of i, we and you in L2 lectures across disciplines. *Ghana Journal of Linguistics*, 11(1):93–118. <https://doi.org/10.4314/gjl.v11i1.5>
- Alomoush, O.I.S. (2018). English in the linguistic landscape of a western Jordanian city. *English Today*, 35(3):35–41. <https://doi.org/10.1017/S0266078418000391>
- Anane, J. (2019). Inscription on Canoes (the case of Winneba Seashore). *International Journal of Social, Politics & Humanities*, 3(1):73–89.
- Biney, E., & Boakye, E. (2021). Urban sprawl and its impact on land use land cover dynamics of Sekondi-Takoradi metropolitan assembly, Ghana. *Environmental Challenges*, (4):1–8. <https://doi.org/10.1016/j.envc.2021.100168>
- Bowen, G.A. (2009). Document analysis as a qualitative research method. *Qualitative research journal*, 9(2):2–40. <https://doi.org/10.3316/QRJ0902027>

Cenoz, J., & Gorter, D. (2017). Language awareness and multilingualism. In C. Jasone, G. Durk, S. May (eds.), *Language Awareness and Multilingualism*, 1—13. Cham: Springer Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-02325-0_27-1

Corbin, J., & Strauss, A. (2008). *Basics of qualitative research: Techniques and procedures for developing grounded theory*. Thousand Oaks: SAGE Publications Inc. <https://doi.org/10.1177/1094428108324514>

Creswell, J.W. 2013. *Research design: Qualitative, quantitative, and mixed methods approaches*. Los Angeles, London, New Delhi, Singapore: SAGE Publications Inc.

Creswell, J.W., & Cheryl N.P. (2018). *Qualitative inquiry and research design choosing among five approaches*. Thousand Oaks: SAGE Publications Inc.

Creswell, John W. 2007. *Qualitative Inquiry and Research Design: Choosing Among Five Approaches*. London: SAGE Publications Inc.

Eberhard, D.M., Simons, G.F., & Fennig, C.D. (eds.) (2019). *Ethnologue: languages of the world. Twenty-second Edition*. Dallas: SIL International.

Ellis, J., & Ure, J.N. (1982). Register range and change. *International Journal of Sociology of Language*, (35):5—23. https://doi.org/10.1163/9789401203128_011

Ghana Statistical Service (www.ghanastatisticalservice.gh) (accessed 25 April 2024).

GhanaWeb (www.ghanaweb.com) (accessed 22 April 2024).

Gorter, D., & Cenoz, J. 2014. Linguistic landscapes inside multilingual schools. In B. Spolsky, O. Inbar-Lourie, M. Tannenbaum (eds.) *Challenges for language education and policy*, 163—181. London: Routledge. <https://doi.org/10.1075/hop.18.lin2>

Gorter, R., Freeman, R., & Hammen, S. et. al. 2008. Psychological stress and health in undergraduate dental students: fifth year outcomes compared with first year baseline results from five European dental schools. *European Journal of Dental Education*, 12(2):6—68. <https://doi.org/10.1111/j.1600-0579.2008.00468.x>

Gustafsson, J. (2017). Single case studies vs. multiple case studies: A comparative study (<https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1064378/FULLTEXT01.pdf>) (accessed 12 March 2024).

Han, Y., & Hu, X. (2020). Language policy, linguistic landscape and residents' perception in Guangzhou, China: dissents and conflicts. *Current Issues in Language Planning*, (21):229—253. <https://doi.org/10.1080/14664208.2019.1582943>

Hult, F.M. 2018. Language policy and planning and linguistic landscapes. In J.W. Tollefson, M. Pérez-Milans (eds.), *The Oxford Handbook of Language Policy and Planning*, 333—351. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190458898.013.35>

Kallen, J.L., Ní Dhonnacha, E., & Wade, K. (2020). Online linguistic landscapes: discourse, globalization, and enregisterment. In D. Malinowski, S. Tufi (eds.), *Reterritorializing Linguistic Landscapes: Questioning Boundaries and Opening Spaces*, 96—116. London: Bloomsbury Academy.

Landry, R., & Bourhis, R.Y. 1997. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study. *Journal of Language and Social Psychology*, 16(1):23—49. <https://doi.org/10.1177/0261927X970161002>

Lee, J.S. 2019. Multilingual advertising in the linguistic landscape of Seoul. *World Englishes*, 38(3):500—518. <https://doi.org/10.1111/weng.12427>

Legère, K. 2022. African Linguistic Landscape. *Language in Africa*, 3(1):3—30. <https://doi.org/10.37892/2686-8946-2022-3-1-3-30>

Loth, C.-R. (2016). *The linguistic landscape as construct of the public space: A case study of post-apartheid rural South Africa: thesis*. Bloemfontein: University of the Free State (https://www.researchgate.net/publication/362024468_The_linguistic_landscape_as_construct_of_the_public_space_a_case_study_of_post-apartheid_rural_South_Africa) (accessed 20 April 2024).

Lusekelo, A., & Alphonse, C. (2018). The linguistic landscape of urban Tanzania: An account of the language of billboards and shop-signs in district headquarters. *Journal of Language, Technology & Entrepreneurship in Africa*, 9(1):1—28.

Mugenda, O.M., & Mugenda, A.G. (1999). *Research Methods. Quantitative and qualitative Approaches*. Los Angeles: Acts press.

Nakumura, M. (2021). Orthography on Japanese vehicles: A linguistic landscape analysis of writing directions. *Nature-People-Society*, (71):1—20.

Nyame, J., & Tomekyin, C. (2018). Language competition in the linguistic landscape in Ajumako and Winneba. *International Journal of Innovative Research and Advanced Studies*, 5(7):23–245.

Owusu-Afriyie, R. (2020). Examining the Linguistic Landscapes of the New Juaben Municipality, Ghana. *Research Journal in African Languages*, 1(1):97–115. <https://www.royalliteglobal.com/african-languages/article/view/96>

Owusu-Ansah, L. (1997). Nativization and the maintenance of standards in non-native varieties of English. In M.E.K. Dakubu (ed.) *English in Ghana*, 9–33. Accra: Black Mask Publishers.

Rapley, T. (2007). *Doing conversation, discourse and document analysis*. London: Sage Publications.

Rodriguez-Garcia, M. (2017). Typography for the expression of linguistic diversity in bilingual signs in Madrid. *Current Issues in Language Planning*, 12(1):229–253. <http://doi.org/10.4324/9780429448843-1>

Santiso, G.B. (2023). Linguistic landscape in a rural Basque area: a case study in Ondarroa. *International Journal of Multilingualism*, (20):1–19. <https://doi.org/10.1080/14790718.2023.2256781>

Sarantakos, S. (2012). *Social Research*. London: Bloomsbury Academic.

Shohamy, E. (2006). *Language policy: Hidden agendas and new perspectives*. London: Routledge.

Sjöblom, P. (2013). Lumia by Nokia, iPhone by Apple: Global or local features in commercial names. In P. Sjöblom, T. Ainiala, & U. Hakala (eds.), *Names in the economy: Cultural prospects*, 2–14. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.

VanderStoep, S.W., & Johnston, D.D. (2008). *Research Methods for Everyday Life Blending Qualitative and Quantitative Approaches*. San Francisco: Jossey-Bass. A Wiley Imprint.

Yáñez-Bouza, N. (2015). *Grammar, rhetoric and usage in English: Preposition placement 1500–1900. Studies in English Language*. Cambridge: Cambridge University Press.

Yankson, S.A. (2018). *Language contact and change in linguistically heterogeneous urban communities: the case of Akan in Accra*. Radbound: LOT.

Yevudey, E., & Agbozo, E.G. (2019). Teacher trainee sociolinguistic backgrounds and attitudes to language-in-education policy in Ghana: a preliminary survey. *Current Issues in Language Planning*, 20(4): 338–364.

Yin, R.K. (2003). Designing case studies. *Qualitative research methods*, 5(14):359–386.

Bionote:

Ramos Asafo-Adjei, holds a PhD in English language (English Language Teaching) from the University of Venda in South Africa and is an Associate Professor at the Communication and Media Studies Section of the Centre for Languages and Liberal Studies, Takoradi Technical University. *Research interests*: English Language Assessment and Evaluation, Pragmatics, English Language Pedagogy and Andragogy, Educational Linguistics, Academic Literacy and Discourse Analysis. ORCID: 0000-0001-8706-3028

E-mail: asafoadjeiramos@gmail.com

Francis Bukari, an English and Communication skills lecturer at Centre for Languages and Liberal Studies, Communication and Media Studies Section, Takoradi Technical University. He taught English and Communication skills as a part time lecturer at University for Development Studies and the University of Education, Winneba, Ghana. He was also English Language tutor at Bawku Senior High School, Ghana. *Research interests*: Second Language Acquisition and Learning, Discourse Analysis and Pragmatics. ORCID: 0000-0001-7932-7812

E-mail: francisbukari182@gmail.com

Ernest Klu, associate Professor in the Department of English, Media Studies & Linguistics, University of Venda, South Africa. *Research interests*: Applied Linguistics, Language Teaching, English Language Studies, Language Development. ORCID: 0000-0001-9551-7325

E-mail: Ernest.Klu@univen.ac.za

Сведения об авторах:

Асафо-Адйеи Рамос, PhD в области лингводидактики (преподавание английского языка), полученная в Университете Венды, профессор кафедры коммуникаций и медиаисследований Центра языков и гуманитарных исследований, Технический университет Такоради.

Научные интересы: методы оценки освоения и усвоения английского языка, прагматика, методика преподавания английского языка и андрагогика, лингводидактика, профессиональная грамотность и анализ дискурса.

ORCID: 0000-0001-8706-3028

E-mail: asafoadjeiramos@gmail.com

Букари Фрэнсис, преподаватель английского языка и навыков коммуникации кафедры коммуникаций и медиаисследований Центра языков и гуманитарных исследований, Технический университет Такоради. Ранее в качестве приглашенного лектора преподавал английский язык и навыки коммуникации в Университете по исследованию проблем развития Ганы и Педагогическом университете, Виннеба, Гана. Также являлся преподавателем английского языка в старшей школе г. Бауку, Гана. *Научные интересы:* усвоение и изучение второго языка, анализ дискурса и прагматика.

ORCID: 0000-0001-7932-7812

E-mail: francisbukari182@gmail.com

Клу Эрнест, профессор факультета английского языка, медиаисследований и лингвистики Университета Венды, Венда, Южно-Африканская Республика. *Научные интересы:* прикладная лингвистика, лингводидактика, лингвокультура англоговорящих стран, развитие языка.

ORCID: 0000-0001-9551-7325

E-mail: Ernest.Klu@univen.ac.za

DOI: 10.22363/2949-5997-2024-2-1-32-49

EDN KTEWVG

Научная статья / Research article

Концепт СВОБОДА/ НЕЗАВИСИМОСТЬ в ойрат-калмыцкой лингвокультуре

Ольга Кукаевна БАБАЕВА

Московский университет им. А.С. Грибоедова, Москва, Российская Федерация

 olgabov97@yandex.ru

Аннотация. Национальное сознание формируется под влиянием определенных социальных, исторических, географических условий. Любой национальный язык фокусирует внимание на определенных реалиях действительности, важных для выживания и процветания языкового социума. Концепты как «кванты знаний» являются концентрированным выражением культурно-исторического опыта социума или индивида. Написано множество работ, посвященных концептам калмыцкой лингвокультуры, таким как КОЧЕВЬЕ, ЙОСТА ЗАЛУ (русс. НАСТОЯЩИЙ МУЖЧИНА), ЖЕНЩИНА, РОД и т.д. Впервые исследован концепт СВОБОДА/НЕЗАВИСИМОСТЬ в ойрат-калмыцкой лингвокультуре. Цель исследования — выявление способов объективации изучаемого концепта. Установлено, что данные концепты, укорененные в сознании носителей кочевой культуры, — конструкт, сложившийся в силу характерных социально-экономических отношений. Анализ работ ряда ученых-историков, а также исторических источников показал, что концепт сложился в определенных исторических, экономических условиях. Семантико-концептуальный анализ примеров, отобранных из лексикографических, фольклорных и литературных источников, показал, что концепт представлен мыслительными картинками, лексемами с антонимической семой. Непосредственную номинативную объективацию концепт обретает в современной литературе, что было выявлено методом контекстуального, семантико-стилистического анализа. В соответствии с известным теоретическим положением о слоистом строении концепта выделено несколько уровней исследуемого концепта. Таким образом, концепт СВОБОДА/НЕЗАВИСИМОСТЬ в ойрат-калмыцкой лингвокультуре единый и неделимый. Ценностный аспект данного концепта выражается в том, что он является ключевым в народном эпосе «Джангар» и отражается во множестве пословиц и поговорок. Лексема *сулдхвр* как репрезентант концепта возникает в современной калмыцкой литературе и актуализирует концепт СВОБОДА/НЕЗАВИСИМОСТЬ.

Ключевые слова: этнические ценности, эпос Джангар, джангарчи, коммуникативная релевантность, семантическое развитие, антонимический перевод, сема, семема, Д.Н. Кугультинов

© Бабаева О.К., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявления о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: получена 30 марта 2024; принята в печать 30 мая 2024.

Для цитирования: Баваяева О.К. Концепт СВОБОДА/НЕЗАВИСИМОСТЬ в ойрат-калмыцкой лингвокультуре // *Macrosociolinguistics and Minority Languages*. 2024. Т. 2. № 1. С. 32—49. doi: 10.22363/2312-797X-2024-2-1-32-49

Concept FREEDOM/INDEPENDENCE in Oirat-Kalmyk language culture

Olga K. BAVAEVA

Moscow University named after A.S. Griboyedov, *Moscow, Russian Federation*
 olgabov97@yandex.ru

Abstract. National consciousness is formed under the influence of certain social, historical, geographical conditions. Any national language focuses on some definite facts of reality that are important for the survival and prosperity of the linguistic society. Concepts as “knowledge quanta” are a concentrated expression of cultural and historical experience of a society or an individual. Nowadays, many researches have been published on the concepts of the Kalmyk language culture, such as: NOMAD, YOSTA ZALU (eng. REAL MAN), WOMAN, CLAN, etc. This article is the first to study the concept of FREEDOM/INDEPENDENCE in the Oirat-Kalmyk language culture. The aim of the article is to reveal the ways of objectification of the studied concept. In the course of the research, it was revealed that this concept is a construct rooted in the consciousness of the nomadic culture carriers, formed due to the specific socio-economic relations. The analysis of the works of a number of historians and historical literature has shown that the concept was formed under particular historical and economic conditions. The semantic-conceptual analysis of the examples selected from lexicographic, folklore and literary sources has shown that the concept is represented by thought pictures, lexemes with antonymic seme. The concept acquires the direct nomination in the modern Kalmyk literature and it was revealed by the method of contextual, semantic and stylistic analysis. In accordance with the well-known theoretical position about the layered structure of the concept, several levels of the studied concept were identified. As a result, it was concluded that the concept of FREEDOM/INDEPENDENCE in the Oirat-Kalmyk language culture is indivisible. The value aspect of this concept is expressed in the fact that it is the key concept in the folk epic Dzhangar and is reflected in many proverbs and sayings. The lexeme “suldhvr” as a representative of the concept appears in the modern Kalmyk literature. This lexeme actualises the concept of FREEDOM.

Keywords: ethnic values, epic Dzhangar, Dzhangarchi, communicative relevance, semantic development, antonymic translation, seme, semem, D.N. Kugultinov

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Article history: received: 30 March 2024; accepted: 30 May 2024.

For citation: *Babaeva, O.K. (2024). Concept of FREEDOM/INDEPENDENCE in Oirat-Kalmyk language culture. *Macrosociolinguistics and Minority Languages*, 2(1), 32—49. (In Russ.) doi: 10.22363/2312-797X-2024-2-1-32-49*

Введение

Известно, что культурно-исторический опыт народа отражается и кодируется в языке. Национальный язык создает образ мира, национальную аксиологию, национальное сознание и формирует национальный характер. Ценностные ориентиры национального сознания, духовные, культурные константы находят концентрированное выражение в концептах. Впервые исследуется концепт СВОБОДА/НЕЗАВИСИМОСТЬ в ойрат-калмыцкой лингвокультуре.

Выполненное исследование основано на следующих положениях, доказанных в лингвистической литературе. Концепты не всегда облакаются в словесную форму, так как они являются единицами мышления, а мышление не всегда вербально. С другой стороны, концепты могут актуализироваться в языке лексемами, фразеосочетаниями, свободными сочетаниями и целыми текстами (Попова, Стернин, 2001: 38). Так, по мнению И.А. Стернина, возможно различное соотношение концепта, лексемы и значения. Допускаются варианты отсутствия лексемы при наличии семемы и концепта, или концепт может не быть представлен лексемой и семемой и т.д. Т.е. отсутствие лексического выражения еще не является подтверждением отсутствия концепта. Концепты могут быть выражены антонимическими лексемами и сочетаниями (Попова, Стернин, 2001: 40–41).

Цель исследования — рассмотреть способы объективации концепта СВОБОДА/НЕЗАВИСИМОСТЬ в ойрат-калмыцкой лингвокультуре.

Для достижения цели ставится несколько задач. Во-первых, проанализировать исторические условия формирования концепта. Во-вторых, рассмотреть объективацию концепта в паремиологическом фонде ойрат-калмыцкого языка. В-третьих, рассмотреть способы отражения концепта в народном эпосе «Джангар». В-четвертых, проанализировать актуализацию концепта в литературном языке на примере произведения Д.Н. Кугультинова. И наконец, рассмотреть лексические единицы, объективирующие концепт, в современных словарях ойрат-калмыцкого языка.

Теоретической основой работы послужили труды таких ученых, как Н.Д. Арутюнова, Н.Н. Болдырев, А. Вежбицка, Л.С. Выготский, С.Г. Воркачев, Н.И. Жинкин, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, И.А. Стернин, З.Д. Попова и др.

Языковой материал собран методом сплошной выборки из сборников пословиц ойрат-калмыцкого языка (Букшаев, Мацаков, 1982; Оконов, 1974), лексикографических источников, из эпоса «Джангар» и из поэмы «Маобитский узник» Д.Н. Кугультинова. В работе использовались методы семантико-концептуального анализа, интерпретативного анализа, описа-

тельный метод, метод контекстуального анализа средств объективации концепта в поэтических текстах.

Мы исходим из гипотезы, что СВОБОДА/НЕЗАВИСИМОСТЬ — неразрывный концепт, укорененный в сознании носителей ойрат-калмыцкой лингвокультуры, обусловленный кочевым образом жизни, историческими, социально-экономическими отношениями. Лексема *сулдхвр*, актуализирующая концепт, является современным дериватом от глагола *сулдх* и прилагательного *сул*. Эта лексема возникла изначально в литературном языке, затем вошла в узус ойрат-калмыцкого языка.

Социально-экономические предпосылки формирования концепта СВОБОДА/НЕЗАВИСИМОСТЬ в лингвокультуре ойрат-калмыков

Н.В. Гоголь в очерке об ойрат-калмыках писал: «Нравом калмык гостеприимен и поделчив. В обращении ровен и с богатым, и с бедным. Бедный может зайти в любую кибитку и подсесть к хозяйскому котлу, ему поднесут чашку наравне с другими» (Гоголь, 1963: 82). Такое равноправие, следует думать, характерная черта кочевых культур. Главный пристав ойрат-калмыцкого народа К.И. Костенков описывал социальное устройство как основанное «на началах воинственно-патриархального родового их быта» (Костенков, 1870: 17). Ойрат-калмыцкие племена, как считают ученые, возникли на основе военных подразделений Чингисхана. По мнению Л.Б. Четыровой, «этос, свойственный воинам, стал матрицей, порождающей категории, характеризующие ментальность ойрат» (Четырова, 2017: 128). Л.Б. Четырова в своем исследовании также отмечает: «Ойраты вели военно-кочевой образ жизни, а значит, их основными практиками были военные и, соответственно, категории восприятия, которыми они руководствовались, были также военными» (Четырова, 2017: 128). Социальные отношения в ойрат-калмыцкой среде, в которой все были воинами, как простолюдины, так и знать, носили характер военной демократии. Их выживание в военных условиях зависело от слаженного взаимодействия и взаимовыручки. Это формировало демократизм отношений между условиями ойрат-калмыцкого общества. Кочевое сообщество было одновременно и хозяйственной, и военной структурой. Каждый кочевник — это вооруженный, опытный воин.

О демократизме сословных отношений среди ойрат-калмыков свидетельствуют и другие исторические документы. Так, например, И.А. Житецкий в очерках об астраханских калмыках писал: «...все семейные торжества, празднества и печальные церемонии высшего сословия непременно вводят чернь в жизнь его и единят их, так как во всех этих случаях чернь является гостями и деятельными членами семейных церемоний зайсангов и нойонов. И брачные церемонии, и торжества при родине, и простые пирушки

для высшего сословия только и возможны под условием допущения в свою среду всех своих однохотонных, так как семьи одинакового положения кочуют далеко. И обратно, семейное торжество однохотонной кибитки черни сопровождается участием и семьи зайсанга, так как последняя имеет возможность делить свой досуг только среди своих близ-живущих простых калмыков» (Житецкий, 1893: 40). Следует отметить, что исследователь упускает из виду то, что простолюдины и зайсанги с нойонами могут быть связаны родством, либо кровным, либо брачным. И эта родственная связь и определяет их взаимоотношения. Для российского общества тех лет с системой крепостничества и сословной иерархии такие отношения невообразимы, поэтому исследователь пытается найти объяснение в кочевом образе жизни. Однако подобное равенство имеет, конечно же, более глубокую социально-психологическую природу.

Приведем еще несколько примеров, свидетельствующих об относительном социальном равенстве в ойрат-калмыцком обществе. Исторические документы свидетельствуют о том, что нойоны и зайсанги при принятии важных решений советовались с народом, простолюдинами. Так, после смерти Аюки хана, в условиях междоусобицы, когда русское правительство настаивало на том, чтобы ойрат-калмыцкие улусы перешли внутрь царицынской укрепленной линии, нойоны и зайсанги, не сумев прийти к согласию, обратились к простому народу. И согласились с решением народа (Батыров и др., 2015: 21–22).

Управляющий ойрат-калмыцкими делами 20–30-х гг. XVIII в. В.П. Беклемишев писал: «бес совету простого народу великих дел владельцы делать не могут»; а «в период междоусобицы 1731 г. Нойон Петр Тайшин не смог последовать за Дондук-Омбо и остался кочевать при Волге «для того, что подлой народ не желает» (Батыров и др., 2015: 22).

Есть документальные свидетельства того, что простолюдины могли уйти от своего нойона, если он их не устраивал. Так, по свидетельству простолюдина Санджи, группа из тридцати кибиток покинула своего нойона, так как их не устраивали подати, которыми он их обложил. Номады согласились вернуться к нему, оговорив ряд условий и заставив нойона дать присягу об их соблюдении (Батыров и др., 2015: 22).

Таким образом, можно видеть, что ойрат-калмыцкое общество не было столь закабаленным и бесправным, как это было принято описывать в художественной литературе и исторической науке советского периода для обоснования и оправдания социалистической революции и последующих преобразований.

Родовая спаянность, «габитус воина» (Четырова, 2017: 129) определяли этническое самосознание ойрат-калмыков, которые с начала XVII в. оказались в абсолютно чуждой по языковым, религиозным, антропологическим характеристикам среде, с совершенно другим хозяйственно-экономическим укладом и социальным взаимодействием. Все это выкристаллизовало

их этническое самосознание, создавая монолитное общество с четким представлением собственной идентичности, культурной идентификации. Монолитность и внутренняя сплоченность этно-социума позволяла противостоять влиянию чуждой культуры, чуждой модели взаимодействия внутри социума.

Так, ойрат-калмыки не принимали возможность торговать собственными людьми. Свидетельством тому переписка жены нойона Чакдорждаба Джал в 1713 г. с астраханским комендантом М.И. Чириковым: «У наших попов ушли дворовые две девки, и вы одное девку нам отдали, а другую оставили у себя. И которую оставили девку и тое девку хотел ты у меня просить; и нам отдать нельзя для того, что те калмыки у нас вольные люди, а буде бы полонка или татарка, или иных родов какая-нибудь, мочно бы вам отдать. А по нашему закону своего калмыцкого роду отдать нельзя» (Батыров и др., 2015: 18).

Относительное социальное равенство отмечала и торгутская принцесса Нирджидма в своем сообщении, сделанном при ее встрече с ойрат-калмыцкими эмигрантами в Европе в 1933 г. (Алексеева, 2009: 40). Задачи данной статьи не позволяют углубляться в этот вопрос, поэтому мы ограничимся только несколькими примерами.

Таким образом, множество документов свидетельствуют о свободе и независимости членов ойрат-калмыцкого социума, обусловленной экономическими и историческими предпосылками. В то же время, отмечается сплоченность, взаимозависимость и взаимоподдержка всех членов коллектива, независимо от сословной принадлежности.

Объективация концепта СВОБОДА/НЕЗАВИСИМОСТЬ в паремиологическом фонде ойрат-калмыцкого языка

Несомненно, социально-экономические паттерны взаимодействия отражаются в сознании социума. Философия народа, его идеалы, этика сублимируется в пословицах и поговорках. Самодостаточность и независимость — центральные черты ойрат-калмыцкого характера. Образ жизни кочевников предполагает свободу передвижения, необходимость умения полагаться на себя и свои навыки выживания, а также на взаимовыручку. Это определяет противоречивость в характере ойрат-калмыков, с одной стороны, независимость, самодостаточность, с другой — коллективизм.

Приведем ряд пословиц, иллюстрирующих данное положение, например: *Ор тольалгч хаанас олн кучтэ* — Народ сильнее хана, управляющего страной. *Хөрн кун ни уга болхла — шавр шива, хойр кун ниитэ болхла — төмр шива*. — Двое сплоченных подобно железной крепости, двадцать человек, не находящихся общего языка, подобны глиняной крепости (здесь и далее перевод автора).

По справедливому замечанию Б.А. Бичеева, в этих пословицах гений народа сформулировал основную черту этнического характера, которую ученый определил как «конфликт благоразумия и страсти — коллизия, непременно присутствующая на всех этапах этнической истории западно-монгольского (ойратского) этноса» (Бичеев, 2009: 58). Эта коллизия отражена в следующих пословицах: *Арвн жил атн болхар, нег жил буур бол.* — Чем десять лет прозябать холощеным верблюдом, лучше год прожить полноценной жизнью самца; *Занын сүл болхар ботхна толһа бол.* — Чем быть хвостом слона, лучше быть головой верблюжонка; *Үксн буурин толһаһас, Эмд атн ээдг.* — Живой кастрат-верблюд боится головы мертвого верблюда-самца; *Арслң кеду өлсв гиж-бөөлжрһн иддго.* — Лев как бы ни был голоден, не будет есть ягоды.

В сознании ойрат-калмыка нет ничего более важного, чем свобода и независимость. Неприятие всякой зависимости выражается в нежелании ойрат-калмыков обращаться к кому-либо с просьбой, быть в положении просителя. Неумение ойрат-калмыков просить отмечал еще исследователь Н.А. Нефедьев: «Калмык... если он просит о чем-нибудь, то говорит просто, не зная поклонов и не изменяя ни вида, ни голоса, так, что просьба его бывает более похожа на требование» (Нефедьев, 1834: 362).

Во многих пословицах утверждается нежелательность положения просителя. *Күүнэс юм хээхар, эврәннь авдран уудл.* — Чем искать у кого-то, лучше поищи в своем сундуке. Похожая пословица с тем же смыслом: *Эдалэс эрхар авдран уудл.* — Чем просить у соседей, поищи в своем сундуке. Унизительность положения просителя для мужчины подчеркивается в следующей пословице: *Залу күмн юм сурвл нег му, сурсинь эс өгвл бас буру.* — Плохо, когда мужчина просит, отказать в просьбе мужчины тоже плохо (неправильно). В данном случае мужчина в роли просителя — не одобряется. Отказом адресат ставит его в еще более унизительное положение, что нежелательно для него самого.

Отрицательное отношение к просьбам вне зависимости от пола отражает следующая пословица: *Сурсн му, сурсиг эс өгхлэ түүнэс үлү му.* Просить плохо, если отказывают — еще хуже. Сама необходимость просить воспринимается ойрат-калмыками как нечто унизительное, а отказ в просьбе, усугубляя положение просящего, ставит в неловкое положение адресатов просьбы. В данном случае демонстрируется неприятие всякого унижения, ни себя, ни других.

Еще одна пословица постулирует необходимость умения давать, оказывать помощь, в то же время подчеркивается преимущество умения полагаться на себя, обходиться без чужой помощи: *Өгсн сән, өгсиг эс авсн улм сән.* — Давать хорошо, а не брать то, что дают, еще лучше.

Важность независимости, умения обходиться своими силами также выражено в пословицах:

1. *Күүнэ гертэс тос уусн дорхнь, эврэ гертэс ус уусн деер.* — Чем в чужом доме масло пить, лучше довольствоваться водой в своем доме.
2. «*Ас*» *гиснэс* — «*ав*» *гисн деер.* — Чем говорить «дай», лучше сказать «возьми». Или *Авснас өгсн деер* — отдавать лучше, чем брать.

Следующие пословицы являются яркой метафорой абсолютной неприемлемости, невозможности какой-либо зависимости:

1. *Күүнэ һарин тос долахд хату.* — Трудно слизывать масло с чужих рук.
2. *Сөгджэжэ жирһсн орхнь, сөрлцжэһэд үксн деер.* — Чем жить кланяясь, лучше погибнуть сражаясь.

В этих пословицах гений народа лаконично выразил свою психологию и философию свободы и независимости.

Не случайно А.С. Пушкин вкладывает в уста своего героя ойрат-калмыцкую сказку о вороне, с формулой «лучше раз напиться живой крови, чем триста лет питаться падалью»¹. Если даже и нет подобной сказки в ойрат-калмыцком фольклоре (Кичикова, 2016: 78), совершенно определено, что поэт почувствовал свободу духа, гордость и независимость этого народа по его пословицам, и этот дух свободы он отразил в коротенькой сказке.

Объективация концепта СВОБОДА/НЕЗАВИСИМОСТЬ в эпосе «Джангар»

В эпосе концепт СВОБОДА/НЕЗАВИСИМОСТЬ конструируется через лексемы и выражения с антонимичной семой зависимости, подавления воли, унижения, поражения. Так, в песне «О поединке великого нойона Джангара с ясновидцем Алтаном Цеджи» читаем: *Долатадан намаг дорацулж, / орулж авх бийнь, / Ода, зурһатадан, иржэ хальдхларн / мини болх билтал* (здесь и далее примеры приводятся из эпоса «Джангар» (Джангар... 2013). В переводе С. Липкина наблюдаем прием семантического развития и антонимический перевод: *Прибыл бы Джангар сюда через год, / Был бы теперь семилетним он, / — надо мной одержал бы верх, / Захватил бы меня в полон*².

Исследуемый концепт в данном примере моделируется антонимичным лексеме *свобода* сочетанием *дорацулж, орулж авх... — подавив, взял в плен*. Где *дорацулж* — деепричастие со значением *подавив, унизив*, а *орулж авх* — усеченный вариант выражения *номдан орулж авх* — *взять под свою власть, подчинить своим законам*. В переводе читаем *одержал бы верх*, где сема подавления, лишения воли отсутствует.

Еще один пример, с такой же лексемой: *Дордын олн хортыг дорацулж* (*Множество южных врагов подавил*) или *Дорд орни / Догшин Шар Маңһс хааг*

¹ Пушкин А.С. Капитанская дочка. М. : Да! Медиа, 2014. С. 53.

² Здесь и далее перевод С.И. Липкина.

дорацулгсн (И победивший хана восточных степей, / Злого мангаса, пред кем трепетали враги).

Далее в эпосе находим множество выражений с семой потери свободы, независимости. Например, сочетание *орулж авх* — букв. *ввести в свою страну, присоединить к себе* — *номдан орулж авх*. Лексема *ном* имеет значения *наука, грамота, религиозное учение, канон*. В данном контексте лексема *ном* реализует значение *закон*: *подчинил своим законам / законам своей страны*. *Күчтэ Күрмн хан гидг хан / Үзң алдр хаани нутг / Кезэнэ орулж авгсн хан болна*. — Мощного хана Кюрмена лежит страна. ... /... некогда он покорил себе племена...; *Зул алдр хааг / Номдан орлгсн*. — Хана Зулу подчинивший державе своей; *Төвшүн дөрвн үзгин хаадудыг / Номдан орулад авдг* — Ханов четырех сторон, подчинивший своей воле...

Глагольному сочетанию *орулж авх* соответствует номинатив *оруд нутг* — *подвластная страна, колония*: *Миңһн негн жилд / Жаңһрин оруд нутг болтн!* / — Тысячу и один год / будьте подвластной Джангру страной!

Лексема *алвт* — *данник*: *Алдр Жаңһрин алвт кеж, / Жил болһн алва авч ирж йов*, — *Сделав данником славного Джангра / каждый год привози дань*.

Идея подавления свободы выражается сочетанием: *өлмэд мөргүлх*, где *өлмэ* — *передняя часть ноги*: *Хан Жаңһрин өлмэд / Харута тоотынь мөргүләд*, — *Заставив поклониться в ноги Джангару хану*.

Захват чужой страны, утрата свободы передаются метафорами *сломанного древка знамени, разрушения ворот крепости* (см. примеры ниже).

1. *...һундгч насндан һучн тугн үзр хуһлгсн; / һурвн бээрин ам эвдгсн*. — ...будучи трехгодовалым — трех крепостей до основания разрушивший ворота, переломавший древки тридцати знамен.

2. *Доладгч насндан / Долан бээрин ам эвдгсн*, — В лето седьмое жизни — семи крепостей / До основания разрушивший ворота.

В эпосе богатыри Джангара покоряют других ханов, другие *нутуги* — *страны*. Бумба же страна не знает зависимости и несвободы. Сама мысль о такой возможности заставляет Джангара проронить слезу: *Эндрк жирһл мана болв чиг, / Маңһдур күүнэ һарт орсн / Хатун төләд хәәлүв* — *Джангар сказал, не стыдясь внезапной слезы: Счастливы мы сегодня, друзья мои, — / Завтра, быть может, народы Бумбы святой / Будут раздавлены чужеземной пятой*.

В данном примере сема зависимости, подчинения передается сочетанием *күүнэ һарт орсн* — букв. *попасть в чужие руки, попасть в плен, в кабалу*. Еще один пример с данным выражением: *Бумбин Улан Хоңһр / Күүнэ һарт орна гидг юуна санж — гиһэд*, — *Я ли, на страже поставленный, сдамся в бою? / Я ли покрою позором душу свою?!*

Во всем эпосе потеря свободы, независимости рассматривается как величайший позор на все времена. Так, в песне о богатыре Савре Тяжелоруком читаем: *Күүнд орж өгв гих / Алдрш му нерн / Эгр хал булгин көвәд / Ааһ цусан асхлций гиж, / Догшин Килһн хаанд / Нама — Эср Улан Хонгр келв*

зу! — *зив.* — Богатыри предпочитают пролить кровь и расстаться с жизнью, чем покрыть себя, свою страну позором плена: Имя Джангара-богатыря, ...Не покроется никогда / Даже пятнышком стыда! / Не ждите Джангара позора вы — / не то дождетесь разора вы!

В одной из песен, посвященных подвигам богатыря Хонгра, герой говорит, что предпочтет умереть, чем быть в подчинении у кого-либо: *Хар Һазрт оч, / Арһсн, түләң күн болж заргдхин ормд, / Эгр Хар булгин көвэд / Ааһ цусан асхцнав!* — *зив.* — Крови чашу я лучше пролью — / Волю нашу добуду в бою, / а скороходом не стану я, / И чужеземному хану я / Никогда не буду рабом, / Собирающим кизяки!

По словам известного джангарчи Цаһан Зам, В.О. Каруева (из личной беседы) эпос «Джангар» — это не сказка или мечта о счастливой жизни, как принято трактовать эпос с советских времен. Это моральный кодекс этноса, в котором прописаны правила поведения представителя этноса, мужчины, женщины, девушки.

В эпосе сформулированы важнейшие ценности народа. И о одним из величайших ценностей относятся свобода и независимость страны, свобода и равенство каждого человека в отдельности. Ради процветания и благополучия страны, богатыри готовы отдать свои жизни. Единственное, что страшит героев-богатырей — это *му нерн* — позор, бесчестие и потеря свободы.

Таким образом, в эпосе концепт СВОБОДА/НЕЗАВИСИМОСТЬ моделируются посредством антонимичных семем свободы выражениями, через семемы лишения воли, подавления, унижения.

Мы выделили следующие выражения: *дорацулх* — унижить; *орулж авх* — присоединить к себе; *номдан орулж авх* — заставить жить по своим законам, навязать свои законы; *оруд нутг* — подвластная страна, колония; *заргтх* — стать прислугой, быть в услужении. *Алет* — данник, подвластный, подвластная страна, колония; *өлмэд мөргүлх* — поклониться в ноги; *тугн үзр хуһ* — сломать древко знамени; *бээрин ам эвдх* — разрушить ворота крепости; *күүнә һарт. орх* — попасть под чужую руку, попасть в плен, кабалу; *заргдх* — быть в услужении.

Можно заметить, что в эпосе не встречается номинативов, обозначающих непосредственно свободу, независимость. Это наводит на мысль, что ойрат-калмыки воспринимали свободу и независимость, как нечто само собой разумеющееся, входящее в понятие счастливой, благословенной жизни *жирһл*. По мнению исследователей З.Д. Поповой, И.А. Стернина: «Причины вербализации или отсутствия вербализации концепта — чисто коммуникативные (коммуникативная релевантность концепта). Наличие или отсутствие вербализации концепта не влияет на реальность его существования в сознании как единицы мышления. В сознании существует большое количество невербализованных концептов» (Попова, Стернин, 2005: 8). Мы полагаем, что концепт СВОБОДА/НЕЗАВИСИМОСТЬ не име-

ет непосредственного наименования, но, тем не менее, существующее в сознании ойрат-калмыцкого народа образование, представленное в эмоционально-образных мыслительных картинках, выражаемых через иносказание посредством пословиц и лексических единиц и выражений с антонимичной семьей.

И в наши дни в *йоралэх* — благопожеланиях, когда желают счастливую жизнь говорят: *Деерэн нойон уга, дер доран дээсн уга — Жить, не имея над собой нойона и врага по-близости* (букв. под подушкой). Т.е. счастливая жизнь — это свобода и независимость.

Все песни эпоса заканчиваются сценой пиршества, где народ торжествует победу над врагом, освобождение от опасности порабощения.

Дөрдү маңһс дээсэн дарсн болад, / дүүвр хар арзин суур болад, / дүрклн жирһэд суув. — В счастье великом и торжестве / В честь разгрома могучих врагов / Расселись бойцы отваги полны... Здесь *дүрклн* — торжествуя, ликую; *жирһэд* — жить счастливо, жить в благоденствии. *Таңсг Жанһрин өлзэд / тавн сай шевнр / Тана-мана уга дүрклгсн бээдг. — Под покровительством Джангоровой веры там, /и ничего не деля на мое и твое, / Славили в песнях радостное бытие.*

Также в данной строфе звучит обычное среди ойрат-калмыков выражение: *тана-мана уга* — ничего не деля на мое и твое. Эта максима в различных вариациях встречается в благопожеланиях, которые произносятся и в наши дни. Например, *шар-бор уга* (букв. без желтых и серых; *му-сан уга* — без плохих и хороших. Это еще одно свидетельство важного императива ойрат-калмыков: все равны, нет твоих и моих, хороших и плохих, лучших и худших. И люди этим руководствовались и жили, следуя этим моральным установкам.

Концепт СВОБОДА/НЕЗАВИСИМОСТЬ в поэзии Д.Н. Кугультинова

Рассмотрим, какие лексические средства моделируют концепт СВОБОДА/НЕЗАВИСИМОСТЬ в современных поэтических произведениях, на примере поэзии Давида Никитича Кугультинова.

Примеры приведены из поэмы «Маобитский узник». Концепт свобода актуализируется лексемой *сулдхвр*: *Седкл өдрэр авлсн/Сулдхвр сөөднь үзгднэ... / — Одолев пространство и время, / новый «номер» парит над всеми / в сновиденьях* (Блаженный сон! Заключенного друга и брата!), да, пока свободен, крылат... (перевод Ю. Нейман). Так описываются думы узников о свободе: *Свобода, которая занимает мысли* (букв. душу) *в течение дня, ночью видится во сне*. В другом примере: *Сээхн урд цагт / Сулдхврт ю кежэлэт? — В прекрасные прежние времена / на свободе, чем вы занимались?* (досл.). *Сулдхврас унтань үга! — гив — Нет ничего дороже свободы* (досл.) — Восклицает один из узников.

В следующем примере исследуемый концепт актуализируется образом моря с бушующими волнами, которое нельзя ничем обуздать: *Сулдхвр-та дольгарсн теңс / цуглулж, / Стаканд оньслж болхий? — Разве можно свободную стихию моря / собрав / запереть в стакан? (досл.)*. Концепт представляется метафорой живого существа: *Дурлсн талагшан назрар / Дурарн йовдг сулдхвр, ... (букв.)*. Свобода ступает по земле, куда пожелает.

Также, концепт СВОБОДА/НЕЗАВИСИМОСТЬ объективируется антонимически, посредством глаголов с семой лишения свободы, которые мы не раз встречали в фольклоре, в частности, эпосе «Джангар».

1. *Дархар седж боссн, / Дээсиг диилх чидл, / Заяч мини, аврж, / Зааж белг кенич. (букв.) — Дай силы, судьба моя, одолеть врага, поднявшегося / подавить свободу.*

2. *Дажргдснднь сулдхвр өгх. — Даст свободу подневольному.* В данном примере лексема *дажргдсн* — *подавляемый, подневольный*.

3. *Дархар ирсн дээсиг, / Дууһарн, бууһарн мет, / Дорацулад хорахд дөңллэ! (букв.) — Врага, пришедшего поработить, / Песней своей подобно оружию / Помог раздавить.*

В данном примере сема отсутствия свободы, зависимости, выражается лексемой *дарх* — *подавлять*. *Күмниг дорацулж хорадг... (букв.) — Поработив все человечество, уничтожить его.* Здесь сема отсутствия свободы выражается лексемой *дорацулх* — *унижать, подавлять*.

В изученных примерах единый концепт СВОБОДА/НЕЗАВИСИМОСТЬ актуализируются посредством лексем *сулдхвр* и сочетанием *дурарн йовх* — синонимом к выражениям *дурндан бээх, таварн бээх — жить согласно своей воле, по своему желанию*.

В литературных произведениях концепт СВОБОДА/НЕЗАВИСИМОСТЬ расщепляется, и СВОБОДА понимается отдельно от концепта НЕЗАВИСИМОСТЬ, так как обретает непосредственное название. Также в произведениях Д.Н. Кугультинова данный концепт объективируется антонимически, через семы лишения свободы, подавления свободы, воли: *дарх* — *давить, задавить / подавить*; *дажрх* — *унижать / подавлять*; *дорацулх* — *подавить / унижить*. В этом случае концепт снова обретает двойственность, имплицитно СВОБОДУ и НЕЗАВИСИМОСТЬ.

Отражение концепта СВОБОДА/НЕЗАВИСИМОСТЬ в лексикографии

Языковой материал извлечен из словаря под редакцией В.Д. Муниева (Калмыцко-русский словарь, 1977).

В лексикографических источниках концепт СВОБОДА/НЕЗАВИСИМОСТЬ объективируется рядом производных лексических единиц от прилагательного *сул* — *пустой, свободный, вакантный*; *сул сав* — *свободная посуда*. Поскольку нас интересуют единицы, с семой *свобода, независимость*,

другие значения, приводимые в словарях, опускаем. Существительное *сулдхлн* — освобождение. Глагол *сулдгдх* страд. от. *сулдх* — освобождаться, быть освобожденным; *көдлмшэс сулдгдх* — освободиться от работы. *Сулдх* — освобождаться; *сулдхагч* — освободитель. *Сулдхл* — свобода; демократическ *сулдхл* — демократическая свобода; *үгин, барин, хургин сулдхл* — свобода слова, печати и собраний. *Сулдхлхн* от *сулдх* — ослабление; *орн-нуткудын бээдл сулдхлхн* — ослабление международной напряженности. *Сулдхлхна* Род. п. от *сулдхлхн* — освободительный; *сулдхлхна жисэн* — освободительное движение.

Рассмотрим антонимическую лексику с семой несвободы, подчинения, гнета. В словаре В.Д. Муниева находим следующий антонимический ряд.

Глагол *дарх, даргдх*, букв. — завалить, задавить ч-л. *Даргдхлн* и. д. от *дарх* — угнетение, притеснение. *Даргдх* — быть угнетаемым, притесняемым. *Даргч* — притеснитель, притесняющий.

Переносное значение, представленное в данном словаре.

Дарлхн — 1. Победа. *Дөчн түмн маңһисиг дарлхн. (Джангар) победа над десятью тысячами мангасами.* 2. Подавление. *Дээсиг дарлхн* — подавление врагов.

Дарх — 1. Давить, жать, придавливать, приминать. 2. Побеждать. *Дээсиг дарх* — побеждать врагов. Данная лексическая единица часто употребляется в разговорной речи, например, *Күүнд даргдго күн* — Человек, волю которого не могут подавить другие; Человек, живущий, действующий по своей воле.

Еще одна лексема.

Дажран — 1. Грабеж, разбой. 2. Угнетение. *Дажрлт* — угнетенность; иго, угнетение. 3. *Дажрх* — угнетать, тиранить; *сээнд бичэ зуһууд, мууг бичэ дажр. посл.* Сильному не льсти, слабого не обижай.

Харьят — подданный, зависимый. *Эркдэн орулх* — подчинить своей власти, где *эрк* — власть, могущество, право. *Эврэ эрктэ орн-нутг* — суверенное государство.

В кратком русско-калмыцком словаре автора Эрднь-Байр Жижян, изданном в 1995 г. (Жижян, 1995), находим следующие лексические единицы.

1. Независимость — *дархн эрк, бийән даалт, тусхар тогтнл.*
2. Национальная независимость — *үндстни тусхар тогтнл / бийән даалт.*
3. Независимость взглядов — *бий даасн хэлэц.*
4. Независимый — *бийән даасн, тустан тогтнсн, тусхар.*
5. Независимые страны — *тусхар орн.*
6. Независимый человек — *дархн эрктэ күн.*
7. Независимый характер — *бийән даасн заң.*

Лексические единицы с семой свобода: 1. *Сул, чөлән*; 2. *Чаң биш, сул*; 3. *Эрк-сул, эрк-чөлән, сулдхвр, эрк*; свобода слова — *үг келх эрк*; свобода печати — *барлж ниитлх эрк-чөлән, барлх эрк*; демократические свободы — *ардчлсн эрк-чөлән*; 4. *Эрк-дурн*; пользоваться полной свободой — *эрк-дурндан бээх.*

Свободный 5. *Эрк-чөлэт, чөлэт, сулдан бээдг; свободный народ эрк-чөлэт / сулдан бээдг ард.*

Лексемы с семой несвободы, зависимости в данном словаре представлены следующими единицами: *гнет* — *дажг, дажрл; дарул, шахур; подвластный* — *харъят, оруд. Подчинение, быть в подчинении у кого-либо* — *харъягдл, өөнд бээлһн, закргдл. Подчиненный* — *харъягдсн, закргдсн, закрулсн; подчинить* — *закрх, харъялгдх, эркдэн орулх, өөндэн орулх; подчиниться* — *закргдх, харъялгдх, өөнднь орх.*

Семантика несвободы представлена также номинативами, обозначающими несвободного, зависимого человека: *раб* — *боол, мухла; рабовладелец* — *боолын эзн, боол эзмшгч; рабство* — *боолчлгч диглм; быть в рабстве у кого-нибудь* — *боолчлгдх.*

Заключение

Подводя итоги, можем сказать, что в эпосе «Джангар» концепт СВОБОДА/НЕЗАВИСИМОСТЬ моделируется посредством лексем с антонимическим значением: *дорацулх* — *унизить, орулж авх* — *присоединить к себе, номдан орулж авх* — *заставить жить по своим законам, навязать свои законы; оруд нутг* — *подвластная страна, колония; алевт* — *данник, подвластный, подвластная страна, колония; өлмэд мөргүлх* — *поклониться в ноги.* Также для актуализации значения лишения свободы используются метафоры: *тугн үзр хуһ* — *сломать древно знамени; бээрин ам эвдх* — *разрушить ворота крепости; күүнэ Һарт орх* — *попасть под чужую руку, попасть в плен, кабалу; заргдх* — *быть в услужении.* Лексема *дажрх* также частотная лексическая единица, используемая в значении угнетать, издеваться над кем-либо. Лексемы, непосредственно несущей сему свобода, не обнаружено.

В произведениях Д.Н. Кугультинова (Кугультинов, 1976) концепт СВОБОДА/НЕЗАВИСИМОСТЬ актуализируется лексемой *сулдхвр, дурарн йовх* и антонимическими лексемами, которые также часто встречаются в эпосе «Джангар», пословицах и в разговорной речи: *дажрх, дарх, дорацулх.* Лексическое сочетание *дурарн йовх* синонимично выражению *дурндан бээх, таварн бээх* — *жить согласно своему желанию, своей воле.* Выражение *дурндан бээх* включает семантику нарушения норм, правил и может обозначать необузданность, неприятие правил.

Лексема *сулдхвр*, на наш взгляд, есть вошедший в узус калмыцкого языка современный дериват глагола *сулдх* и прилагательного *сул*. Это подтверждается калькой с русского языка *демократическ сулдхл* — *демократическая свобода.* По-нашему мнению, это новообразование советских времен, которое следовало бы перевести как *олн-эмтнэ шиидврэр бээлһн*, так как демократия — *власть народа, демоса.* В ойрат-калмыцком языке *народ* — *олн-эмтн, решение* — *шиидвр.* Демократические свободы предполагают жизнь согласно воле народа, таким образом: *олн-эмтнэ шиидврэр*

бээлһн — жизнь согласно решению народа. Возможно, несколько длинно, но абсолютно полностью выражает идею переводимого сочетания.

Стоит отметить, что в фольклоре ойрат-калмыцкого языка есть загадки триады. В одной из них говорится о трех свободных — *хурвн сул: хурвн сул: давсн уга цэ сул, деесн уга мөрн сул, эцк уга көвүн сул*. Три свободных? Чай без соли — свободный (имеется в виду жидкий), конь без веревки — свободен, сын, у которого нет отца, — свободен. В данной загадке-триаде *сул* имеет негативное значение, имплицитующее плохое воспитание, необученность правильному поведению, хорошим манерам. Т.е. в народном сознании лексема *сул* имеет негативный оттенок и никак не ассоциируется с исследуемым концептом.

Лексические единицы, приведенные в словаре Жижэн Эрднь-Байр: *бийән даалт, эрк-дурндан бээх*, актуализирующие концепт СВОБОДА/НЕЗАВИСИМОСТЬ, являются наиболее употребительными. Так в разговорной речи сочетание *бийән даах* может использоваться в отношении, например, молодого человека, который отделился от родителей, стал зарабатывать себе на жизнь. Лексическое сочетание *дурндан бээх*, наряду с вариантом *таварн бээх*, эквивалентное русскому жить по своей воле, жить согласно своим желаниям, также является частотным выражением, встречающимся как в разговорной речи, так и в литературе, и в фольклоре.

Лексема *чөлән* в эпосе «Джангар» встречается чаще всего в значении: лазейка, свободный проход, ход. Например: *Арвн дөрвн үүдни чөлэг олад / алтн бээшнгд орад ирв / стр. Арвн дөрвн үүдни чөләһинь олад*. В разговорной речи данная лексема используется в сочетании, например: *чөлән уга* — нет времени, занят.

По результатам исследования можно сказать, что концепт СВОБОДА/НЕЗАВИСИМОСТЬ относится к базовым концептам ойрат-калмыцкой лингвокультуры в виду обширной лексико-семантической представленности в ней. Также эмоционально-оценочная коннотация средств, объективирующих данный концепт, демонстрирует его ценность в народном сознании.

Анализ показал, что СВОБОДА/НЕЗАВИСИМОСТЬ неделимы в сознании представителей изучаемой лингвокультуры. Свобода для ойрат-калмыка — это независимость, отсутствие гнета. В данном концепте мы выделили несколько уровней.

Ядро концепта представлено семемами личной независимости, самостоятельности, самодостаточности. Сочетание *дурндан бээх* и его синоним *таварн бээх* являются ключевыми лексемами, актуализирующими концепт СВОБОДА/НЕЗАВИСИМОСТЬ в ойрат-калмыцкой языковой картине мира, так как эти сочетания широко используются в разговорной речи, фольклоре и литературе. На данном уровне концепт предполагает личную свободу, жизнь согласно своему желанию. Сочетание *бийән даах* актуализирует концепт НЕЗАВИСИМОСТЬ как способность жить самостоятельно.

Чувственно-наглядный образ концепта СВОБОДА/НЕЗАВИСИМОСТЬ конструируется мыслительными картинками, выраженными в пословицах. Наиболее ярким является образ, создаваемый в пословице: *Күүнэ һарин тос долахд хату* — Трудно слизывать масло с чужих рук.

Более абстрактный уровень концепта, отражающий его ценностный аспект, формируется лексическими единицами с семой необходимости борьбы за независимость, готовности принять смерть ради свободы, независимости своей страны и народа, а также представлениями о потере свободы как о величайшем бесчестии. На данном уровне концепт объективируется лексемами и фразеосочетаниями с антонимичной семой.

По нашему мнению, *сулдохр* есть более поздняя лексическая единица, актуализирующая концепт СВОБОДА/НЕЗАВИСИМОСТЬ, дериват от глагола *сулдох* освобождать и прилагательного *сул*, вошедший в узус ойрат-калмыцкого языка из литературного языка. Данная лексема объективирует абстрактное понятие СВОБОДА/НЕЗАВИСИМОСТЬ, ранее представляемое в виде мыслительных картинок, или посредством лексем и сочетаний с антонимичным значением.

Перспективы дальнейшей разработки вопроса мы видим в необходимости изучить другие произведения художественной литературы, современные средства массовой информации с целью выявления развития концепта в сознании современных представителей ойрат-калмыцкой лингвокультуры.

Список литературы

Алексеева П.Э. Принцесса Нирджидма и книга песен торгутов Китая. Элиста : НПП «Джангар», 2009.

Батыров В.В., Горяев М.С., Команджаев А.Н., Команджаев Е.А., Мацакова Н.П. Развитие социальных отношений в Калмыкии в XVIII — начале XX века. Элиста : НПП «Джангар», 2015.

Бичеев Б.А. Дети неба — синие волки. Мифолого-религиозные основы формирования этнического сознания калмыков. Элиста: КалмГУ, 2009.

Букашев Б.Д., Мацаков И.М. (сост.). Хальмг үлгүрмүд болн тээлвртэ туульс. Хойрдг һарц (Калмыцкие пословицы, сказки и загадки). Элиста : Хальмг дегтр һарһач, 1982.

Гоголь Н.В. Волжские калмыки в Астраханской губернии // Теегин герл. 1963. № 2. С. 80—86.

Джангар: калмыцкий героический эпос / пер. с калм. яз. С.И. Липкина. Элиста : Фирма МСП, 2013.

Житецкий И.А. Очерки быта Астраханских калмыков. Этнографические наблюдения. 1884—1886 гг. М. : Типография М.Г. Волчанинова, 1893.

Жижян Э.-Б. Краткий калмыцко-русский словарь «Угин эрке». Элиста : АПП «Джангар», 1995. Калмыцко-русский словарь / под ред. Б.Д. Муниева. М. : Русский язык, 1977.

Кичикова Б.А. «Калмыцкая сказка» Пугачева — философская притча Пушкина // Oriental Studies. 2016. No 9. Т. 6. С. 77—88. <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2016-28-6-77-88>

Костенков К.И. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб. : Издание Министерства государственных имуществ, 1870.

Кугультинов Д.Н. Собрание сочинений в 3 томах. Т. 1. М. : Художественная Литература, 1976.

Нефедьев Н.А. Подробные сведения о волжских калмыках. СПб : Типография Карла Крайя, 1834.

Оконов Б.Б. (сост.). Хальмг үлгүрмүд (Калмыцкие пословицы). Элиста : Хальмг дегтр Һарһач, 1974.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж : Истоки 2001.

Попова З.Д., Стернин И.А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку. Антология концептов. Т. 1. Волгоград : Парадигма, 2005.

Четырова Л.Б. Ментальность калмыков: истоки и причины изменений // Новые исследования Тувы. 2017. No 3. С. 125—146. <https://doi.org/10.25178/nit.2017.3.8>

References

Alekseeva, P.E. (2009). *Printsessa Nirdzhidma i kniga pesen torgutov Kitaya* (Princess Nirjidma and the Torgut song book of China). Elista: NPP «Dzhangar» publ. (In Russ.).

Batyrov, V.V., Goryaev, M.S., Komandzhaev, A.N., Komandzhaev, E.A., & Matsakova, N.P. (2015). *Razvitie sotsial'nykh otnoshenii v Kalmykii v XVIII — nachale XX veka* (Development of social relations in Kalmykia in the 18th — early 20th centuries). Elista: NPP «Dzhangar» publ. (In Russ.).

Bicheev, B.A. (2009). *Deti neba — sinie volki. Mifologo-religioznye osnovy formirovaniya etnicheskogo soznaniya kalmykov* (Children of the sky — Blue wolves. Mythological and religious bases of the formation of the ethnic consciousness of the Kalmyks). Elista: KalmGu publ. (In Russ.).

Dzhangar: kalmytskii geroicheskii epos (Dzhangar: Kalmyk heroic epic). (2013). Lipkin, S.I. (trans.). Elista: Firma MSP publ. (In Russ.).

Bukshaev, B.D., & Matsakov, I.M. (ed.). (1982). *Khal'mg үлгүрмүд болн тәәлвртә туул's. Khoirdg Һarts* (Kalmyk proverbs, tales and riddles). Elista: Khal'mg degtr Һарһач publ. (In Kalmyk).

Chetyrova, L.B. (2017). Mental'nost' kalmykov: istoki i prichiny izmenenii (The mindset of Kalmyks: origins and causes of alterations). *The New Research of Tuva*, (3), 125—146. (In Russ.). <https://doi.org/10.25178/nit.2017.3.8>

Gogol', N.V. (1963). Volzhskie kalmyki v Astrakhanskoi gubernii (Volga Kalmyks in Astrakhan province). *Teegin gerl*, (2), 80—86. (In Russ.).

Kichikova, B.A. (2016). «Kalmytskaya skazka» Pugacheva — filosofskaya pritcha Pushkina (The 'Kalmyk Tale' narrated by Ye. Pugachev — Pushkin's philosophical parabl). *Oriental Studies*, 9(6), 77—88. (In Russ.). <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2016-28-6-77-88>

Kostenkov, K.I. (1870). *Istoricheskie i statisticheskie svedeniya o kalmykakh, kochuyushchikh v Astrakhanskoi gubernii* (Historical and statistical information on Kalmyks travelling in Astrakhan province). (In Russ.).

Kugul'tinov, D.N. (1973). *Sobranie sochinenii v 3 tomakh* (Collected works in 3 vol.). Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literature publ. (In Russ.).

Muniev, B.D. (ed.). (1977). *Kalmytsko-russkii slovar'* (Kalmyk-Russian dictionary). Moscow: Russkii yazyk publ. (In Russ.).

Nefed'ev, N.A. (1834). *Podrobnye svedeniya o volzhskikh kalmykakh* (Detailed information on the Volga Kalmyks). Saint Petersburg: Tipografiya Karla Kraiya publ. (In Russ.).

Okonov, B.B. (ed.). (1974). *Khal'mg үлгүрмүд* (Kalmyk proverbs). Elista: Khal'mg degtr Һарһач publ. (In Kalmyk).

Popova, Z.D., & Sternin, I.A. (2001). *Ocherki po kognitivnoi lingvistike* (Essays on cognitive linguistics). Voronezh: Istoki publ. (In Russ.).

Popova, Z.D., & Sternin, I.A. (2005). *Osnovnye cherty semantiko-kognitivnogo podkhoda k yazyku. Antologiya kontseptov* (The main features of the semantic-cognitive approach to language. An anthology of concepts). V. 1. Volgograd: Paradigma publ. (In Russ.).

Zhitetskii, I.A. (1893). *Ocherki byta Astrakhanskikh kalmykov. Etnograficheskie nablyudeniya. 1884—1886 gg.* (Sketches of the life of the Astrakhan Kalmyks. Ethnographic observations. 1884—1886). Moscow: M.G. Volchaninov's Printing House. (In Russ.).

Zhizhyan, E.-B. (1995). *Kratkii kalmytsko-russkii slovar' «Ugin erke»* (Brief Kalmyk-Russian dictionary "Ugin Erke"). Elista: APP "Dzhanger" publ. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Ольга Кукаевна БАВАЕВА, кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода, переводоведения и межкультурных коммуникаций, Московский университет им. А.С. Грибоедова.
ORCID: 0000-0001-5508-7201
SPIN-код: 3244-1994
E-mail: olgabov97@yandex.ru

Bionote:

Olga K. BAVAEVA, Candidate of Philological Sciences, associate professor, Department of Translation and Intercultural Communication, Moscow University named after A.S. Griboyedov.
ORCID: 0000-0001-5508-7201
SPIN-code: 3244-1994
E-mail: olgabov97@yandex.ru

DOI: 10.22363/2949-5997-2024-2-1-50-65

EDN KVGUX

Научная статья / Research article

Принципы создания международных вспомогательных языков на материале естественных и искусственных языков

Лариса Олеговна МИКАЛЛЕФ¹ ,
Ирина Петровна ЯСНЕНКО²

¹Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва,
Российская Федерация

²Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация

 larisa.olegovna@gmail.com

Аннотация. Акцентируется внимание на феномене создания плановых вспомогательных языков, которые за последнее десятилетие стали объектом исследования современных лингвистов, культурологов и социологов в рамках интерлингвистики, изучающей вопросы языкового синтеза или языкотворчества. В исследовании определяется, что современные плановые языки строятся по образу естественных языков-источников, но в отличие от искусственного естественный язык живет по своим законам и не поддается корректировке. Искусственному же языку, для того чтобы выйти за рамки проекта, необходима определенная система и механизм планирования — принципы лингвоконструирования, которые должны следовать не обычной логике, а законам живых естественных языков, при этом исправляя их недостатки. Научная новизна заключается в изучении выдвинутых швейцарским ученым Рене де Соссюром принципов лингвоконструирования на материале естественных французского и немецкого языков и планового эсперанто, вышедшего за рамки проекта и закрепившегося в обществе как контактный язык. В результате исследования выделены и охарактеризованы принципы: фонологического письма, минимального словарного состава, международного словарного состава, самостоятельности слов, неизменяемости простых слов и однозначности. Сделан вывод о том, что латинский алфавит с некоторыми изменениями должен быть взят за основу создания письменности международного языка и каждая буква должна соответствовать одному звуку. Количество одноморфемных (простых) слов должно быть сокращено за счет гибкой системы словообразования, позволяющей производить необходимые (сложные) слова для передачи разных понятий. Словарный состав международного языка должен состоять из международных — легко узнаваемых большинством людей лексических единиц. Простые слова должны оставаться

© Микаллеф Л.О., Ясенко И.П., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

неизменяемыми как в плане выражения, так и содержания. Следует избегать омонимии и синонимии при создании и внедрении планового языка. Международный язык должен базироваться на естественных языках, заимствуя их достоинства и исключая недостатки.

Ключевые слова: интерлингвистика, языковой синтез, языкотворчество, плановый язык, межкультурная коммуникация, фонетическая орфография, неизменяемый элемент, простое слово, сложное слово, однозначность, международный язык

Вклад авторов: Микаллеф Л.О. — разработка концепции, формулировка и развитие ключевых целей и задач, а также проведение исследования, утверждение окончательного варианта результатов исследования; Ясненко И.П. — подготовка и редактирование текста, подготовка примеров на немецком языке.

Заявления о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: получена 25 марта 2024; принята в печать 13 июня 2024.

Для цитирования: Микаллеф Л.О., Ясненко И.П. Принципы создания международных вспомогательных языков на материале естественных и искусственных языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Macrosociolinguistics and Minority Languages. 2024. Т. 2. № 1. С. 50—65. doi: 10.22363/2312-797X-2024-2-1-50-65

Principles of international auxiliary languages creation on the base of essential and artificial languages

Larisa O. MICALLEF¹ , Irina P. YASNENKO²

¹Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

²Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
✉ larisa.olegovna@gmail.com

Abstract. This study examines the phenomenon of language creation which has been an object of linguistics, sociology and cultural studies. Constructed languages are studied in interlinguistics, where the problems of language synthesis or language creation are researched. According to the studies, modern constructed languages are based on naturally developed (essential) languages, which follow their own laws and do not need any correction. Unlike essential languages, artificial ones require a clearly designed system and language creation principles in order to survive and be used in communication. These principles, however, should not be based on mathematical logic but on the laws of essential living languages, correcting their faults. Scientific novelty of the research consists in the study of the language creation principles, proposed by a Swiss scientist Rene de Saussure. The principles of phonemic orthography, minimum vocabulary, international vocabulary, independent words, invariable simple and complex words and unambiguity are defined and characterized on the base of the French, German and Esperanto that has become a living contact language. The principles considered enable to conclude that the Latin alphabet, with some modification, should be taken as a basis of an international language's writing system, and each sound (phoneme) should invariably be represented by its corresponding letter (grapheme). The number of simple words (roots or affixes) should be reduced by means of the flexible system of affixes that enables to produce necessary (complex) words to convey different meanings. Vocabulary of an international language should consist of international,

easily recognized words. Simple words should be invariable elements and remain unchanged both from outside (plane of expression) and inside (plane of content). At the stage of creating and introducing of a constructed language synonyms and homonyms should be avoided. An international language should be based on essential languages, borrowing their advantages and excluding their disadvantages.

Keywords: interlinguistics, language synthesis, constructed languages, intercultural communication, phonemic orthography, invariable element, simple and complex words, unambiguity, international languages

Authors' contribution: Micallef L.O. — developing the vision, defining and establishing key goals and objectives, and conducting the study, approving the final version of the research results; Yasnenko I.P. — preparing and edit the text, preparing examples in German.

Conflict of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Article history: received 25 March 2024; accepted 13 June 2024.

For citation: Micallef, L.O., & Yasnenko, I.P. (2024). Principles of international auxiliary languages creation on the base essential and artificial languages. *Macrosociolinguistics and Minority Languages*, 2(1), 50—65. (In Russ.) doi: 10.22363/2312-797X-2024-2-1-50-65

Введение

В XXI в. ввиду отсутствия границ в коммуникации, вопрос о едином языке человечества становится более актуальным. Современные лингвисты, культурологи и социологи все чаще обращают внимание на международные языки. Статус международного языка приобретает естественный язык какого-либо этноса, если он не только считается родным для большого количества говорящих, но также изучается как неродной или второй язык в большинстве стран мира.

Не вызывает сомнения, что одним из самых популярных международных языков является английский, обслуживающий разные сферы человеческой деятельности: науку, образование, информационные технологии, СМИ и пр. Однако, помимо английского статус международного языка имеют такие языки, как французский, русский, китайский, арабский, испанский и некоторые другие. Тем не менее, при всех своих достоинствах и многолетней практике их использования в качестве средств коммуникации естественные международные языки в первую очередь являются родными для своего этноса, за которым, как известно, стоит многовековая культура народа, оказавшая большое влияние на саму систему языка, вследствие чего любой естественный язык не прост в изучении.

В качестве альтернативы человечеству были предложены проекты искусственных международных языков, «очищенные» от культурологических особенностей и исключений. Искусственные или плановые языки

создаются в лаборатории автора как «упрощенные версии естественных языков» из материала чаще всего европейских языков, но с лишенной исключений грамматикой и международным словарем (Микаллеф, 2021).

Цель исследования — проанализировать и описать принципы создания плановых языков, предложенных Рене де Соссюром.

Материалом для наблюдений послужили словообразовательные системы искусственного языка эсперанто и естественных языков французского и немецкого.

Исследование носит дескриптивно-аналитический характер, поэтому достижению поставленной цели служит решение следующих задач:

- 1) изложить научные идеи ученых-лингвистов в области интерлингвистики и описать принципы создания плановых языков на базе словообразовательной теории Рене де Соссюра;
- 2) проанализировать и сравнить принципы создания плановых языков на материале эсперанто, французского и немецкого языков;
- 3) выявить принципы, согласно которым искусственный проект переходит в контактный международный язык на примере эсперанто.

Примеры искусственных языков

Идея создания единого международного языка уходит своими корнями в Античность, когда на базе греческого языка, а затем латинского были предприняты попытки создать малоизвестные современной науке проекты искусственных языков. Тем не менее, только с XIX в. начинают появляться проекты плановых языков, апробированных и даже реализованных в межкультурной коммуникации. Ярким примером полноценно реализованного в международном общении планового языка служит эсперанто, созданный в 1887 г. польским врачом-офтальмологом и полиглотом Л.М. Заменгофом (1859–1917). Другим примером является язык интерлингва, разработанный в 1951 г. Международной ассоциацией вспомогательного языка, в которую входили американские и европейские ученые-языковеды. Еще одним известным проектом, о котором далее пойдет речь, стал идо — усовершенствованная версия эсперанто. Невозможно оставить без внимания и бейсик-инглиш — упрощенную версию английского языка, предложенную в 1925 г. британским лингвистом Чарльзом Огденом.

Искусственные языки как объект языкознания

Однако плановые языки оказались интересны не только с точки зрения практического применения, для многих теоретиков языкознания XIX–XX вв. материал искусственных языков послужил объектом исследования. Один из родоначальников современного языкознания

И.А. Бодуэн де Куртенэ в ряде своих исследований, посвященных теории плановых языков, отмечал, что искусственный язык, заимствующий элементы естественного языка, обладает всеми признаками «настоящего языка». «Искусственные языки превосходят естественные в регулярности и отсутствии исключений, что отличает их от естественных. Цель искусственных языков — не богатство форм, а упрощенная коммуникация, которая достигается с помощью регулярности и простоты грамматики» (Бодуэн де Куртенэ, 1963: 144–160). Рассмотрев различные проекты искусственных языков, О. Есперсен разработал свой проект планового языка Новиаль (Jespersen, 1928). А. Мейе в одном из своих исследований констатировал, что плановые языки не вызывают сомнения и полезны в коммуникации (Meillet, 1918: 282–283). В его обзор языков Европы входили как естественные, так и искусственные языки. Инициатор гипотезы лингвистической относительности Э. Сепир отмечал, что «правильно построенный и легкий международный язык разрешил бы много трудностей в деле просвещения и практической деятельности» (Sapir, 1956: 43). Русский языковед и основатель морфонологии С.Н. Трубецкой, проявляя интерес к плановым языкам и работал над созданием идеальной фонологической системы мирового языка (Трубецкой, 1987). По мнению французского структуралиста А. Мартине «искусственные языки — вполне полезное изобретение, так как они могут сохранить идентичность естественных национальных языков: естественные языки, играя роль международных и выходя за рамки своей страны, теряют свою культурную особенность» (Martinet, 1967: 8). Следовательно, плановые языки создаются не для вытеснения естественных языков, а для сохранения их аутентичности. Выходя за рамки языкового коллектива, естественный язык начинает видоизменяться, теряя свою идентичность. По мнению проф. С.Г. Тер-Минасовой английский язык, став международным, «выставил свою культуру напоказ всему миру», был лишен своего «щита» — «родной культуры, охраняющей национальное своеобразие народа» (Тер-Минасова, 2000). Действительно, в современном мире в качестве международного языка английский подвергается большим изменениям на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях. Каждый говорящий пытается «подстроить» английский язык под свой родной язык: при построении предложений автоматически следует правилам родного языка. В качестве примера можно привести английский язык в Индии, недавно получивший название «хинглиш» (англ. Hinglish). В отличие от естественных, искусственные языки создаются вне культуры и лишены тысячелетнего культурного наследия, так как проектируются специально для беспрепятственной межкультурной коммуникации. В отличие от естественного языка, плановый язык в процессе общения может быть подстроен под говорящих.

Идея создания и использования искусственных языков в науке

Вопросом о создании единого планового языка для применения его в науке задавались и ученые философы, математики, логики, физики (Микаллеф, 2022: 23–24). В 1909 г. опубликована на немецком и в 1910 г. переведена на русский язык работа «Международный язык и наука», авторы которой: логик Л. Кутюра, лингвист О. Есперсен, физико-химик В. Оствальд, этолог Р. Лоренц и физик Л. Пфаундлер — предложили ввести в науку международный искусственный язык (Кузнецов, 1987), и впоследствии, образовали международную организацию — «Делегацию для принятия международного вспомогательного языка» (нем. «Die Delegation für die Annahme einer internationalen Hilfssprache», фр. «Délégation pour l'adoption d'une langue auxiliaire internationale»). Делегация задала себе цель создать и внедрить в науку логически правильный, очищенный от исключений вспомогательный язык, который ученые всего мира могли бы легко изучить и беспрепятственно обмениваться идеями в разных областях науки (Couturat, Jespersen, Lorenz, Ostwald, Pfandler, 1909). Главные деятели Делегации — логик Л. Кутюра и математик Л. Ло, проанализировав эсперанто с точки зрения логики, сочли его «нелогичным» и на базе реформы эсперанто в 1907 г. создали проект идо, появление которого привлекло внимание швейцарского ученого-математика Рене де Соссюра (1868–1943) — родного брата родоначальника современной лингвистики Фердинанда де Соссюра. Рене де Соссюр, тщательно занявшись теорией искусственных языков, построил свой анализ эсперанто на логике самого языка, счел эсперанто вполне логичным и доказал неубедительность критики Кутюра и Ло (Кузнецов, 2018). Свои научные идеи относительно строения и функционирования естественных и искусственных языков Рене де Соссюр изложил в ряде трудов, написанных на эсперанто и французском в 1910 и 1918 гг. (перевод на русский язык, выполненный одним из авторов данной статьи, опубликован в 2022 г. (Микаллеф, 2022)). В работе 1918 г. Р. де Соссюр предложил необычный для традиционной лингвистики анализ искусственных и естественных языков, выдвинул принципы, на которых должен базироваться искусственный международный язык (Saussure, 1918), тем самым заложив фундамент интерлингвистики — раздела частного языкознания, изучающего международные искусственные и естественные языки.

Принципы построения международного языка Рене де Соссюра

В ходе анализа искусственных языков Рене де Соссюр пришел к выводу, что принципы построения международного языка должны базироваться на естественных, наиболее узнаваемых и изучаемых языках. Однако, если естественный язык живет по своим собственным законам, допуская как

аналогии, так и аномалии, то искусственный язык, для того чтобы успешно реализоваться в коммуникации, нуждается в тщательно продуманной и разработанной системе, исключающей аномалии. Таким образом, искусственный язык должен имитировать, но в то же время, *упорядочивать* естественные языки (Saussure, 1918: 29). Разработав и проанализировав принципы упорядочивания для планового языка на базе эсперанто, Рене де Соссюр сопоставил искусственный язык с естественным — французским. Ниже будут приведены основные принципы на примерах эсперанто и французского языков. В качестве дополнительного естественного языка в ходе исследования привлекается материал немецкого языка.

Принцип фонологического письма

Данный принцип полагает соответствие устного языка письменному: международный проект планового языка должен включать в себя *узнаваемые* большинством говорящих элементы из естественных языков. Поскольку *латинский алфавит* адаптирован большинством языков мира, Р. де Соссюр предлагает взять его за основу создания письменности планового языка, внеся в него некоторые изменения. Главной задачей принципа фонологического письма является установление максимального соответствия письменного языка устному, для чего необходимо чтобы каждая буква соответствовала одному звуку. Например, исключая букву *x* из латинского алфавита и заменяя ее буквосочетанием *ks*, французское *exemple* (пример) и устаревшее немецкое *Exempel* в эсперанто превращается в *ekzemplo* как в русском языке экземпляр. В эсперанто диграф *ph* заменяется звуком-буквой *f*, следуя примеру немецкого языка (*Fotograf* — фотограф), ср.: эсперантское *fotografisto* и французское *photographe*. Согласно принципу фонологического письма, следует также исключить лишние буквы, передающие один и тот же звук, например, *q* и *c* передают тот же звук, что и *k*, следовательно, их можно не включать в алфавит международного языка. Например, французское слово *antique* (античный) в эсперанто пишется *antikva*, как в немецком *antik*, сохраняя международный «внешний вид».

«Латинский алфавит, приспособленный для эсперанто, соответствует принципу один звук — одна буква» (Saussure, 1918: 32–33). Тем не менее, этот принцип частично нарушается, так как в алфавите эсперанто имеются три буквы, передающие диграфы: *c* (= *ts* [ц]), *ĉ* (= *tŝ* [ч]) и *ĝ* (= *dĝ* [дж])». По мнению Р. де Соссюра, «не следует жертвовать практической ценностью ради теоретического принципа, который бы значительно изменил внешний вид привычных большинству говорящих слов. Например, если строго следовать принципу фонологического письма, международное слово *cent* превратилось бы в малоузнаваемое и громоздкое *tsent*. Данный пример показывает, что практическая значимость в лингвоконструировании превышает всего» (Saussure, 1918: 32–33).

Принцип минимального словарного состава

Богатство естественных языков выражается большим количеством и разнообразием слов, однако, это «богатство» создает сложность при изучении языка. В искусственном языке количество *простых* или так называемых *немотивированных* слов должно быть сокращено. *Простыми* словами Рене де Соссюр называет одноморфемные слова: например, французское слово *table* (стол). Причем, к простым словам он также относит аффиксы, поскольку в эсперанто они могут оформляться в отдельные слова, если к ним добавить окончание соответствующей части речи: например, *-in-* суффикс женского рода в эсперанто становится словом *in-o* «существо женского пола» с помощью присоединения к нему субстантивного окончания *-o* или суффикс *-ej-*, присоединяясь к корням, обозначает «место» и в самостоятельном употреблении с соответствующим окончанием *ej-o* может означать «место».

За счет сокращения количества простых увеличивается количество *сложных* слов: появляется возможность создавать новые мотивированные слова с помощью ограниченного количества корней и аффиксов. Под *сложным*, или *мотивированным* словом Рене де Соссюр понимает слово, состоящее из двух и более морфем. В качестве примера можно привести эсперантское слово *vir-in-o* (женщина), где суффикс *-in-*, присоединяясь к корню *vir* (мужчина), образует слово с противоположным значением. Во французском языке в качестве примера можно привести слово *util-ité* (польза), состоящее из адъективного корня *util* (полезный) и субстантивного суффикса *-ité* с абстрактным значением. Рене де Соссюр в своем исследовании делит все морфемы на четыре основных класса: *субстантивные, адъективные, глагольные и адвербиальные*. «Субстантивные морфемы несут «идею» существительного, адъективные — прилагательного (качества или свойства), глагольные передают значение действия или состояния и адвербиальные — значение способа действия» (Saussure, 1918: 21). Например, *util* остается прилагательным и как отдельная лексическая единица, и в составе производных *util-ité* (польза, выгода), *util-is-er* (использовать), *util-is-able* (пригодный к использованию). Такой анализ дает возможность вскрыть семантико-грамматические различия между словами, которые кажутся внешне идентичными. Следуя логике Рене де Соссюра, «французские глаголы с одинаковой внешней структурой *écri-re* «писать» и *couronn-er* «короновать» отличаются при анализе содержания их морфем: в глаголе *écrire* «писать» глагольная идея содержится и в окончании *-re*, и в корне *écri*, а в глаголе *couronn-er* глагольная идея содержится исключительно в окончании *-er*, корень *couronn-*, являясь существительным («корона»), содержит субстантивную идею» (Saussure, 1918: 35). Аналогично в немецком языке глагол *schreib-en* (писать) состоит из глагольного корня *schreib-* и глагольного суффикса *-en*; глагол *krön-en*

(короновать) включает в себя *krön-* и обязательный для всех глаголов суффикс *-en*.

Исходя из вышеприведенных примеров, Рене де Соссюр рассматривает структуру сложных, или производных, слов в естественных и искусственных языках как «сращение неизменяемых и независимых друг от друга элементов, являющихся истинными словами, так как каждый из этих элементов — знак, выражающий идею» (Микаллеф, 2022: 70).

Чтобы проиллюстрировать принцип минимального словарного состава в качестве примера, Рене де Соссюр приводит пять немотивированных слов из французского языка: «*déjeuner* „завтрак“, *dîner* „обед“, *souper* „ужин“, *repas* „прием пищи“ и *manger* „есть“» (Saussure, 1918: 33). В отличие от французского, для образования существительного «еда, прием пищи» в эсперанто к глагольному корню *manĝ* (есть) достаточно добавить субстантивное окончание *-o* — *manĝ-o*. Таким образом, количество немотивированных слов в плановом языке на примере эсперанто по сравнению с французским (*repas* и *manger*) сокращается за счет гибкой системы словообразования, позволяющей производить мотивированные слова. «Если во французском языке нужно заучивать восемь немотивированных слов: *manger* „есть“, *repas* „прием пищи“, *matin* „утро“, *jour* „день“, *soir* „вечер“, *déjeuner* „завтрак“, *dîner* „обед“, *souper* „ужин“, то в эсперанто достаточно запомнить четыре немотивированных корня *manĝ* „есть“, *maten* „утро“, *tag* „день“ и *vesper* „вечер“. Следовательно, французские немотивированные слова *déjeuner*, *dîner*, *souper* в эсперанто заменяются на полностью мотивированные *maten-manĝ-o*, *tag-manĝ-o* и *vesper-manĝ-o*» (Saussure, 1918: 33). Рене де Соссюр заключает, что «данный принцип был заимствован из немецкого языка, где наблюдается подобная система словообразования и минимальное количество морфем в тех же примерах: *Morgen-essen* „завтрак“, *Tag-essen* „обед“, *Abend-essen* „ужин“. Однако, в современном немецком языке употребляется только *Abendessen*, „завтрак“ обозначается словом *Frühstück*, „обед“ — *Mittagessen*» (Saussure, 1918: 34).

Исходя из вышеприведенных примеров, значительное сокращение немотивированных слов в словарном составе планового языка достигается с помощью системы словообразования, аффиксы которой используются более систематично. Например, в эсперанто каждый значимый элемент, за исключением окончаний, считается морфемой (включая аффикс), которая способна оформляться в отдельное слово с помощью соответствующего окончания (субстантивного, адъективного, глагольного и адвербиального). Так, эсперантское слово *neĝ-o* (снег), состоящее из глагольного корня *neĝ-* и субстантивного окончания *-o* является сложным словом, в котором субстантивная идея «вещи» выражается грамматическим окончанием *-o*. С помощью адъективного окончания *-a*, выражающего идею качества, образуется прилагательное *neĝ-a* со значением «снежный». С помощью адвербиального окончания *-e* можно образовать наречие *neĝ-e* «снежно».

Мотивированные слова в эсперанто образуются с помощью глагольных грамматических окончаний: *-i* (инфинитив), *-as* (настоящее время изъявительного наклонения), *-is* (прошедшее время изъявительного наклонения), *-os* (будущее время изъявительного наклонения), *-us* (сослагательное наклонение), *-u* (повелительное наклонение). Например: *neĝ-i* (идти (о снеге)), ср.: фр. *Neiger*, нем. *Schneien*; *neĝ-as* (идет снег), ср.: фр. *il neige*, нем. *es schneit*; *neĝ-is* (шел снег), ср.: фр. *il a neigé*, нем. *es schneite*; *neĝ-os* (пойдет снег), ср.: фр. *il neigera* нем. *es wird schneien*; *neĝ-us* (пошел бы снег), ср.: фр. *il neigerait*, нем. *es schneite*; *neĝ-u* (если бы пошел снег), ср.: фр. *qu'il neige*, нем. *wenn es schneite*. В естественных — французском и немецком — языках присутствуют аналитические формы для образования временных форм, в плановом же языке эсперанто используются исключительно окончания.

Тем не менее, образование сложных слов в искусственном языке имеет свои ограничения. В естественном же языке система словообразования не имеет определенного алгоритма и зависит от узуса в культуре конкретного языка. С точки зрения практического применения, в плановом языке если слово становится слишком громоздким или его значение неясно, то следует заимствовать новое немотивированное слово. Слова часто заимствуются для создания технической терминологии (Saussure, 1918: 33—34).

Принцип международного словарного состава

В «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюр отмечает, что «язык условен, а природа его знака может быть как условна, так и нет» (Соссюр, 1999: 68—80). Однако, словарь международного планового языка должен состоять из лексических единиц, заимствованных из наиболее известных большинству говорящих европейских языков.

Создавая словарь эсперанто, Заменгоф руководствовался принципом международного словарного состава. Так, например, слова *grup* (группа), *hotel* (отель), *special* (специальный), *garden* (сад) легко узнаваемы.

Словарь международного языка эсперанто складывается не только из корневых морфем, но также из аффиксальных. Корни и аффиксы должны отбираться согласно принципу международного словарного состава. Например, аффиксы *re-*, *mal-*, *-et-*, *-in-*, *-ist-* присутствуют в большинстве европейских (чаще романских) языках: во французском *re-lire* (перечитывать), *mal-herbe* (сорная трава), *maisonn-ette* (домик), *héro-ïne* (геро-иня), *lingu-iste* (лингвист) и т. д.; в немецком *Re-triggerung* (перезапуск), *Lehrer-in* (учительница), *Jur-ist* (юрист) и пр. Вышеперечисленные аффиксы существуют и в словообразовательной системе эсперанто: каждый из них имеет определенное значение и может употребляться как самостоятельное слово: например, *eto* (малость), *ino* (лицо женского пола), *isto* (специалист).

По принципу международного словарного состава в базовый словарь международного языка включаются только простые слова (корни или аффиксы). А поскольку сложные слова логически складываются из простых, то их значение выводится из анализа их содержания, а следовательно, они могут отличаться от похожих слов в европейских языках. Например, эсперантские слова *kat-in-o* (кошка), *leon-in-o* (львица) образуются с помощью аффикса женского рода путем присоединения к корням мужского рода *kat-o* (кот) и *leon-o* (лев). В естественных языках система словообразования «произвольна» и не имеет последовательных правил: фр. *chatte* (кошка) и *lionne* (львица), нем. *Katze* (кошка), *Löwin* (львица). Следуя примеру эсперанто, в плановом международном языке сложные слова должны складываться согласно логической системе словообразования, а их значения должны выводиться из анализа их содержания (Saussure, 1918: 36).

Принцип неизменяемости простых слов

Согласно данному принципу, «простые слова (корни и аффиксы) должны быть неизменяемыми элементами как в плане выражения, так и в плане содержания» (Saussure, 1918: 36).

В глаголах естественных языков форма слова часто варьируется: например, французский корень *ê-* не меняется в форме инфинитива *ê-* (*быть*) и прошедшего времени несовершенного вида (*imparfait*) (*j'*) *ét-ais*. Однако в настоящем времени (*présent*) *être* имеет супплетивные формы: (*je*) *suis* (я есть), (*il*) *est* (он есть); в будущем времени данный глагол образует форму (*je*) *serai* (я буду); в прошедшем совершенном (*passé composé*) используется вышеприведенный корень инфинитива (*j'ai*) *été* и т.д. В немецком языке глагол «быть» также имеет непохожие в разных временах формы: в инфинитиве *sein*, в настоящем времени (*Präsens*) *ich bin* (я есть), *er ist* (он есть); в будущем времени (*Futur I*) образуется аналитическая форма *ich werde sein* (я буду), в прошедшем времени (*Präteritum*) — супплетивная германская форма *ich war* (я был). В искусственных языках, согласно принципу неизменяемости, форма простых слов (морфем) остается неизменной. Например, в эсперанто глагол «быть» всегда будет иметь одну и ту же форму *est-* во всех временах и спряжениях, а также в составе сложных слов, например, *est-ad-o* (бытие). Во французском языке от слова *homme* (мужчина, человек) образуются производные: прилагательное *hum-ain* (человеческий) и существительное *hum-an-ité* (человечество). Однако в процессе деривации (заимствованный из латинского языка вместе с дериватами *homo* (человек) — *humanus* (человеческий)) субстантивный корень *homme* подвергается изменению и превращается в *hum-*. Присущее естественным языкам варьирование морфем, согласно принципу неизменяемости простых слов, в плановом международном языке должно быть исключено, как в эсперанто: *hom-o* (человек), *hom-a* (человеческий),

hom-ar-o (человечество), где корень в процессе словообразования остается неизменным.

Однако иногда этот принцип действует и в естественных языках. В немецком языке деривация слова *Mensch* (человек) регулярна и корень остается неизменным в составе сложных слов: *mensch-lich* (человеческий), *Mensch-heit* (человечество). Во французском языке прилагательное *léger* (легкий) остается прилагательным в сложных словах *légèr-eté* (легкость), *légère-ment* (легко), *al-léger* (облегчить). Аналогичный процесс деривации происходит в немецком языке: *leicht* (легкий), *Leicht-igkeit* (легкость), *er-leicht-ern* (облегчить). В эсперанто заимствованное из французского языка прилагательное не изменяется *leĝer-a* (легкий) в словах *leĝer-ig-i* (делать легким), *leĝer-ig-i* (делаться легким) (Saussure, 1918: 36–38). В агглютинативном языке эсперанто всегда можно провести границу между морфемами, следующими за корнем, даже в многоморфемных словах и вывести значение слова из анализа его содержания, так как за каждым суффиксом закреплено определенное значение. Например, сложное слово *bov-id-in-ist-in-o* (работница, ухаживающая за телятами-самками) состоит из корня *bov-* (бык), суффикса *-id-* (детеныш, потомок), *-in-* суффикса, употребляющийся для выражения женского рода, суффикса *-ist-* (специалист), еще одного суффикса женского рода *-in-* и окончания существительного *-o*.

Принцип однозначности

В естественных языках существует большое количество синонимов и омонимов. Поскольку возможность выбрать слово из синонимичного ряда позволяет говорящему точнее передать свою мысль, синонимы безусловно считаются источником богатства естественного языка.

В отличие от естественного языка, международный язык, «прежде чем он обогатится, должен быть понятным и легким для изучения, из чего следует, что на первом этапе его создания и внедрения необходимо избегать синонимии» (Saussure, 1918: 38). Предложенная Рене де Соссюром система аффиксации для производства сложных слов позволяет создавать бесконечное количество слов для того, чтобы передать разные оттенки значений. Таким образом нехватка синонимичных корней в словарном составе языка компенсируется богатой системой словообразования. В естественных языках среди синонимичных морфем помимо корней встречаются и суффиксы. Например, во французском языке суффикс *-ess-* в слове *princ-esse* (принцесса) и *-ine-* в фр. слове *héro-ine* (героиня) передают одну и ту же идею женского рода, а значит являются синонимами. Таким образом, если не включать в международный язык один из них, то язык скорее упростится, чем обеднится. Из ранее приведенных примеров видно, что в эсперанто только один суффикс *-in* позволяет производить все имена женского рода от имен мужского рода: *hero-in* (героиня), *princ-in*

(принцесса), *leon-in* (львица), *kat-in* (кошка) и т.д. В естественных языках суффиксов со значением женского рода может быть несколько и невозможно объяснить, почему с одними корнями используется, например, суффикс *-esse*, как во французском *princ-esse*, *maîtresse* (хозяйка, учительница), а с другими — суффикс *-ine*, например, *hero-ine*, *cous-ine* (кузина). В немецком языке Рене де Соссюр отмечает плеоназм в слове *Prinz-ess-in* (принцесса), так как одно и то же значение женского рода передается двумя суффиксами *-ess* и *-in*, что не допускается в плановых языках.

В эсперанто слово *tim-o* (страх) объединяет два французских синонимичных слова *peur* (страх, боязнь) и *crainte* (страх, опасение). Однако во французском словаре есть еще и *terreur* (ужас, страх), которое более эмоционально по значению и отличается от *crainte*. В немецком языке также используются разнокоренные синонимы для передачи понятия «страх»: *Angst*, *Furcht*, *Entsetzen*. Следовательно, в эсперанто, для передачи значения «ужас, страх» и при этом избегая усложнения словаря синонимами, используют увеличительный суффикс *-eg-* и уменьшительный *-et-*, которые образуют сложные слова *terur-eg-o* (ужас) и *tim-et-o* (боязливость, робость) (Saussure, 1918: 38–41).

Заключение

Развитие международного языка, как и любого другого, происходит медленно в силу того, что его внедрение в повседневную коммуникацию различных языковых сообществ времяемко. Согласно Фердинанду де Соссюру, международное общение способствует интеграции языка и препятствует его распадению на диалектные формы. Когда язык становится контактным, международным для разных языковых коллективов, ему также необходимо время как на установление грамматической нормы, так и на закрепление словарного состава, которые могут отличаться от предложенных автором данного языка. Словарь искусственного языка, превращающегося в естественный, нарастает словарным запасом медленно, потому что новое, заимствованное слово, чтобы войти в словарь языка, должно выражать ясную для всех говорящих идею и отличаться от уже существующих слов, а также быть практически необходимым в коммуникации.

Проанализировав вышеприведенные принципы, приходим к выводу, что международный язык нуждается в «искусственно созданных правилах», корректирующих материал естественных языков, который он заимствует. Согласно принципу фонологического письма, латинский алфавит с некоторыми изменениями должен быть взят за основу создания письменности планового языка. Устный язык должен соответствовать письменному, следовательно, каждая буква должна соответствовать одному звуку. По принципу минимального словарного состава, количество одноморфемных (по Р. де Соссюру — простых) слов должно быть сокращено за счет гибкой

системы словообразования, позволяющей производить новые слова и понятия. Словарный состав международного языка должен состоять из легко узнаваемых большинством людей лексических единиц, согласно принципу международного словарного состава. Чтобы соответствовать принципу неизменяемости простых слов, последние должны оставаться *неизменяемыми элементами* как по *форме*, так и по *значению*. Наконец, в соответствии с принципом однозначности, следует избегать омонимов и синонимов при создании и внедрении планового языка.

Таким образом, международный язык должен базироваться на естественных языках, заимствуя их достоинства и исключая недостатки.

Список литературы

Бодуэн де Куртенэ И.А. Вспомогательный международный язык // Избранные труды по общему языкознанию : в 2 томах. Т. 2. М. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 144—160.

Кузнецов С.Н. Теоретические основы интерлингвистики. М. : Университет дружбы народов, 1987. 206 с.

Микаллеф Л.О. Искусственные международные языки и роль в современном мире // Сборник материалов XVI Международного научного конгресса «Роль бизнеса в трансформации общества — 2021». М., 2021. С. 664—666.

Микаллеф Л.О. Лингвистические теории Рене де Соссюра как этап формирования структурализма. М. : RU-Science, 2022. 128 с.

Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 1999. 360 с.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово, 2000. 146 с.

Трубецкой Н.С. Как следует создавать фонетическую систему искусственного международного вспомогательного языка? // Избранные труды по филологии. М. : Прогресс, 1987. С. 15—28.

Couturat L., Jespersen O., Loren, R., Ostwald W., Pfaundler L. (1909). *Weltsprache und Wissenschaft: Gedanken über die Einführung der internationalen Hilfssprache in die Wissenschaft*. Jena : Fischer, 1909.

Jespersen O. *An international language*. London : Allen and Unwin, 1928.

Kuznetsov S.N. René de Saussure kaj lia rolo en la lingvoscienco // Esperanto. Oficiala organo de UEA. 2018. № 5. P. 105—108 (In Esper.).

Martinet A. *Les langues dans le monde de demain*. Paris : Presses Universitaires de France, 1967.

Meillet A. 1918. *Les langues dans L'Europe nouvelle*. Paris : Payot, 1918.

Sapir E. *Culture, Language and Personality, selected essays*. California: University of California Press, 1956.

Saussure R. de. *La structure logique des mots dans les langues naturelles, considérée au point de vue de son application aux langues artificielles*. Berne : Böhler, 1918.

References

Baudouin de Courtenay, I.A. (1963). Vspomogatel'nyi mezhdunarodnyi yazyk [International Auxiliary language]. In Baudouin de Courtenay, I.A. (1963). *Izbrannyye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu v 2 tomakh* [Selected works on general linguistics in 2 volumes]. Vol. 2. Moscow: Izd-vo AN SSSR publ. P. 144—160. (In Russ.).

Couturat, L., Jespersen, O., Lorenz, R., Ostwald, W., & Pfaundler, L. (1909). *Weltsprache und Wissenschaft: Gedanken über die Einführung der internationalen Hilfssprache in die Wissenschaft*. Jena: Fischer.

- Jespersen, O. (1928). *An international language*. London: Allen and Unwin.
- Kuznetsov, S.N. (1987). *Teoreticheskie osnovy interlingvistiki* [Theoretical basics of interlinguistics]. Moscow: Universitet druzhby narodov publ. (In Russ.).
- Kuznetsov, S.N. (2018). René de Saussure kaj lia rolo en la lingvoscienco. *Esperanto. Oficiala organo de UEA*, (5), 105—108. (In Esper.).
- Martinet, A. (1967). *Les langues dans le monde de demain*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Meillet, A. (1918). *Les langues dans L'Europe nouvelle*. Paris: Payot.
- Micallef, L.O. (2021). Iskustvennye mezhdunarodnye yazyki i rol' v sovremennom mire [International artificial languages and their role in the modern world]. *Proceedings of XVI International scientific congress «The role of business in the transformation of society — 2021»*. Moscow. P. 664—666. (In Russ.).
- Micallef, L.O. (2022). *Lingvisticheskie teorii Rene de Sossyura kak etap formirovaniya strukturalizma* [Rene de Saussure's linguistic theories as a stage of structuralism formation]. Moscow: RU-Science. (In Russ.).
- Sapir, E. (1956). *Culture, Language and Personality, selected essays*. California: University of California Press.
- Saussure, R. de. (1918). *La structure logique des mots dans les langues naturelles, considérée au point de vue de son application aux langues artificielles*. Berne: Buehler.
- Saussure, F. de. (1999). *Kurs obshchei lingvistiki* [Course of general linguistics]. Ekaterinburg: Urals University. (In Russ.).
- Ter-Minasova, S.G. (2000). *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* (Language and International communication). Moscow: Slovo publ. (In Russ.).
- Trubetskoy, N.S. (1987). Kak sleduet sozdavat' foneticheskuyu sistemu iskustvennogo mezhdunarodnogo vspomogatel'nogo yazyka? [How to create a phonetic system of an artificial language?] In *Ivbranniye Trudy po filologii*. Moscow: Progress. P. 15—28. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Лариса Олеговна МИКАЛЛЕФ получила степень кандидата филологических наук по направлению «Сравнительно-историческое, сопоставительное и типологическое языкознание» в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова. Занимает должность доцента кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации, Финансовый университет при Правительстве РФ, Российская Федерация, 125167, Москва, Ленинградский пр-т, д. 49/2. *Научные интересы:* интерлингвистика, сопоставительное языкознание и межкультурная коммуникация.

ORCID: 0000-0001-9651-4353

SPIN-код: 8208-6869

E-mail: larisa.olegovna@gmail.com

Ирина Петровна ЯСНЕНКО получила степень кандидата филологических наук по направлению «Лексикология немецкого языка» в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова. Доцент кафедры иностранных языков исторического факультета, МГУ им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1. *Научные интересы:* лингвистика, межкультурная коммуникация, германистика.

ORCID: 0009-0004-5405-9347

SPIN-код: 6398-4644

E-mail: yasnenko_irina@list.ru

Bionote:

Larisa O. MICALLEF holds a degree (Candidate of Philological Sciences) in Historical, Comparative and Typological Linguistics in Russia. She is an assistant professor at the Department of Foreign

Languages and Intercultural communication, Faculty of Economic International Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, 49 Leningradskii prospect, blgd. 2, Moscow, 125167, Russian Federation. *Research interests:* interlinguistics, comparative linguistics and intercultural communication.

ORCID: 0000-0001-9651-4353

SPIN-code: 8208-6869

E-mail: larisa.olegovna@gmail.com

Irina P. YASNENKO holds a degree (Candidate of Philological Sciences) in Lexicology of modern German in Russia. She is an assistant professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of History, Moscow State Lomonosov-University, 1 Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation. *Research interests:* linguistics, intercultural communication, German studies.

ORCID: 0009-0004-5405-9347

SPIN-code: 6398-4644

E-mail: yasnenko_irina@list.ru

DOI: 10.22363/2949-5997-2024-2-1-66-86

EDN LEXRCB

Научная статья / Research article

Языковая ситуация в арабском мире: язык междиалектного общения

Мариам Имадовна МЕРАЙ¹ , Фотис КАЦИЯННИС²

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

²Университет имени Аристотеля в Салониках, Салоники, Греция

 meray_mi@pfur.ru

Аннотация. Значительно возрос интерес к изучению арабского языка как иностранного, что ставит новые задачи перед исследователями, занимающимися вопросами изучения арабского языка в целом, а также проблемами обучения арабскому языку. Исследована языковая ситуация в арабском мире, которая характеризуется наличием диглоссии, что вызывает определенные трудности не только у носителей арабского языка в ситуациях междиалектного общения, но и у изучающих арабский язык как иностранный. Изучено явление диглоссии, а также ее особенности. Кроме того, рассмотрены варианты арабского языка, существующие в арабском мире. Приведены результаты исследований, касающихся языка междиалектного общения. Оценены перспективы применения результатов исследования в сфере преподавания арабского как иностранного.

Ключевые слова: арабский язык, диалект, стандартный язык, диглоссия, преподавание арабского языка

Вклад авторов: Мерай М.И. — создание концепции исследования, подготовка и проведение практической части исследования, подготовка текста статьи; Кацияннис Ф. — анализ литературы, обобщение результатов исследования, доработка текста статьи.

Заявления о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: получена 12 мая 2024; принята 24 августа 2024.

Для цитирования: Мерай М.И., Кацияннис Ф. Языковая ситуация в арабском мире: язык междиалектного общения // Macrosociolinguistics and Minority Languages. 2024. Т. 2. № 1. С. 66—86. doi: 10.22363/2312-797X-2024-2-1-66-86

© Мерай М.И., Кацияннис Ф., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Linguistic situation in the Arab world: interethnic communication in the Arabic language environment

Mariam I. MERAI¹ , Fotis KATSIGIANNIS²

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

²Aristotle University of Thessaloniki, Thessaloniki, Greece

 meray_mi@pfur.ru

Abstract. Interest in learning Arabic as a foreign language has increased significantly, which sets new challenges for researchers involved in the study of the Arabic language and problems of teaching Arabic. This study is devoted to the analysis of the linguistic situation in the Arab world, which is characterized by the phenomenon of diglossia, which causes certain difficulties not only for native speakers of Arabic in situations of interethnic communication, but also for students of Arabic as a foreign language. This study examines the phenomenon of diglossia, as well as its characteristics. In addition, the variants of the Arabic language that exist today in the Arab world are considered. The study also presents the results of research on the language of interethnic communication as well as discusses the prospects for applying the results in the field of teaching Arabic as a foreign language.

Key words: Arabic, dialect, standard language, diglossia, teaching Arabic

Contributions: Merai M. conceptualized the initial idea and study design, implemented the practical part of the research, prepared the manuscript text; Katsigiannis F. conducted the literature review, synthesized and generalized the research findings, revised the article's text.

Conflict of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Article history: received 12 May 2024; accepted 24 August 2024.

For citation: Merai, M., & Katsigiannis, F. (2024). Linguistic situation in the Arab world: Interethnic communication in the Arabic language environment. *Macrosociolinguistics and Minority Languages*, 2(1), 66—86. (In Russ.) doi: 10.22363/2312-797X-2024-2-1-66-86

Введение

Наше исследование рассматривает особенности межнационального общения в арабском языковом пространстве, что является актуальным направлением ввиду возрастающего интереса к арабскому языку и арабскому миру в целом. Языковая ситуация в арабском мире представляет интерес для многих ученых как с точки зрения ее лингвистической, так и социальной конфигурации. Интерес к вариантам арабского языка возникает ввиду возрастающей популярности языка в качестве иностранного для изучения, в т. ч. в высших учебных заведениях (Mitchell, 1986; El-Hassan, 1997; Promadi, 2016). Языковая ситуация в арабских странах характеризуется явлением диглоссии, т. е. наличием двух вариантов языка, или в некоторых случаях двух разных языков, которые употребляются в разных функциональных сферах. Наличие двух вариантов языка представляет сложность как для

преподавателей, так и для изучающих арабский язык, в первую очередь, с точки зрения выбора варианта языка, а впоследствии и их применения в ситуациях реального общения. Стоит отметить, что данная языковая ситуация также вызывает трудности у носителей языка, так как наличие большого числа диалектов препятствует свободному общению носителей разных диалектов. Кроме того, некоторые исследователи выделяют третий вариант языка, существующий на территории арабских стран. Одно из названий разновидности — язык межнационального общения. Изучение данной разновидности языка может значительно облегчить процесс изучения арабского языка как иностранного.

Цель исследования — анализ языковой ситуации в целом, а также особенностей языка межнационального общения. Кроме того, мы рассматриваем явление диглоссии, существующие варианты арабского языка, а также приводим результаты исследования языка межнационального общения. В теоретическом плане исследование опирается на концепции Ч. Фергюсона (Ferguson, 1959, 1963), Дж. Фишмана (Fishman, 1967), Эль-Саида Бадави (Badawi, 1973; Hinds, Badawi, 1986), В.И. Беликова и Л.П. Крысина (Беликов, Крысин, 2001).

Диглоссия как социолингвистическое явление

В данной части нашего исследования мы будем опираться на определение диглоссии, приведенное Чарльзом Фергюсоном в статье «Диглоссия», определяемой как наличие двух вариантов одного языка в одном языковом сообществе, которые используются в разных сферах или ситуациях общения. Ч. Фергюсон приводит пример коммуникации в языковых сообществах, где говорят, например, на диалектах итальянского и персидского языках. В исследуемых языковых сообществах существует стандартизированный вариант языка и территориальный диалект, которые используются в разных ситуациях общения. Однако, существуют и другие типы диглоссии. Например, в Багдаде существует «христианский» диалект арабского языка и «мусульманский» диалект арабского языка (Ferguson, 1959: 325).

Следует отметить, что диглоссия не всегда подразумевает существование двух вариантов одного языка. В 1967 г. Дж. Фишман выдвинул идею о том, что диглоссия также может включать два неродственных языка, использующихся в разных функциональных сферах (например, как латинский язык использовался в качестве языка высокого уровня, а местные языки — в качестве языков низкого уровня в средневековой Европе) (Fishman, 1967: 33).

Рассмотрим подходы к определению диглоссии В.И. Беликова и Л.П. Крысина. В издании «Социолингвистика» авторы приводят следующее определение «внутриязыковой диглоссии»: это «владение разными подсистемами одного национального языка и использование их в зависимости

от ситуации или сферы общения» (Беликов, Крысин, 2001: 55). «Помимо этого, диглоссия может обозначать и владение разными языками, тогда термин употребляется без определения «внутриязыковая». Кроме того, существует термин «многоязычие», который используется, когда речь идет о ситуациях, где могут функционировать более двух языков» (Беликов, Крысин, 2001: 55).

Следует отметить, что существуют принципиальные отличия диглоссии от билингвизма несмотря на то, что оба термина переводятся на русский язык как «двуязычие». Диглоссия — явление социальное. Более того, каждый носитель языка может владеть «высокой» и «низкой» формами языка на разных уровнях. Чаще всего носители идеально владеют «низкой» формой языка и плохо владеют «высокой» формой. «Низкая» форма является родным языком для носителей, в то время как «высокая» изучается в рамках школьной программы.

Далее мы будем придерживаться термина «диглоссия», поскольку в разных регионах арабоязычного мира «количество контактирующих языков или форм языков может быть разным, в том числе и более трех, а, во-вторых, термин «диглоссия», в отличие от «полиглоссии» является более прозрачным с точки зрения его дефиниции. «Диглоссия» в первую очередь акцентирует внимание на ситуации дополнительного и неравного функционального распределения языков в социальном пространстве. Термин полиглоссия менее привычен и более размыт. Семантика термина «двуязычие» еще более неопределенная, поскольку, фактически, включает в себя объемы понятия и социально и индивидуального билингвизма и диглоссии» (Москвичева, Вио, Замалетдинов, 2023: 603).

Вернемся к основополагающей концепции Ч. Фергюсона. В работе 1959 г. Ч. Фергюсон в качестве примера диглоссных языковых ситуаций приводит сообщества, где говорят на арабском, греческом, немецком (Швейцария), креольском вариантах языков (Гаити). Стоит отметить, что стандартизированный вариант языка или литературный язык применяется в формальном общении, а диалекты — в повседневном. Поэтому американский лингвист ввел два термина для обозначения этих вариантов языка: «высокий» (high) и «низкий» вариант (low) (Ferguson 1959: 327). Таким образом, в арабском языковом пространстве «высоким» вариантом является современный литературный арабский язык, а «низким» — территориальные диалекты, в Швейцарии — литературная форма немецкого и диалекты, в Греции — кафаревуса и димотика (диглоссия существовала до конца XX в.), на Гаити — французский и гаитянский креольский. В рамках нашего исследования мы будем рассматривать языковую ситуацию в арабских странах.

Что касается арабского языкового пространства, то здесь мы можем утверждать, что использование современного литературного арабского языка ограничено такими сферами как телевидение, радиовещание, печат-

ные СМИ, образование, политика, литература. Диалекты арабского языка, в свою очередь, используются в повседневном неформальном общении. В целом языковая ситуация соответствует одной из основных особенностей диглоссии, которую выделил Фергюсон, а именно **четкому разделению сфер употребления** двух вариантов языка (Ferguson 1959: 328). Вторая особенность — **престижность** владения «высоким» вариантом. Классический и литературный арабский язык имеет более высокий статус, чем территориальные диалекты. Вместе с тем стоит отметить, что, на самом деле, в арабском языковом пространстве существует три варианта языка.

1. Классический арабский язык — язык Корана; его область применения ограничена религиозной сферой общения¹.

2. Современный литературный арабский язык — используется в формальных сферах общения².

3. Территориальные диалекты — применяются в повседневном общении³.

Классический арабский язык также сохраняет свой высокий статус, однако стоит еще раз отметить, что этот вариант языка применяется исключительно в религиозной сфере общения.

Еще одна особенность диглоссии — **наличие литературного наследия**, написанного на «высоком» варианте языка, то есть на литературном арабском языке. Стоит отметить, что Коран, а также поэзия доисламского периода, которые, безусловно, являются частью литературного наследия, написаны на классическом арабском языке. Четвертой особенностью является **«способ приобретения»** двух форм языка. Что касается арабского мира, то носитель языка владеет «низкой» формой языка с рождения, данный вариант языка не преподается в школах, в то время как «высокая» форма языка преподается в школах и анализируется в процессе обучения с синтаксической, грамматической, лексической, морфологической и фонетической точки зрения. Следовательно, мы можем отметить еще одну особенность — **отсутствие норм и правил**, регулирующих употребление «низкой» формы языка, т. е. диалектов, так как в письменной и устной формальной речи используется литературный язык.

Еще одной характеристикой диглоссии является ее длительная **стабильность**, т. е. такая ситуация может сохраняться на определенной территории на протяжении нескольких веков. **Наличие в «высокой» форме сложных грамматических конструкций**, нехарактерных для диалектов, является еще одной особенностью диглоссии. Здесь стоит отметить, что диалекты стремятся к упрощению грамматики, присущей литературному языку. Например, в диалектах арабского языка отсутствует употребление падежей.

¹ لغة القرآن / لغة العربية الفصحى الكلاسيكية [luġatu al-qur'āni] / [luġatu al-'arabiyyatu al-fuṣḥā al-kilāsikiyyatu]

Здесь и далее приведена транслитерация, принятая DIN (Deutsches Institut für Normung).

² اللغة العربية الفصحى الحديثة [al-luġatu al-'arabiyyatu al-fuṣḥā al-ḥadīṭatu]

³ لهجات اللغة العربية [lahġātu al-luġati al-'arabiyyati]

Различия в словарном составе литературного языка и диалекта также являются характеристикой диглоссии: для обозначения одного и того же явления могут использоваться разные слова, применение которых строго распределено, они употребляются либо только в литературном языке, либо только в диалекте. И, наконец, последняя особенность — **фонетические различия** «высокой» и «низкой» формы языка. Если мы рассмотрим арабский язык, то здесь можно увидеть, что фонемы, характерные для литературного языка, довольно часто заменяются другими фонемами, более легкими для произношения.

Ч. Фергюсон дает прогноз развития диглоссии в каждой из четырех проанализированных ситуаций. Рассмотрим прогноз для арабского мира: медленное развитие нескольких стандартизированных языков, основой для каждого из которых будет являться «низкая» форма языка с примесью лексики «высокой» формы. Возможные стандартизированные языки — магрибский (основанный на диалекте Рабата или Туниса), египетский (основанный на каирском диалекте), восточный (основанный на диалекте Багдада), возможно, сирийский (основанный на дамасском диалекте), суданский (основанный на диалекте Омдурмана или Хартума) и другие (Ferguson, 1959: 340).

Языковая ситуация в арабских странах

Кратко разновидности арабского языка уже упоминались. Теперь следует рассмотреть этот вопрос более подробно. Языковая ситуация вообще и, в частности, в арабских странах является результатом влияния не только лингвистических, но и социальных, политических, культурных факторов, а также отражает изменения, происходящие в обществе. Как мы уже упоминали выше, главная особенность языковой ситуации в арабских странах — наличие диглоссии.

Существует три основные разновидности арабского языка:

- 1) классический арабский язык;
- 2) современный литературный арабский язык (Modern Standard Arabic);
- 3) диалекты.

Следует еще раз отметить, что классический арабский язык — язык Корана. Применение классического арабского языка ограничено религиозной сферой. Среди ученых существуют споры по поводу того, являлся ли классический арабский язык когда-либо языком, используемым в повседневном неформальном общении, или он использовался в основном в поэзии и религиозной сфере.

Современный литературный арабский язык (Modern Standard Arabic) — официальный язык арабских стран, язык, использующийся в формальной сфере общения: образования, СМИ, государственных органах, бизнес-среде. Кроме того, литературный арабский язык используется в книгах,

учебниках, справочниках, современной литературе. В некоторых арабских странах литературный арабский язык является официальным языком наряду с другими языками. Здесь мы можем привести несколько примеров арабских стран, признающих несколько языков в качестве официальных. В Алжире арабский язык является официальным языком наряду с берберским (Конституция Алжира 1996: глава 1, статья 3, 4)⁴, в Джибути — наряду с французским (Конституция Джибути 1992: глава 1, статья 1)⁵, на Коморских островах — наряду с французским и коморским (Конституция Коморских островов 2001: глава 1, статья 1)⁶ и т.д. Стоит отметить, что наряду с литературным арабским языком, а также диалектами, в арабских странах распространены языки (английский, французский, испанский) бывших метрополий (Великобритании, Франции, Испании), которые могут считаться вторыми или третьими неофициальными языками, применяемым в конкретных сферах и ситуациях общения.

Главные различия классического и литературного языка в основном находятся на лексическом уровне, также можно наблюдать небольшие синтаксические различия. Литературный язык включает термины и понятия, отражающие современную реальность. В то же время некоторые слова и конструкции, используемые в классическом языке, практически невозможно встретить в современном литературном языке. Несмотря на то, что современный литературный вариант арабского языка является «стандартизированной» формой для всего арабского мира, эта форма может иметь незначительные различия в разных странах, что, безусловно, вызвано различиями в диалектах арабских стран.

Можно отметить еще одно сходство классического и литературного арабского языка — существование обоих вариантов преимущественно в письменной форме. Бесспорно, и литературный, и классический арабский язык используются в устной речи, и применение литературного языка, например, в устной речи довольно обширно, как мы уже упоминали выше. Однако неподготовленная устная речь носителя арабского языка будет находиться под влиянием родного диалекта, но все же будет восприниматься носителем именно как литературный арабский язык, иногда такую форму языка называют «средним» языком (the middle language)⁷. Полное и строгое соблюдение грамматических правил и литературной нормы характерно только для литературного языка в письменной форме.

«Низкая» форма арабского языка — диалекты. Здесь, безусловно, стоит упомянуть о проблеме разделения понятий «язык» и «диалект». Необхо-

⁴ Конституция Алжирской Народной Демократической Республики 1996 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=53&ysclid=m0tyrta9i9772041663> (дата обращения: 06.09.2024)

⁵ Конституция Республики Джибути 1992 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=58&ysclid=m0tzyq0wbk298890933> (дата обращения: 06.09.2024).

⁶ Конституция Союза Коморских островов 1996 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=63&ysclid=m0u03ihhmz453463167> (дата обращения: 06.09.2024).

⁷ لغة وسطى [luġatun wuṣṭā]

димо сказать, что среди ученых существуют серьезные споры по поводу определения, а также разделения этих понятий, существуют разногласия по поводу того, какой вариант называть диалектом, а какой — отдельным языком. Однако в работе мы не будем подробно рассматривать эту проблему.

В рамках исследования мы будем говорить о территориальных диалектах арабского языка. Диалекты арабского языка в широком смысле делятся на две группы: западную и восточную или на машрикскую (от араб. «шарк»⁸ — восток) и магрибскую (от араб. «гарб»⁹ — запад). Западная группа включает диалекты стран Северной Африки до Египта. Далее на восток — восточная группа диалектов. Традиционно ученые делят диалекты на следующие группы:

- 1) аравийская группа диалектов;
- 2) месопотамская группа;
- 3) сиро-палестинская (левантийская) группа;
- 4) египетская группа;
- 5) магрибская группа.

Каждая группа характерна для одной или для целого ряда стран. Например, аравийская группа распространена в Катаре, Бахрейне, ОАЭ, Кувейте, Омане, Саудовской Аравии. Месопотамская группа диалектов распространена в Ираке и восточной Сирии. Левантийский арабский используется в Ливане, Сирии, Иордании, Палестине, а египетская группа — в Египте. Египетский диалект является самым понятным диалектом во всем арабском мире ввиду широкого влияния египетских медиа и киноиндустрии, которые доминируют в арабских странах. На магрибских диалектах говорят в Марокко, Алжире, Тунисе, Ливии, Мавритании. Это наименее понятная группа диалектов во всем арабском мире, по мнению носителей других диалектов. Отдельно можно выделить суданский диалект, на котором говорят в Судане и южном Египте. В Йемене, Сомали, Джибути, южной Саудовской Аравии распространен йеменский диалект.

Все диалекты характеризуются фонетическими, лексическими, грамматическими особенностями. Общая характеристика всех диалектов — их стремление как можно больше упростить литературный арабский язык: словарный состав, грамматические конструкции, произношение. Приведем некоторые примеры упрощений, существующих в диалектах:

- 1) отсутствие падежей;
- 2) отсутствие некоторых форм спряжений глаголов и некоторых местоимений;
- 3) отсутствие многочисленных синонимов, присущих литературному языку;

⁸ شرق [šarq]

⁹ غرب [ġarb]

- 4) обилие заимствованных слов для более точного описания окружающей действительности, а также ввиду отсутствия некоторых понятий в литературном языке, которые отражали бы современную реальность;
- 5) опущение некоторых гласных, которые не нужны для удобства произношения согласных, стоящих рядом;
- 6) упрощение произношения сложных звуков (межзубных, эмфатических).

В рамках анализа вариантов арабского языка стоит рассмотреть еще одну разновидность арабского языка, которая упоминается в работах ученых, отделяющих данный вариант языка от остальных вариантов. Выше мы уже упоминали про так называемый «средний» язык. Египетский ученый и лингвист, автор множества работ на английском и арабском языке, Эль-Саид Бадави (Badawi, 1973; Hinds, Badawi, 1986), занимавшийся вопросами диглоссии арабского языка, утверждал, что не всегда легко определить, к какому варианту арабского языка (литературному или диалекту) относится та или иная фраза или конструкция ввиду смешения в речи носителей языка элементов диалекта и литературного арабского языка. Особенно часто это явление смешения встречается среди образованных носителей арабского языка. Бадави назвал такой вариант языка «диалектом образованного населения» (Hinds, Badawi, 1986: IX). Еще одно название этого явления — «белый» диалект¹⁰. Мы также используем термин «язык междиалектного общения». В нашей статье термины «язык междиалектного общения», «белый» диалект», «средний» язык» и «язык образованного населения» используются синонимично. Это промежуточный вариант арабского языка, что-то среднее между литературным арабским языком и диалектами. Данная разновидность арабского языка используется с целью коммуникации между носителями разных диалектов арабского языка.

Данный вариант привлекает интерес ученых как с лингвистической точки зрения, так и с социальной. Некоторые лингвисты предлагают выбирать данный вариант арабского языка как альтернативный при обучении арабскому языку как иностранному. Следует сказать, что существуют некоторые разногласия, которые касаются возможности лингвистического описания языка междиалектного общения, так как его употребление может различаться в зависимости от страны проживания, возраста, уровня образования говорящего, а также от ситуации общения.

Язык междиалектного общения

О языке междиалектного общения в своих исследованиях упоминали Ч. Фергюсон и Э. Бадави. Стоит рассмотреть его особенности более подробно. Как замечают в своих работах ученые, язык междиалектного общения, который также называется «белым» диалектом или языком

¹⁰ اللهجة البيضاء [al-lahǧatu al-bayḍāu]

образованного населения — это «средний» язык (the middle language), содержащий как элементы арабского литературного языка, так и элементы диалектов. Необходимо отметить, что Бадави, например, выделяет пять уровней арабского языка (рис. 1) в зависимости от количественного соотношения элементов литературного арабского языка и диалекта (Hinds, Badawi, 1986: IX).

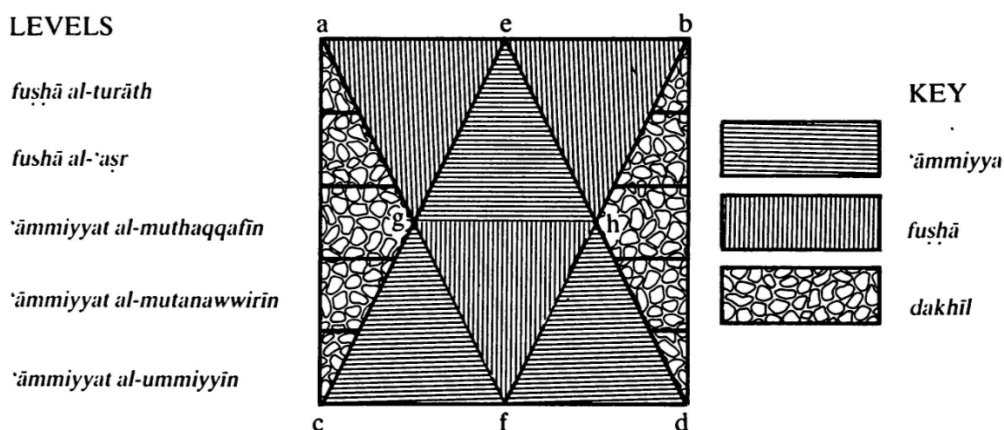

Рис. 1. Уровни арабского языка по Э. Бадави: вертикальная штриховка — элементы литературного арабского языка; горизонтальная штриховка — элементы диалекта; «каменная кладка» — заимствованные слова; линия a-b обозначает «наивысшую» форму арабского языка — язык «наследия»; линия c-d обозначает «низшую» форму арабского языка — диалект неграмотного населения; линии a-f и b-f обозначают пропорциональное распределение элементов литературного языка на различных уровнях языка; линии c-e и d-e обозначают пропорциональное распределение элементов диалекта на различных уровнях языка; зона e-g-f-h обозначает пересечение литературного и разговорного языка; зоны a-g-e и e-h-b — элементы только литературного языка; зоны c-g-f и f-h-d — элементы только диалекта; зоны a-g-c и b-h-d — пропорциональное распределение заимствованных слов на различных уровнях языка; слева от схемы обозначены уровни арабского языка (сверху вниз; разделение на уровни соответствует жирным горизонтальным линиям): 1) язык «наследия»/классический арабский язык; 2) современный литературный арабский язык; 3) диалект «культурного»/образованного населения/интеллигенции; 4) диалект «просвещенного» населения; 5) диалект неграмотного населения

Источник: (Hinds, Badawi, 1986: IX).

Figure 1. Levels of the Arabic Language of E. Badawi: vertical lines — elements of literary Arabic; horizontal lines — elements of the dialect; "stonework" — borrowed words; the line a-b represents the highest level of "correctness" in the literary language; the line c-d represents the least educated type of the dialect; Lines a-f and b-f represent the proportional distribution of the literary language features within the various levels; Lines c-e and d-e represent the proportional distribution of the dialect features within the various levels; the area e-g-f-h represents the overlap of the literary and colloquial languages; the areas a-g-e and e-h-b represent "pure" literary language features; the areas c-g-f and f-h-d represent "pure" dialect features; the areas a-g-c and b-h-d represent the proportional distribution of foreign influence within the language levels; the levels of the Arabic language are to the left of the diagram (from top to bottom; the division into levels corresponds to bold horizontal lines): 1) Classical Arabic; 2) Modern Standard Arabic; 3) spoken Arabic of the highly educated; 4) spoken Arabic of the "enlightened"; 5) spoken Arabic of the illiterate

Source: (Hinds, Badawi, 1986: IX).

Как мы уже отмечали выше, язык междиалектного общения имеет формы как разговорного, так и литературного языка, он не кодифицирован, кроме того, он мало исследован. Ни одно исследование не установило закономерности смешивания двух форм языка, и достоверно неизвестно, могут ли такие правила быть обобщены. Исследователь Т.Ф. Митчелл (Mitchell, 1978; 1986), занимавшийся вопросами разговорного арабского языка и, в частности, языка образованного населения, утверждал, что существует две ситуации, где употребляется язык междиалектного общения (Mitchell, 1978: 228):

1. Общение носителей арабского из разных регионов. В данной ситуации носители разных регионов зачастую смешивают элементы своего диалекта с элементами литературного арабского языка с целью достижения понимания между участниками коммуникации. В данном случае можно говорить о некоем доступном для понимания всем «среднем» варианте арабского языка.

2. Общение главным образом между образованными носителями арабского языка в формальных ситуациях общения, где они пытаются использовать «высокий» вариант языка, чтобы он соответствовал ситуации коммуникации. Однако, так как современный литературный язык редко используется в разговорной форме, носители языка в той или иной степени смешивают элементы диалекта с элементами литературного языка.

Язык междиалектного общения может использоваться носителями любых диалектов. Говорящий на этом языке стремится нивелировать различия диалектов арабского языка и старается использовать слова, характерные для большинства диалектов, а также внедрить как можно больше элементов литературного арабского языка. Использование данного варианта языка доступно только носителям, имеющим какой-либо уровень образования. «Белый» диалект, безусловно, находится под влиянием иностранной лексики ввиду доступа образованного населения к иностранным языкам.

Приведем результаты исследования Раши Сулиман в 2014 г. в Университете Лидса в Великобритании (Soliman, 2014). Эксперимент предполагал проведение диалогов между носителями различных диалектов арабского языка, а также их запись и последующий анализ. В результате автор пришел к следующим выводам:

1) на выбор средств языка оказывают влияние лингвистические и экстралингвистические факторы;

Экстралингвистическими факторами можно считать пол говорящего, предложенная тематика диалогов, степень знакомства собеседников друг с другом.

Лингвистические факторы — это, например, диалект, которым владеет носитель; совпадение корней слов в литературном языке и диалекте;

2) носители прибегали к упрощению грамматических конструкций, использующихся в литературном арабском языке. Например, в речи отсутствовали падежные окончания;

3) количество заимствований из литературного языка напрямую зависит от части речи. Больше всего носители заимствовали существительные, присущие литературному языку;

4) заимствования из литературного арабского языка, к которым прибегали участники эксперимента, были довольно ограниченными и их было намного меньше, чем предполагали авторы предыдущих исследований (Soliman, 2014).

Одной из трудностей, с которыми столкнулся автор, было соотнесение определенной языковой единицы с диалектом или с литературным арабским языком. Еще раз упомянем, что об отсутствии точного метода классификации языковых единиц арабского языка в своих работах говорил Э. Бадави (Hinds, Badawi, 1986).

Следует подчеркнуть, что сфера использования языка междиалектного общения, или языка образованного населения в последнее время значительно расширилась. В арабских странах зачастую преподавание в школах и университетах не ведется полностью на литературном арабском языке, что обуславливает широкое применение «среднего» варианта арабского языка.

Особенности употребления языка междиалектного общения

Приведем также некоторые результаты нашего исследования, проведенного в 2022 г. в рамках изучения языка междиалектного общения. Инструментом исследования послужило анкетирование носителей различных диалектов арабского языка (ливанского, сирийского, палестинского, иорданского, иракского, алжирского, египетского, марокканского, ливийского и суданского). В опросе приняли участие 85 респондентов — представителей различных профессий. Возраст респондентов варьировался, однако большая часть опрошенных — молодые люди 18–39 лет. Большинство респондентов имели высшее образование.

Анонимная анкета, размещенная в социальных сетях, состояла из 27 вопросов, поделенных на два условных блока. Первый блок вопросов (социо-демографический) касался личной информации респондентов: национальности, возраста, пола, образования, места рождения, страны пребывания, языка образования и т. д. Второй блок включал в себя непосредственно вопросы, касающиеся собственно языковых практик: языка, используемого при междиалектном общении; заимствований из литературного арабского языка; использовании диалектов и иностранных языков при междиалектном общении и так далее.

Одним из значимых результатов исследования явилось то, что 27 % носителей арабского языка подтвердили, что обучение в высших учебных заведениях, где они получали образование, велось на каком-либо из диалектов арабского языка. Т.е. таким образом, мы можем подтвердить наше предположение о том, что не во всех официальных сферах общения используется литературный арабский язык, в частности, это касается сферы образования. Зачастую диалект используется в устной речи в то время, как в письменной речи предпочтение все же отдается литературному арабскому языку.

Приведем помимо результатов анкетирования некоторые схемы, составленные после анализа ответов респондентов (рис. 2—8). Стоит отметить, что некоторые вопросы анкеты предполагали возможность выбора нескольких вариантов ответа.

Язык, используемый в преподавании. Результаты ответа на вопрос о том, на каком языке велось обучение в том или ином учебном заведении, которое окончил тот или иной респондент (рис. 2).

Рис. 2. Вариант арабского языка, используемый при преподавании

Источник: выполнено М.И. Мерай, Ф. Кацияннис.

Figure 2. A variant of the Arabic language used in teaching (the results of the survey)

Source: completed by M.I. Merai, F. Katsigiannis.

Язык, используемый в повседневной жизни. Результаты ответа на вопрос о том, какой язык опрашиваемые используют в повседневном общении (рис. 3). Более 90 % участников опроса используют диалекты арабского языка в повседневной жизни и только 6 % носителей используют литературный язык. Таким образом, мы видим, что сфера применения литературного языка довольно ограничена. Даже в тех сферах официального общения, где предполагается использование литературного арабского языка, зачастую используются диалекты.

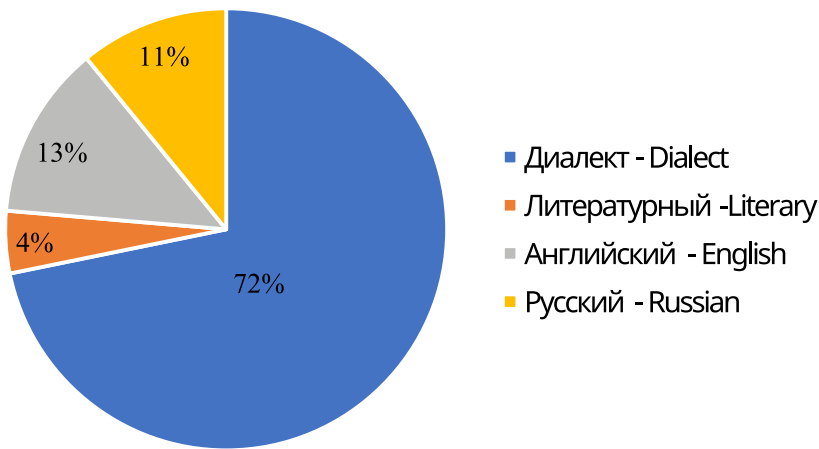

Рис. 3. Вариант языка, используемый на повседневной основе
Источник: выполнено М.И. Мерай, Ф. Кацяяннис.
Figure 3. A variant of the language used on a daily basis
Source: completed by M.I. Merai, F. Katsigiannis.

Язык, используемый в междиалектном общении (рис. 4). То же самое можно сказать и о ситуациях междиалектного общения. Данный факт подтверждается тем, что почти 66 % участников анкетирования указали, что они используют свой родной диалект в ситуациях междиалектного общения. Один из участников отметил, что использует диалект собеседника, в случае если у него имеется достаточно знаний о его особенностях.

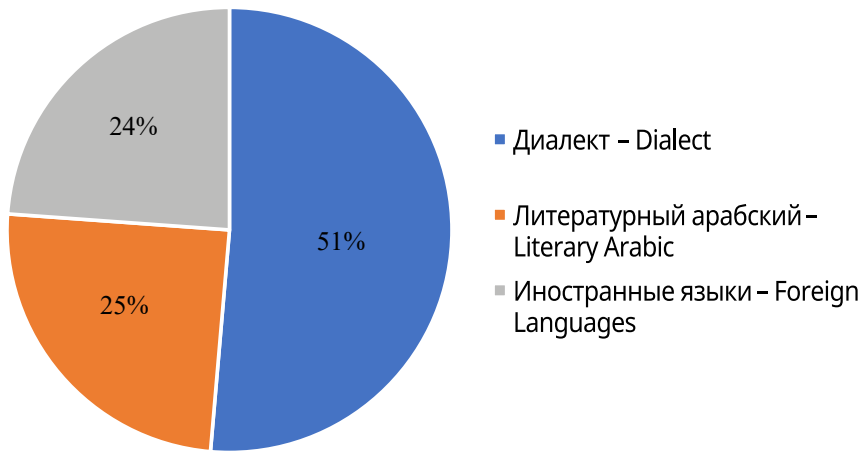

Рис. 4. Язык, используемый при междиалектном общении
Источник: выполнено М.И. Мерай, Ф. Кацяяннис.
Figure 4. The language used in interethnic communication
Source: completed by M.I. Merai, F. Katsigiannis.

Понимание другого диалекта (рис. 5). Более того, у 56,5 % носителей арабского речь носителей других диалектов не вызывает особых затруднений. Некоторые носители испытывают трудности в зависимости от ситуации общения. При этом ни один участник опроса не отметил вариант «да, мне очень сложно понимать носителей других диалектов». Это подтверждает предположение о взаимной понятности различных диалектов арабского языка.

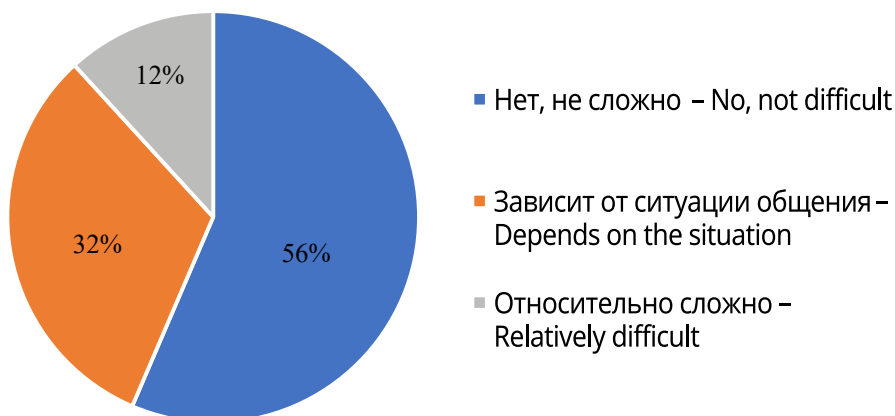

Рис. 5. Результаты ответа на вопрос анкеты «Сложно ли вам понимать носителей других диалектов?»

Источник: выполнено М.И. Мерай, Ф. Кацяяннис.

Figure 5. The results of the answer to the question "Is it difficult for you to understand speakers of other dialects?"

Source: completed by M.I. Merai, F. Katsigiannis.

Следует также отметить, что только 2 участника опроса из 85 привели термин «белый» диалект и «средний» язык при ответе на вопросы анкеты. Один из носителей подтвердил, что использует данный вариант арабского языка на повседневной основе, а второй участник упомянул тот же термин, говоря о причинах использования иностранных языков в процессе междиалектного общения. Следовательно, подтверждается предположение о том, что носители арабского языка зачастую не осознают, что используют «средний» вариант арабского языка, т.е. некую смесь литературного и разговорного языка, считая, что они говорят исключительно на литературном языке, если этого требует ситуация общения.

Использование родного диалекта при общении (рис. 6). На рис. 6 представлены ответы на вопрос о частоте использования родного диалекта в ситуациях междиалектного общения. Еще одним фактом, подтверждающим предположение о существовании некоего «среднего» варианта языка, использующегося в процессе междиалектного общения, является

то, что 40 % опрошенных сказали, что всегда используют свой родной диалект в межнациональном общении, 35,3 % используют его часто и только 3,5 % опрошенных не используют его никогда. При наличии существенных различий между диалектами общение на их «чистых» вариантах было бы затруднительным. Поэтому мы предполагаем, что по факту используется некий «средний» язык, «смесь» различных диалектов, литературного языка и иногда заимствований из иностранных языков.

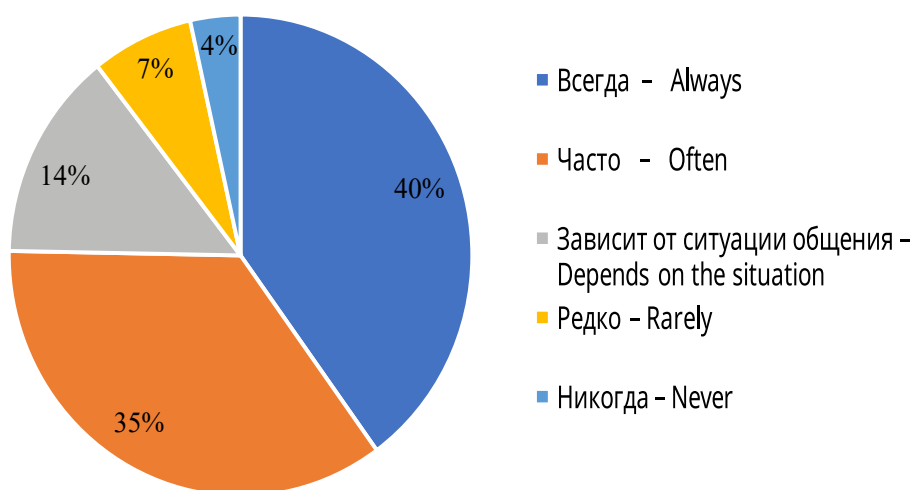

Рис. 6. Ответы на вопрос: «Используете ли вы свой родной диалект при междиалектном общении?»

Источник: выполнено М.И. Мерай, Ф. Кацяяннис.

Figure 6. The results of the answer to the question "Do you use your native dialect during interethnic communication?"

Source: completed by M.I. Merai, F. Katsigiannis.

Смешение диалектов при общении (рис. 7). Дополнительным аргументом в пользу нашей гипотезы служит тот факт, что 31,8 % респондентов указали, что часто смешивают литературный и разговорный язык. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что носители говорят на «белом» диалекте арабского языка, куда входят как элементы диалекта, так и литературного языка, в противном случае, при использовании исключительно диалекта, такая коммуникация была бы невозможна.

Использование иностранных языков в междиалектном общении (рис. 8). Кроме того, в соответствии с результатами опроса 32,9 % носителей арабского языка прибегают к иностранным языкам при общении с носителями других диалектов, 32,9 % используют данную стратегию в зависимости от ситуации общения. Т.е. мы видим, что в речь в процессе междиалектного общения зачастую включаются иностранные языки.

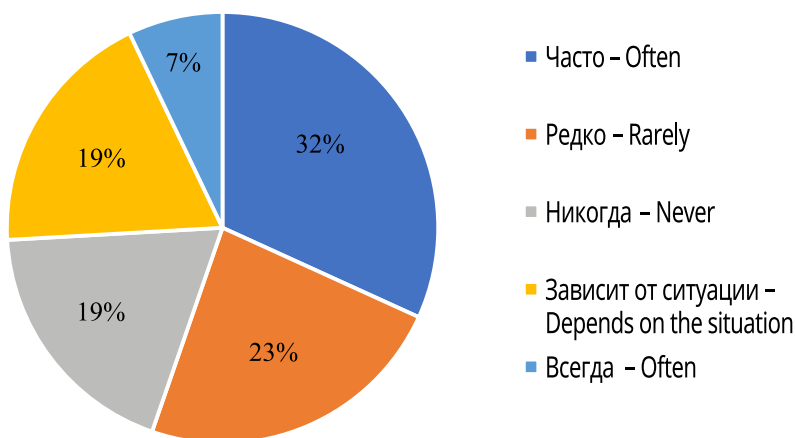

Рис. 7. Ответы на вопрос анкеты: «При общении с носителями других диалектов смешиваете ли вы литературный язык и диалект?»
Источник: выполнено М.И. Мерай, Ф. Кацяяннис.

Figure 7. The results of the answer to the question "When communicating with speakers of other dialects do you mix Modern Standard Arabic and dialect?"
Source: completed by M.I. Merai, F. Katsigiannis.

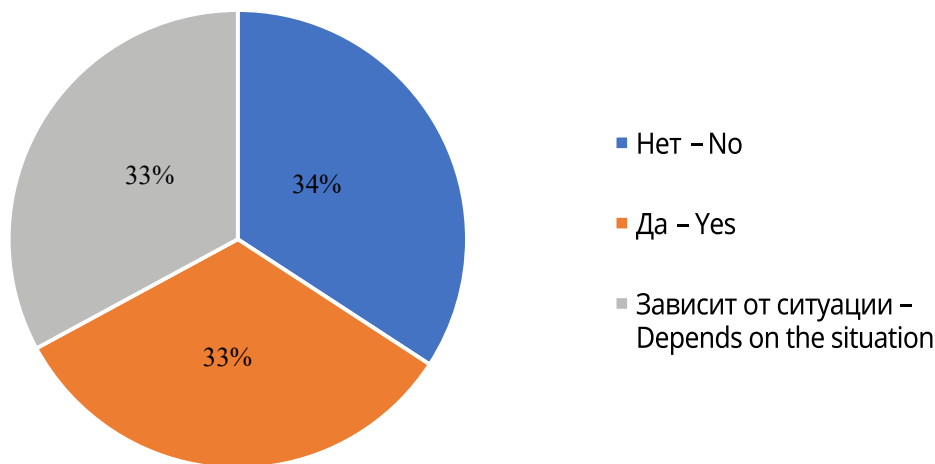

Рис. 8. Ответы на вопрос анкеты: «Используете ли вы языки, кроме арабского, при общении с носителями других диалектов?»
Источник: выполнено М.И. Мерай, Ф. Кацяяннис.

Figure 8. The results of the answer to question "Do you use languages other than Arabic when communicating with speakers of other dialects?"
Source: completed by M.I. Merai, F. Katsigiannis.

Таким образом, мы можем сделать вывод о неосознанном использовании «белого» диалекта его носителями. Применение данного варианта языка доступно только образованным носителям. Более того, ни одно исследование не выявило закономерности использования данного варианта языка. Далее мы рассмотрим, как дальнейшее изучение языка меж-

диалектного общения может помочь в составлении программ обучения арабскому языку как иностранному.

Перспективы обучения диглоссным языкам

Ч. Фергюсон (Fergusson, 1963) писал о проблемах, связанных с преподаванием и изучением языков, для которых характерна диглоссия. Один из главных вопросов — выбор очередности изучения «высокой» и «низкой» форм языка. Еще одной проблемой, которая возникает в ходе изучения языка, является выбор диалекта, что характерно в основном только для арабского языка, так как помимо пяти основных групп диалектов, которые выделяют ученые, существует еще большое количество более мелких групп диалектов. Ч. Фергюсон предлагает делать выбор, руководствуясь несколькими факторами:

- 1) численность носителей диалекта;
- 2) степень понятности диалекта для носителей других диалектов;
- 3) близость к литературному арабскому языку;
- 4) доступность учебных материалов.

Ученый предлагает выбирать для изучения египетский (каирский вариант), иракский (багдадский вариант), левантийский (диалекты Дамаска, Бейрута, Иерусалима), северо-марокканские диалекты (Ferguson, 1963: 168). Здесь Ч. Фергюсон также упоминает о «смешанном» варианте языка, который сочетает в себе элементы «высокой» и «низкой» формы. Носители арабского языка повсеместно смешивают элементы «высокой» и «низкой» формы, что недоступно для изучающих арабский язык как иностранный ввиду того, что такому «смешиванию» невозможно обучить. Таким образом, на данный момент существует три модели обучения арабскому языку:

- 1) переход от литературного арабского языка к диалекту;
- 2) переход от диалекта к литературному арабскому языку;
- 3) одновременное изучение литературного варианта и диалектов.

Результаты нашего исследования подчеркивают важность отказа от такого подхода в преподавании, который имеет целью обучение только одной разновидности арабского языка или, в лучшем случае, просто затрагивает вопрос существования других разновидностей, но не концентрируется на более подробном обучении учащихся. Для того, чтобы университетская программа изучения арабского языка удовлетворяла потребностям студентов и позволяла выпускникам использовать арабский язык таким образом, как его используют носители арабского языка, важно научить студентов применять полученные навыки так, как это делают носители языка. Носители арабского языка кроме того, что способны использовать родной диалект и литературный вариант языка в зависимости от ситуации общения, могут также достичь взаимопонимания при взаимодействии с носителями разных диалектов,

прибегая при этом к минимальным языковым модификациям. Это обусловлено определенными стратегиями, применяемыми носителями языка, которым также должны обучаться студенты. В последние годы многие лингвисты подчеркивают тот факт, что обучение одному варианту арабского языка недостаточно для удовлетворения всех языковых потребностей студента, а также для свободного владения арабским языком. Эксперты также настаивают на том, что изучающий арабский язык должен уметь выбирать и комбинировать различные варианты арабского языка так, как этим навыком владеют носители арабского языка. Только такой подход поможет студентам достигнуть высокого уровня владения языком. Однако недостаток подхода состоит в отсутствии лингвистического описания «среднего» варианта арабского языка и методик обучения такому использованию двух вариантов арабского языка, что мотивирует проведение дальнейших исследований среднего варианта арабского языка.

Заключение

Языковая ситуация в арабских странах характеризуется таким явлением, как диглоссия, что означает одновременное существование на одной территории двух или более вариантов языка в дополнительном распределении: литературного арабского языка, используемого в официальной сфере общения, и множества диалектов, используемых в повседневном общении. Сложившаяся языковая ситуация вызывает определенные трудности для носителей арабского языка в ситуациях междиалектного общения, а также для изучающих арабский как иностранный язык. Однако языковая ситуация в арабском мире предполагает наличие еще одной формы — языка междиалектного общения, «усредненного» варианта или «белого» диалекта, который повсеместно применяется в ситуациях общения между носителями разных диалектов арабского языка, а также в ситуациях формального общения, где необходимо использование литературного арабского языка. Безусловно, данный вариант имеет свои особенности, однако ни в одном исследовании, касающемся «белого» диалекта, нет его лингвистического описания, а также описания закономерностей выбора тех или иных стратегий при применении этого варианта. Более того, выбор языковых средств носителем языка происходит неосознанно, что недоступно для неносителей арабского языка. Результаты дальнейших исследований особенностей междиалектного общения носителей арабского языка могут быть применены в сфере преподавания арабского как иностранного с целью развития навыков студентов для достижения уровня носителей арабского языка.

Список литературы / References

Belikov, V.I., & Krysin, L.P. (2001). *Sotsiolingvistika: uchebnik dlya vuzov* (Sociolinguistics: Textbook for universities). Moscow: RGGU publ. (In Russ.).

Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика : учебник для вузов. М. : РГГУ, 2001.

Badawi, El-Said. (1973). *Mustawayāt al-‘Arabīyah al-mu‘āṣirah fī Miṣr: baḥṭh fī ‘alāqat al-lughah bi-al-ḥadārah*. Miṣr: Dār al-Ma‘ārif (Levels of Contemporary Arabic in Egypt). Retrieved September 6, 2024 from: https://openlibrary.org/books/OL22435082M/Mustaway%C4%81t_al-%CA%BBArab%C4%AByah_al-mu%CA%BB%C4%81%E1%B9%A3irah_f%C4%AB_Mi%E1%B9%A3r

Ferguson, Ch. (1959). Diglossia. *Word*, 15(2), 325—340. <https://doi.org/10.1080/00437956.1959.11659702>

Ferguson, Ch. (1963). Problems with teaching languages with diglossia. In Woodworth, E.D. (ed.). *The thirteenth Annual Round table Meeting on Linguistics and Language Studies*. Georgetown: Georgetown University Press. P. 165—172.

Fishman, J. (1967). Bilingualism with and without diglossia; diglossia with and without bilingualism. *Journal of Social Issues*, 23(2), 29—38.

Hinds, M., & Badawi, El-S. (1986). *A dictionary of Egyptian Arabic*. Beirut: Librairie du Liban. Retrieved September 14, 2024 from: <https://archive.org/details/ADictionaryOfEgyptianArabic>

El-Hassan, Sh. (1997). Educated Spoken Arabic in Egypt and the Levant: A critical review of diglossia and related concepts. *Archivum Linguisticum*, 8(2), 112—132.

Mitchell, T. (1978). Educated spoken Arabic in Egypt and the Levant, with special reference to participle and tense. *Journal of Linguistics*, 14(2), 227—258.

Mitchell, T. (1986). What is educated spoken Arabic? *International Journal of Sociology of Language*, (61), 7—32.

Moskvitcheva, S.A., Viaut, A., & Zamaletdinov, R.R. (2023). Language Representations and Language Attitudes in the Mishar Dialect Continuum. *Russian Journal of Linguistics*, 27(3), 687—714. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34933>

Москвичева С.А., Вюо А., Замалетдинов Р.Р. Репрезентации языка и языковые аттитюды в мишарском языковом континууме // Russian Journal of Linguistics. 2023. Т. 27. № 3. С. 689—715. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34933>

Promadi, K. (2016). Educated spoken Arabic: A new alternative for future teaching Arabic as a foreign language. *Journal of Education and Social Sciences*, (4), 26—32.

Soliman, R. (2014). *Arabic cross-dialectal conversations with implications for the teaching of Arabic as a second language*. Leeds: The University of Leeds. Retrieved September 14, 2024 from: URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/30268209.pdf>

Сведения об авторах:

МЕРАЙ Мариам Имадовна — ассистент кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов. *Научные интересы*: социоллингвистика, гендерная лингвистика, межкультурная коммуникация.

ORCID: 0000-0001-6409-8113

SPIN-код: 6329-4743

E-mail: meray_mi@pfur.ru

КАЦИЯННИС Фотис — соискатель степени PhD на факультете теологии, Университет имени Аристотеля в Салониках. *Научные интересы*: лингвистика, межкультурная коммуникация, исламская историография.

ORCID: 0000-0002-4573-3684

E-mail: fkatsigia@theo.auth.gr

Bionote:

Mariam I. MERAI — assistant lecturer at the Department of Foreign Languages, Philological Faculty, RUDN University. *Research interests:* sociolinguistics, gender linguistics and intercultural communication.

ORCID: 0000-0001-6409-8113

SPIN-code: 6329-4743

E-mail: meray_mi@pfur.ru

Fotis KATSIGIANNIS — PhD candidate at the Faculty of Theology, Aristotle University of Thessaloniki. *Research interests:* linguistics, intercultural communication, and Islamic historiography.

ORCID: 0000-0002-4573-3684

E-mail: fkatsigia@theo.auth.gr

DOI: 10.22363/2949-5997-2024-2-1-87-101

EDN LOCTQO

Research article / Научная статья

Gulf Pidgin Arabic как коммуникативное средство трудовых мигрантов в арабских странах Персидского залива

Илья Александрович САВВИН

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ ilyasavvin.2000@gmail.com

Аннотация. В результате «нефтяного бума» середины XX в. в регион Персидского Залива направились значительные потоки трудовых мигрантов из стран Африки, Южной и Юго-Восточной Азии. Не владея арабским языком, трудовые мигранты были вынуждены взаимодействовать с местным арабским населением, что привело к появлению контактного языка — арабского пиджина Персидского Залива. Актуальность исследования определяется растущим количеством трудовых мигрантов в регионе, а также увеличением социального неравенства между местным арабоязычным населением и трудовыми мигрантами, использующими пиджин. Проанализированы лексический материал Gulf Pidgin Arabic (GPA), а также социологические опросы, касающиеся отношения к GPA как со стороны коренного арабского населения, так и со стороны носителей пиджина. Выводы: во-первых, GPA отличается заметной вариативностью на лексическом, фонетическом и синтаксическом уровнях языка, что указывает на нестабильность данного пиджина; во-вторых, коренное арабское население воспринимает GPA как средство социального дистанцирования от неквалифицированных мигрантов, в то время как сами трудовые мигранты воспринимают пиджин позитивно, считая его существенным преимуществом для работы в арабских странах. Работа вписывается в тематику исследования арабских пиджинов и будет полезна арабистам и специалистам в области социолингвистики.

Ключевые слова: контактные языки, арабский язык, арабские пиджины, социолингвистическая вариативность, репрезентации языка

Заявления о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: получена 22 марта 2024; принята в печать 15 мая 2024.

Для цитирования: Саввин И.А. Gulf Pidgin Arabic как коммуникативное средство трудовых мигрантов в арабских странах Персидского залива // *Macrosociolinguistics and Minority Languages*. 2024. Т. 2. № 1. С. 87—101. doi: 10.22363/2312-797X-2024-2-1-87-101

© Саввин И.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Gulf Pidgin Arabic as a communication tool of migrant workers in the ARAB countries of the Persian gulf

Ilya A. SAVVIN

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ ilyasavvin.2000@gmail.com

Abstract. As a result of the "oil boom" of the mid-20th century, significant flows of labor migrants from Africa, South and Southeast Asia headed to the Persian Gulf region. Not speaking Arabic, these migrant workers were forced to interact with the local Arab population, which led to the emergence of a contact language — Gulf Arabic pidgin. This study is relevant in view of the growing number of labor migrants in the region, as well as the widening social gap between the local Arabic-speaking population and pidgin-speaking labor migrants. The study analyzes the lexical material of Gulf Pidgin Arabic (GPA), as well as sociological surveys regarding the attitude towards GPA both from the indigenous Arab population and from pidgin speakers. During the work, the following conclusions were made. Firstly, GPA is characterized by noticeable variability in the lexical, phonetic and syntactic aspects of the language, which indicates the instability of this pidgin. Secondly, the native Arab population perceives GPA as a means of social distancing from unskilled migrants, while migrant workers themselves perceive pidgin positively, considering it a significant advantage for working in Arab countries. This work will contribute to further research on Arabic pidgins and will be useful to Arabists and specialists in the field of sociolinguistics.

Key words: contact languages Arabic pidgins, Arabic language, sociolinguistic variation, language representations

Conflict of interest. The author has no conflicts of interest to declare.

Article history: received 22 March 2024; accepted 15 May 2024.

For citation: Savvin, I.A. (2024). Gulf Pidgin Arabic as a communication tool of migrant workers in the Arab countries of the Persian gulf. *Macrosociolinguistics and Minority Languages*, 2(1), 87—101. (In Russ.). doi: 10.22363/2312-797X-2024-2-1-87-101

Введение

Арабские пиджины давно привлекают внимание исследователей. Наибольшее количество работ посвящено южносуданскому пиджину, который сформировался около 200 лет назад в результате контактов арабоязычного населения Судана и народов черной Африки, проживающих в Южном Судане. На данный момент джуба фактически считается креольским языком, т. е. обладает устоявшейся грамматической и лексической структурой, а также является родным для 250 тысяч человек, согласно отчету Ethnologue за 2020 г. Пиджину джуба посвящены работы Мауро Тоско, Стефано Манфредди, Петроллино, Фида Бизри (Tosco, Manfredi, 2013; Manfredi, Bizri, 2019). Джуба является самым исследованным, но не единственным пиджином на основе арабского языка. На основе того же суданского ва-

рианта арабского языка функционирует пиджин нуби, который до сих пор не привлекал большого внимания исследователей. То же можно сказать про пиджин турку, имеющий хождение в Чаде (Kremers, 2005). Интересный феномен представляет собой румынский пиджин Ирака, который использовали румынские работники нефтяных компаний, работавших в Ираке, особенно в 1970–1990-е гг. Ему посвящены работы Аврама (Avram, 2015, 2017). Также стоит отметить так называемый пиджин-мадам, являющийся смесью ливанского варианта арабского и сингальского языков (Bizri, 2014).

Фокусом же данной работы является Gulf Pidgin Arabic (GPA) — арабский пиджин Персидского залива. Он начал формироваться в 1960–1970-е гг. в результате нефтяного бума в регионе и последовавшего за ним наплыва иностранной рабочей силы в страны Персидского залива. Трудовые мигранты в основном являются выходцами из стран Африки, Южной и Юго-Восточной Азии. Первым на появление GPA обратил внимание Сمارт (Smart, 1990), описавший вариант пиджина, распространенный в ОАЭ. За этой работой последовали некоторые другие, рассматривающие различные аспекты GPA: Аврам (Avram, 2015, 2017), Альгамди (Alghamdi, 2014) и Альмоайли (Almoaily, 2013), при этом GPA, как и другие арабские пиджины, до сих пор игнорировался русскоязычными исследователями.

Цель исследования — описание GPA как языковой системы и особенностей его общественного функционирования. В соответствии с этой целью были выделены следующие задачи исследования:

- определить принадлежность GPA к (пре)пиджинам или креольским языкам;
- установить лингвистические особенности GPA;
- установить вариативность GPA в зависимости от родного языка говорящих;
- выделить особенности отношения общества к GPA.

Исследование носит дескриптивно-аналитический характер и проводилось на основе лексического материала GPA, а также в области лингвистики и социолингвистики.

Между жаргоном и пиджином

Социолингвистическая среда, в которой возник GPA, является хрестоматийным примером ситуации, в которой возникают пиджины. Широкий социальный разрыв между выходцами из стран Персидского залива и иностранными рабочими, а также краткосрочные трудовые контракты делают изучение языка принимающей страны необязательным для многих иностранных рабочих в регионе Персидского Залива. Базовая и упрощенная версия стандартного языка кажется достаточной для удовлетворения большинства коммуникативных потребностей иностранных работников. Еще один фактор, который привел к появлению GPA, — широкое языко-

вое разнообразие среди рабочей силы в странах Персидского залива. Работникам-мигрантам, имеющим разное языковое происхождение, для общения друг с другом нужен контактный язык, который был бы нейтральным или не являлся родным языком ни для кого из них (Alghamdi, 2014).

Непростая задача для социолингвистов — отнести GPA к препиджинам (или жаргонам), пиджинам или креольским языкам. Для начала необходимо установить содержание каждого из этих терминов. Под препиджином мы подразумеваем вид контактного языка, отличающийся скудным словарным запасом, нестабильной грамматикой и лексическим составом (Михальченко, 2006: 171). Пиджин — это контактный язык, отличающийся большей стабильностью по сравнению с препиджином, однако не являющийся родным языком ни для одного человека, говорящего на нем (Mühlhäusler, 1997). Креольский язык — это наиболее устойчивая и стандартизированная форма контактного языка, представляющий собой следующий этап развития пиджина. При этом креольский язык является родным для определенного языкового сообщества (Holm, 1988).

Бакир считает, что GPA приобретает четкую, хотя и обедненную грамматику и начинает демонстрировать некоторую степень последовательности во всех аспектах (Bakir, 2010: 223). Ф. Бизри высказывает похожую мысль о том, что несмотря на все еще существующую нестабильность, в GPA наблюдается определенная степень гомогенизации. Он предложил термин «арабские пиджины азиатских мигрантов» (Bizri, 2014), который вызывает сомнения, так как на GPA говорят трудовые мигранты не только из Азии, но и из Африки.

Несмотря на вышеупомянутые мнения, GPA все еще слишком нестабилен, особенно по сравнению с устоявшимися арабскими пиджинами джуба, нуби и турку, и отличается заметной вариативностью (Næss, 2008). Даже речь одного человека в разное время демонстрирует разные слова и построения предложений (см. далее раздел «Восприятие и отношение к GPA»). Это объясняется нестабильностью вариантов произнесения и неоднородностью сообщества, говорящего на GPA. Во-первых, этнический состав трудовых мигрантов в регионе Персидского залива крайне разнообразен: выходцы из стран Африки, Южной и Юго-Восточной Азии. Во-вторых, трудовые мигранты в регионе часто переезжают из одной страны в другую, периодически возвращаясь на родину. Все это мешает формированию стабильного гомогенного сообщества, использующего GPA. Более того, вышеперечисленные стабильные арабские пиджины формировались более длительный промежуток времени по сравнению с GPA, появившимся лишь в 1970—1980-е гг.

Мюльхойслер (Mühlhäusler, 1997) в своей работе выявил признаки, отличающие препиджин от пиджина. Ниже (табл. 1) приводим таблицу соответствия GPA выявленным признакам.

Таблица 1 / Table 1

Соответствие GPA признакам препиджина (жаргона) /
GPA correspondence to prepidgin (jargon) characteristics

Feature	GPA
inter-speaker variation in phonology	+
minimal personal pronoun system	+
unproductive reduplication	+
categorial multifunctionality	+
minimal personal pronoun system	+
absence of copula	–
absence of tense and aspect markers	+
absence of prepositions	(+)
coordination with paratactic structures or with adverbs	+
absence of complementizers, conjunctions	+
iconic paratactic structures	+
small size of vocabulary	+
semantic extensions	+
lexical hybrids ⁸	–
circumlocutions	+
reanalysis of morphemic boundaries	+

Источник / Source: (Avram, 2015).

Как мы видим, GPA обладает большинством черт, характерных для препиджинов. Стабилизации GPA, помимо уже рассмотренных факторов, мешают его «узконаправленность» и индивидуальность. Каждый трудовой мигрант использует GPA лишь в узкой сфере своего общения (в основном на рабочем месте). При этом каждый носитель GPA воспринимает и воспроизводит чуждый для него арабский язык по-своему, т.е. GPA не передается от говорящего к говорящему, а формируется индивидуально (Manfredi, Bizri, 2019).

Таким образом, рассмотрев основные признаки пиджинов и препиджинов, можно заключить, что GPA на данный момент, несмотря на некоторые тенденции к стабилизации, все еще остается на стадии препиджина.

Лингвистические особенности GPA

Как мы выяснили в предыдущем разделе, GPA относится к классу препиджинов (допиджинов). Ввиду этого GPA, как и остальные препиджины, имеет примитивную грамматическую структуру, его лексический состав крайне нестабилен, а фонетика упрощена и, отчасти, приближена к фонетике родных языков говорящих (Беликов, Крысин, 2001: 81).

⁸ Lexical hybrids (лексические гибриды) — слова, имеющие происхождение из двух или более языков (Mühlhäusler, 1997).

М. Тоско и С. Манфреди, в свою очередь, выделили черты, характерные для всех пиджинов на основе арабского языка, в т. ч. GPA. Перечислим основные из этих черт:

- велярные фрикативы сливаются со своими взрывными аналогами;
- геминация согласных и длина гласных повсеместно утрачиваются;
- арабская корневая морфология больше не продуктивна;
- частая потеря определенного артикля *al-*;
- род не является морфологической категорией;
- наличие единого самостоятельного набора личных местоимений;
- фарингализация повсеместно утрачена (Tosco, Manfredi, 2013: 499).

Проанализируем более подробно фонетическую систему GPA. Звуки *ħ*, *ḥ* и *h* сливаются в один звук *h*. Эмфатические согласные пропадают и заменяются обычными: *ṭ* — *t*; *ṣ* — *s*. Горловой звук *ʕ* ('айн) также отсутствует и произносится как хамза (гортанная смычка). Долгие гласные, имеющие смыслоразличительную функцию как в литературном арабском языке, так и в диалектах, в GPA тоже присутствуют, однако смыслоразличительной роли не играют; одно и то же слово может произноситься как с долгой гласной, так и с короткой, в зависимости от говорящего:

- 1) Bādēn — Оман;
- 2) Bāden — Катар;
- 3) Baden — Саудовская Аравия (Næss, 2008).

Похожая ситуация и с геминацией согласных; зачастую она пропадает: *sitta* — *sita*. Произношение варьируется в зависимости от страны, однако даже в рамках одной страны возможны различные варианты произнесения одного и того же слова: *jen* — *Sen* — *Zen* (Оман). Более того, один человек может произносить одно и то же слово по-разному в разных ситуациях: *fi* — *fī*, *gul* — *gūl*, *jen* — *zen*, *nafar* — *napar* (Næss, 2008).

Упрощения наблюдаются и в морфологической структуре. Флективность в GPA сведена к минимуму. Отсутствуют грамматические показатели двойственного числа, вместо них двойственность передается по схеме: числительное «2» + слово в единственном числе: *isnēn sana* (два года), *tineen usbuu* (две недели)¹. Интересно, что в приведенных примерах само числительное «2» произносится по-разному (Bakir, 2010).

В GPA полные местоимения используются вместо слитных в подавляющем большинстве случаев: *gūl la anā rūh* — он сказал мне пойти. Прилагательные, как и глаголы, в основном не изменяются и используются в форме мужского рода (глаголы употребляются в форме 3-го лица мужского рода прошедшего времени): *tumkin hiya tībān* — возможно, она устала. Часто значения действия передается по формуле: глагол «делать» + прилагательное/существительное:

- 1) *ana sawwi kalam* — досл. «я делаю разговор», т. е. «я разговариваю»;
- 2) *ana sawwi nadīr* — досл. «я делаю чистым», т. е. «я чищу».

¹ Здесь и далее, перевод наш — И.С.

Иногда используется повторение слова для указания на постоянство или на усиленность признака: *eš fi kalam hada sura sura* — почему ты говоришь так быстро (Avram, 2017).

Из-за упрощения языка и небольшого словарного запаса слова в GPA зачастую многофункциональны. Например, слово *fī* имеет следующие значения:

- 1) предикативная связка: *beelad fī zein* — город хороший (в данном случае слово *fī* переводится как «является»);
- 2) экзистенциальная связка: *fī wahed nafar hina* — здесь 1 человек;
- 3) обладание: *ana fī sadiki shogul Bahrain* — у меня есть друг, который работает в Бахрейне.

Еще один показательный пример полисемантичности в GPA — слово *māl*, которое используется в следующих случаях:

- 1) *bint araf ziyāda māl bilād* — моя дочь знает много о своей стране;
- 2) *ana fi zeyn māl Hindi* — мне хорошо, пока я в Индии;
- 3) *Sawwi māl ana muškil* — она доставляет мне проблемы;
- 4) *binti fi āti māl walad* — моя дочь отдает это (моему) сыну.

При этом иногда наравне с арабскими словами используются английские синонимы:

- 1) *Inti ahyanan mafi sabar* — иногда ты нетерпелива;
- 2) *Fi patient* — будь терпеливым.

Примечательно использование отдельных слов из других языков: *chiko* — из португальского/испанского в значении «ребенок», а также *kāmūtīkā* (вариант приветствия) и *adbar kā* в сочетании с арабским глаголом *rūh* (идти) в значении «выходить». Происхождение этих слов не совсем понятно, возможно, они происходят из Урду или родственного ему языка (Smart, 1990).

Самый распространенный порядок слов в GPA — SVO, иногда встречается SOV, согласно исследованию Альгамди, SVO встречается в 69 % случаев, а SOV — в 18 % (Alghamdi, 2014). При этом один и тот же человек может менять порядок слов в своей речи: *hatteeti maay... saabuun hatteeti* — налей воду, [затем] налей мыло (Bakir, 2010). В целом, можно заключить, что в GPA отсутствует строгий порядок слов, при этом в нем присутствуют синтаксические явления, отсутствующие в арабском языке:

- 1) прилагательное предшествует существительному: *fī sahīr dukān* — есть маленький магазин;
- 2) модальный глагол используется после основного глагола: *inte šāra šūf yigdar* — ты можешь увидеть улицу;
- 3) наречие стоит перед глаголом: *sem sem kalām* — они говорят на одном языке;
- 4) в выражении принадлежности имя обладателя может использоваться как в начале, так и в конце высказывания: *ana sadiki bēt* — дом моего друга, *kulo fulus anta* — все твои деньги (Næss, 2008).

Принадлежность в GPA иногда выражается через слово *māl*, при этом оно может идти как до имени обладателя, так и после него: *ana māl bint tālīm arabi* — у меня есть дочка, которая учит арабский, *Salīm māl ana sadig* — Салим мой друг.

Грамматический показатель времени отсутствует, время определяется либо по контексту, либо по специальным словам, указывающим на время действия: *alhiin* (сейчас), *bukra* (завтра), *amis* (вчера) и т.д.

Отрицание в GPA строится путем добавления перед глаголом частиц *ma* или *mafi*². Например:

1) *Ma yebi* — Я не хочу;

2) *Ana mafi rūh sīnema* — Я не хожу (иду) в кино;

3) *Huwa mafi kalam ana fi kalam* — Он не говорил, [когда] я говорил.

В этом примере представляется сложным дать правильный перевод, так как отсутствуют комплементаторы и указание на время действия (Alghamdi, 2014).

Выражение порядка действий осуществляется либо путем паратаксиса, либо при помощи выражения со словом «потом».

1) *Atī pulūs sīr dikān* — Дай ей денег, и она пойдет в магазин;

2) *Hatteeti maay gassala badeen saabuun hatteeti* — Сначала налей в стиральную машину воду, а потом положи мыло.

Подобно вышеперечисленным примерам, сложноподчиненные предложения тоже строятся через паратаксис, комплементаторы практически не используются: *Kafil gūl [] mafi alhīn ijī* — спонсор сказал, [что] не придет сейчас (Avram, 2017).

Вариативность GPA

Как было отмечено выше, GPA не является полноценным языком с устоявшейся грамматической и лексической структурой: следовательно, для него характерен высокий уровень вариативности. Различия GPA в зависимости от страны пребывания говорящих все еще плохо изучены и представляют собой большую исследовательскую лакуну. Насколько нам известно, этот вопрос обсуждается только в работах Смарта (Smart, 1990), описывающего язык азиатских мигрантов в ОАЭ и Аль-Азраки (Al-Azraqi, 2010) и Аль-Моайли (Almoaily, 2013), описывающих ситуацию в Саудовской Аравии.

Зачастую различия в GPA обусловлены экстралингвистическими факторами, например, полом говорящего. Вызвано это тем, что женщины, в основном работающие нянями или домработницами, имеют ограниченный круг и темы общения. В основном они общаются на бытовые темы с женщинами, что определяет характер их языка: к примеру, в подавля-

² Примечательно, что в арабском диалекте Персидского залива слово *mafi* употребляется в значении «отсутствовать, не иметься», а в GPA оно приобрело значение общего отрицания.

ющем большинстве случаев они употребляют глаголы и прилагательные в форме женского рода (Jureidini, Moukarbel, 2004).

Однако, пожалуй, наиболее важный фактор, обеспечивающий вариативность GPA — родные языки говорящих. Каждый из этих языков, имеющих различную грамматическую структуру, влияет на вариант GPA, на котором в итоге будет говорить носитель. Большое сравнительное исследование проведено среди носителей бенгальского, малаялама и панджаби языков (Almoaily, 2013).

Исследователь показал, к примеру, что носители малаялама, говоря на GPA, чаще используют определенный артикль аль- (39,4 %), чем носители бенгальского (18 %) и панджаби (15,6 %). Это странно, так как бенгальский — единственный язык рассматриваемой группы, где есть понятие определенности слова, поэтому предполагалось, что его носители будут использовать определенный артикль в GPA чаще. Также не совсем понятно частое использование определенного артикля носителями малаялама: возможный эффект хинди/урду как второго языка для носителей малаялама здесь можно исключить, поскольку урду тоже не имеет категории определенности. Помимо различных родных языков, значение имеет длительность пребывания говорящих на GPA в арабских странах. Так, средний показатель использования определенного артикля среди новоприбывших — 19,1 %, в то время как живущие в регионе более 10 лет мигранты используют определенный артикль уже в 29,6 % случаев.

Примечательно также использование соединительных союзов: наиболее высокие показатели их употребления зафиксированы у носителей панджаби, у носителей малаялама — 11,7 %, а бенгальского — только 9,4 %. Возможно, это объясняется тем, что использование соединительных союзов в бенгальском необязательно, а в малаяламе союзы присоединяются к слову, не являясь отдельной лексемой. В данном случае время пребывания в регионе тоже играет свою роль: средний показатель использования соединительных союзов среди новоприбывших — 7,6 %, а среди тех, кто живет в регионе более 10 лет — уже 23,3 % (Almoaily, 2013).

Согласование прилагательного и существительного встречается в GPA крайне редко — вместо этого практически во всех случаях используется прилагательное в форме единственного числа мужского рода. Лучшие результаты согласования прилагательного и существительного показывают носители малаялам (15,1 %), чуть хуже — носители панджаби (11,5 %), затем — носители бенгальского (4,7 %). Возможно, это связано с тем, что в малаялам прилагательное согласуется со существительным по лицу, числу и роду (Asher, Kumari, 1997), а в панджаби прилагательные согласуются со своим главным существительным по числу и роду, за исключением заимствованных слов (Bhatia, 2013). С другой стороны, в бенгали прилагательные не склоняются по числу или роду. Вместо этого со всеми существительными используется форма единственного числа мужского

рода (Milne, 1993). В среднем «новички» в регионе используют согласование в 6,6 % случаев, а «старожилы» — в 14,6 %.

Отдельный интерес представляет использование слитных местоимений в GPA — они отсутствуют во всех 3 родных языках информантов. Тем не менее носители малаялама используют слитные местоимения в 27,7 % случаев, носители бенгальского — в 16 %, а панджаби — в 9,1 %. В среднем новоприбывшие мигранты используют слитные местоимения в 11,5 % случаев, а те, кто давно живет в регионе — в 22,78 %.

Использование глаголов и их согласование с подлежащим не представляет большой вариативности среди носителей GPA: при наличии глагола в предложении, он используется в форме прошедшего времени единственного числа мужского рода. Однако возможны следующие ситуации:

- 1) глагол вовсе опускается;
- 2) использование отглагольного существительного вместо глагола;
- 3) использование повелительного наклонения глагола вместо формы прошедшего времени.

Наблюдается различие в частотности использования глаголов между новоприбывшими мигрантами и теми, кто живет в регионе уже давно. Первая группа опускает глагол в 38,6 % случаев, в то время как вторая — в 16,4 %. При этом согласование глагола с подлежащим в GPA встречается крайне редко — лишь в 3 % случаев. Частое использование повелительной формы глагола в значении изъявительного наклонения, вероятно, объясняется тем, что говорящие на GPA в общении с носителями языка чаще всего слышат именно повелительную форму.

Восприятие и отношение к GPA

GPA является относительно новым феноменом в регионе Персидского залива, поэтому отношение к нему до сих пор неоднозначное, в особенности со стороны коренного арабского населения.

Сами говорящие на GPA воспринимают его скорее позитивно: пиджин является для них своего рода символическим капиталом (Bourdieu, 1991), позволяющим им работать не только в одной стране, но во всех странах региона. В этой связи примечательно приведенное Ф. Бизри интервью со шри-ланкийскими трудовыми мигрантами в Кувейте. Один из них не советует соотечественникам ехать в Израиль на заработки, ведь после этого ни одна арабская страна не примет их у себя. Он приводит собственный пример: если у него что-то не получится в Кувейте, он сможет уехать и найти работу в любой другой арабской стране, ведь он знает арабский (пиджин) (Bizri, 2014).

Особенно ценят свое владение арабским языком мигранты-мусульмане. Они считают арабский священным языком ислама, поэтому владение им будет полезно для их духовного и личностного развития: по возвращении

в родную страну знание арабского языка существенно повысит их статус в обществе (Thangarajah, 2003). Тем не менее владеющие GPA не воспринимают его как часть своей идентичности (в отличие от носителей суданского пиджина джуба) (Miller, 2000), ведь в основном они живут в относительно закрытых общинах вместе со своими соотечественниками и осознают временность своего пребывания в арабских странах.

Что же касается восприятия этого варианта автохтонным населением, то Д.Р. Сمارт, У. Нэсс, М. Алмоайли и А. Аврам свидетельствуют о том, что GPA в глазах коренного арабского населения связан в первую очередь с низким статусом (Smart 1990, Næss, 2008, Almoaily, 2013, Avram, 2015), что обуславливается несколькими факторами:

1) GPA, как и любой пиджин, представляет собой «испорченную» версию языка-лексификатора;

2) люди, говорящие на GPA, в основном имеют низкий социальный статус и работают в сфере обслуживания (табл. 2).

Саудовцы не склонны считать GPA отдельным языком и воспринимают его как одну из «версий» арабского языка. При этом нельзя сказать, что отношение к GPA у всего автохтонного населения отрицательное: многие коренные жители арабских стран видят в GPA естественное и нормальное языковое явление. Однако при общении с трудовыми мигрантами саудовцы предпочитают использовать не GPA, а свой родной диалект, но в то же время признают важность пиджина как коммуникативного средства (табл. 3). Данные таблицы показывают, что большая часть коренного населения считает, что GPA — скорее негативный феномен (вопрос 29), а трудовым мигрантам следовало бы приложить большие усилия, чтобы выучить арабский язык (вопрос 12).

Результаты опросов по поводу распространения GPA в регионе показали негативное отношение местного населения к этому процессу. Вместе с тем данные Абеда (табл. 3), подтверждают это. Большинство опрошенных им саудовцев заявляют, что его не следует широко использовать или распространять. Это подтверждает тезис о том, что пиджин воспринимается лишь как маргинальное средство общения низкоквалифицированных трудовых мигрантов с местным арабским населением. М. Себба делит общества на более и менее «толерантные» к использованию пиджинов (Sebba, 1998). Судя по всему, арабское общество Персидского залива относится скорее ко второй категории: оно в целом принимает существование GPA, однако четко дает понять его второстепенное положение по сравнению с местным вариантом арабского языка (Abed, 2018).

Таблица 2 / Table 2

Результаты опроса коренных жителей Саудовской Аравии
об их отношении к GPA, часть 1/ Results of a survey of native Saudi Arabian
residents regarding their attitudes towards GPA, part 1

Item	Strongly Agree	Agree	Neutral	Disagree	Strongly Disagree
Q1: Gulf Pidgin Arabic or as locally known (broken Arabic, jargon, the language of the labourers) is a language in itself	2.1%	20.6%	10.6%	37.6%	29.1%
Q2: GPA is considered to be one of the important and popular languages in Saudi Arabia	7.9%	29.8%	17.7%	29.8%	14.9%
Q4: I hate GPA	38.3%	36.9%	9.2%	12.1%	3.5%
Q6: I have no interest in GPA	18.4%	42.6%	26.2%	11.3%	1.4%
Q9: Non-Arabic speaking foreigners who speak in GPA are ignorant and less educated	17.7%	36.9%	13.5%	27.0%	5.0%
Q10: I feel that speaking in GPA is quite normal	4.3%	33.3%	15.6%	34.8%	12.1%
Q19: I would rather speak my Arabic dialect than speak in GPA when communicating with the non-Arabic speaking migrant foreign labourers	39.7%	39.7%	13.5%	6.4%	0.7%
Q20: I do not find any positive side about speaking in GPA with the non-Arabic speaking foreign labourers	22.7%	36.2%	22.7%	17.7%	0.7%
Q21: I love speaking GPA	1.4%	3.5%	14.2%	44.7%	36.2%

Источник/ Source: (Abed, 2018: 97).

Таблица 3 / Table 3

Результаты опроса коренных жителей Саудовской Аравии
об их отношении к GPA, часть 2 / Results of a survey of native Saudi Arabian
residents regarding their attitudes towards GPA, part 2

Item	Strongly Agree	Agree	Neutral	Disagree	Strongly Disagree
Q5: Speaking and hearing GPA everywhere makes me feel resentful	29.1%	44.7%	12.8%	11.3%	2.1%
Q7: I do not encourage (or promote) GPA's presence as a communication tool with the non-Arabic speaking foreign labourers	40.4%	34.0%	17.0%	7.8%	0.7%
Q8: It does not bother me at all to speak GPA	5.7%	30.5%	14.9%	34.0%	14.9%
Q11: GPA should not be spoken nor written	54.6%	34.0%	5.0%	4.3%	2.1%
Q12: The non-Arabic speaking migrant labourers should make a greater effort to learn the local dialect instead of speaking GPA	45.4%	41.8%	7.8%	5.0%	0.0%
Q24: I do not find anything negative about speaking GPA with the non-Arabic speaking migrant foreign labourers	2.1%	15.6%	23.4%	44.0%	14.9%
Q27: I think that people should not speak GPA with the non-Arabic speaking migrant foreign labourers	35.5%	41.1%	10.6%	12.1%	0.7%
Q29: Speaking GPA with the non-Arabic speaking migrant labourers is a negative phenomenon	34.0%	42.6%	9.2%	11.3%	2.8%
Q30: I agree with the spread of GPA in Saudi Arabia	2.8%	2.1%	11.3%	30.5%	53.2%

Источник / Source: (Abed, 2018: 97).

Более того, коренное арабское население воспринимает GPA как фактор социального дистанцирования и четкую границу между коренным населением и мигрантами. Таким образом арабское население показывает свое превосходство над неграмотными рабочими-мигрантами: владение «правильным» арабским языком подчеркивает их привилегированность, в то время как GPA считается комичной, испорченной версией арабского языка (Bizri, 2014).

П. Ауэр и Й. Шмидт считают, что подобная ситуация, когда местное население высокомерно смотрит на пиджин, но в то же время не помогает трудовым мигрантам изучать арабский язык, в итоге приведет к дальнейшей сегрегации между двумя группами населения. GPA продолжит распространяться в районах, населенных мигрантами, результатом станет формирование у них общей социальной идентичности (Auer, Schmidt, 2010).

Заключение

Очевидно, что на данный момент GPA не может считаться стабильным пиджином или, тем более, креольским языком: он принадлежит к разряду препиджинов, или нестабильных пиджинов. Лексическая и грамматические системы GPA нестабильны и варьируются в зависимости как от страны, так и от родного языка говорящих. Мы наблюдаем вариации на всех уровнях: фонетическом, морфологическом и синтаксическом.

Различные варианты GPA все-таки имеют некоторые общие черты, которые позволяют нам говорить о зарождающемся варианте пиджина. Среди этих черт — повсеместное отсутствие фарингализации; геминация согласных и длинные гласные теряют свои функции, присущие им в арабском языке; наиболее распространенный порядок слов в предложении — SVO. При этом GPA обладает набором свойств, характерных для всех пиджинов: ярко выраженные аналитические тенденции в грамматике, приводящие к крайнему упрощению грамматики, расширение семантического значения, приводящее к неопределенности слов.

Как было упомянуто выше, в GPA мы наблюдаем высокую долю вариативности. Ведущими факторами этих различий являются: субстратные явления, связанные с родным языком говорящих и их пол, поскольку часто половая принадлежность коррелирует с разными ситуациями общения. Более детальное изучение различий GPA в каждой стране Персидского залива будет логичным продолжением данного исследования.

Наконец, было выяснено, что носители GPA позитивно относятся к этому феномену, считая его полезным активом для работы в арабских странах. Выше других GPA оценивают мигранты-мусульмане, для которых владение языком Корана является показателем престижа. В то же время отношение к GPA коренного арабского населения менее однозначно: не проявляя агрессии или явно негативной реакции по отношению к GPA,

коренные жители смотрят на него как на наименее престижный вариант, во-первых, из-за того, что GPA считается испорченной версией арабского языка, а во-вторых, на нем разговаривают неквалифицированные мигранты-рабочие.

Вопросы вариативности GPA и его становления как устойчивого пиджина еще ждут своего исследователя.

Список литературы / References

- Abed, L.G. (2018). *Gulf Pidgin Arabic: An Empirical Investigation into its Emergence and Social Attitude: thesis*. Dublin: Trinity College Dublin.
- Al-Azraqi, M. (2010). The ancient dād in southwest Saudi Arabia. *Arabica*, 57(1), 57—67.
- Alghamdi, E.A. (2014). Gulf Pidgin Arabic: A descriptive and statistical analysis of stability. *International Journal of Linguistics*, 6(6), 110—127.
- Almoaily, M. (2013). *Language variation in Gulf Pidgin Arabic: thesis*. Newcastle: University of Newcastle Upon Tyne.
- Asher, R.E., & Kumari, T.C. (1997). *Malayalam*. London: Routledge.
- Avram, A. (2015). On the developmental stage of Gulf Pidgin Arabic. *Arabic varieties: Far and wide. Proceedings of the 11th International Conference of AIDA*. Bucharest: Editura Universității din București. P. 87—98.
- Avram, A. (2017). On the periphery of the periphery: Gulf Pidgin Arabic. *Lisan Al-Arab*, Vol. 9. P. 61—74.
- Auer, P., & Schmidt, J.E. (2010). *Language and space: an international handbook of linguistic variation*, V. 1. Berlin: De Gruyter Mouton.
- Bakir, M.J. (2010). Notes on the verbal system of Gulf Pidgin Arabic. *Journal of Pidgin and Creole languages*, 25(2), 201—228.
- Belikov, V.I., & Krysin, L.P. (2001). *Sotsiolingvistika: Uchebnik dlya vuzov* [Sociolinguistics: Textbook for universities]. Moscow: RGGU publ. (In Russ.).
- Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика : учебник для вузов. М. : РГГУ, 2001.
- Bhatia, T. (2013). *Punjabi*. London: Routledge.
- Bizri, F. (2014). Unity and diversity across Asian migrant Arabic pidgins in the Middle East. *Journal of Pidgin and Creole Languages*, 29(2), 385—409.
- Bourdieu, P. (1991). *Language and symbolic power*. Harvard: Harvard University Press.
- Holm, J.A. (1988). *Pidgins and creoles. V. 1. Theory and structure*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Jureidini, R., & Moukarbel, N. (2004). Female Sri Lankan domestic workers in Lebanon: a case of 'contract slavery'? *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 30(4), 581—607.
- Kremers, J. (2005). *Arabic pidgins and Arabic colloquials: A syntactic comparison*. https://www.academia.edu/2271059/Arabic_pidgins_and_Arabic_colloquials_A_syntactic_comparison (accessed 08 August 2024).
- Manfredi, S., & Bizri, F. (2019). Arabic-based pidgins and creoles. In E. Al-Wer; U. Horesh (eds.), *The routledge handbook of Arabic sociolinguistics*. London: Routledge. P. 134—146.
- Mikhal'chenko, V. Yu. (ed.). (2006). *Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov*. Moscow: Institut yazykoznaniya RAN publ. (In Russ.).
- Михальченко В.Ю. (ред.) Словарь социолингвистических терминов. М. : Институт языкознания РАН, 2006.
- Miller, C. (2000). The grammaticalisation of the verb 'to say' in Juba Arabic. *Third International Conference of Aida*. Malta: University of Malta. P. 213—218.
- Milne, W.S. (1993). *A Practical Bengali Grammar*. Calcutta: Asian Educational Services.
- Mühlhäusler, P. (1997). Language ecology-contact without conflict. *Language choices: Conditions, constraints, and consequences*, 1, 3—15.

Næss, U.G. (2008). «*Gulf Pidgin Arabic*»: *Individual strategies or a structured variety? A study of some features of the linguistic behaviour of Asian migrants in the Gulf countries: thesis*. Oslo: University of Oslo.

Sebba, M. (1998). Phonology meets ideology: The meaning of orthographic practices in British Creole. *Language Problems and Language Planning*, 22(1), 19–47.

Smart, J.R. (1990). Pidginization in Gulf Arabic: A first report. *Anthropological Linguistics*, 32(1/2), 83–119.

Thangarajah, C.Y. (2003). Veiled constructions: Conflict, migration and modernity in eastern Sri Lanka. *Contributions to Indian Sociology*, 37(1–2), 141–162.

Tosco, M., & Manfredi, S. (2013). Pidgins and creoles. In J. Owens (ed.). *The Handbook of Arabic Linguistics*. Oxford: Oxford University Press. P. 495–519.

Сведения об авторе:

САВВИН Илья Александрович получил степень бакалавра востоковедения в НИУ ВШЭ (г. Москва). Приглашенный преподаватель Школы востоковедения НИУ ВШЭ, магистрант 2-го года обучения филологического факультета по направлению «Лингвистика», ассистент кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов. *Научные интересы*: миноритарные языки Ближнего Востока, языковые контакты, арабскую диалектологию и языковую политику.

ORCID: 0009-0009-4801-2426

E-mail: ilyasavvin.2000@gmail.com

Bionote:

SAVVIN Ilya A. received a bachelor's degree in Oriental Studies from the National Research University "Higher School of Economics" (Moscow). He is an associate lecturer at the School of Oriental Studies, National Research University "Higher School of Economics", a second-year Master's student in the Faculty of Philology, an assistant lecturer at the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University. *Research interests*: minority languages of the Middle East, language contacts, Arabic dialectology and language policy.

ORCID: 0009-0009-4801-2426

E-mail: ilyasavvin.2000@gmail.com

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ. ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ SCIENTIFIC EVENTS. REVIEWS. REVIEWS

Научный семинар «Динамика языков в миноритарной ситуации».

Тезисы докладов 11 октября 2023

Research Seminar "Dynamics of Languages in Minority Situation".

Reports' Abstracts of October 11, 2023

DOI: 10.22363/2949-5997-2024-2-1-102-106

EDN LSBGNH

Тезисы доклада / Abstract

Динамика угрозы исчезновения языков: на примере трех северных тунгусских идиомов Российской Федерации

Бригитта ПАКЕНДОРФ

Лаборатория динамики языков Национального центра научных исследований,
Лион, Франция

Университет Люмьер Лион 2, *Лион, Франция*

 brigitte.pakendorf@cnrs.fr

Большинство языков, на которых говорят коренные малочисленные народы Севера, находится под угрозой исчезновения или вымирания (Janhunen, 2010, Bromham et al., 2022). Вместе с тем, в жизнеспособности отдельных языков и даже вариантов одного языка могут наблюдаться существенные различия. Например, тундровый ненецкий (самодийская семья) хотя и находится под очевидной угрозой исчезновения, но по-прежнему насчитывает около 20 000 носителей, при этом различия ситуаций региональных вариантов весьма существенны (Nikolaeva, 2014: 5–6). В то же время негидальский язык (тунгусская семья) насчитывает лишь несколько пожилых носительниц, владеющих только верховским говором. Однако, он смог сохраниться, в отличие от низовского говора, чьи последние носители ушли из жизни в 2010—2020 гг. (Pakendorf, Aralova, 2018). Среди факторов, которые влияют на жизнеспособность языка на глобальном уровне, основными являются, во-первых, размер речевого сообщества (количество носителей этого языка как первого),

© Пакендорф Б., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

во-вторых, степень связанности языкового сообщества с другими сообществами и городскими центрами, в-третьих, уровень формального школьного образования. Вместе с тем значительное влияние на различия в уровне витальности того или иного языка и на угрозу его исчезновения могут оказывать отдельные региональные особенности (Bromham et al., 2022).

Различия в степени витальности языка также наблюдаются в трех северных тунгусских идиомах, которые являются объектом нашего изучения с 2007 г.: ламунхинский говор эвенского языка, на котором говорят в центре Якутии (см. Приложение 1), быстринский говор эвенского языка, (центр Камчатки) и негидальский язык (Нижнее Приамурье на Дальнем Востоке России). Территории трех общин вошли в состав России в 17 веке и в одинаковой степени подверглись социально-политическим изменениям, связанным с советской эпохой (см. Sablin, Savelyeva, 2011). Население всех трех территории относительно малочисленно, насчитывает всего несколько сотен человек, и относительно постоянно на протяжении большей части XX в. (Filipova, 2017; Kirillova, 2012: 117; Pevnov, Khasanova, 2006: 451–452). Хотя всем трем идиомам определено угрожает исчезновение, они находятся на разных стадиях вымирания (Grenoble, Whaley, 2011: 40): негидальский язык — засыпающий (Pakendorf, Aralova, 2018: 11), быстринский говор — прерванный, а ламунхинский говор — прерывающийся. Данный обзор посвящен рассмотрению факторов, которые привели к наблюдаемым сегодня разным уровням жизнеспособности этих идиомов, а также причинам наблюдаемых различий.

Ключевые слова: языки России, демография, утрата языка, языковое разнообразие, освоение территорий

История статьи: получена 23 декабря 2023; принята в печать 28 февраля 2024.

Для цитирования: Пакендорф Б. Динамика угрозы исчезновения языков: на примере трех северных тунгусских идиомов Российской Федерации // *Macrosociolinguistics and Minority Languages*. 2024. Т. 2. № 1. С. 102—106. doi: 10.22363/2312-797X-2024-2-1-102-106

Dynamics of language endangerment: a comparison of three northern tungusic lects spoken in the Russian Federation

Brigitte PAKENDORF

Linguistic Diversity and its Sources Laboratory, French National Centre for Scientific Research, Lyon, France
Lyon 2 University, Lyon, France
✉ brigitte.pakendorf@cnrs.fr

Most languages spoken by the so-called "small-numbered peoples of the North" are currently highly endangered or extinct (Janhunen, 2010, Bromham et al., 2022). Yet there are big individual differences in vitality between languages and even between dialects of individual languages. For instance, the Samoyedic language Tundra Nenets — even though "definitely an endangered language" — is still spoken by approximately 20,000 individuals, albeit with big differences in vitality between regional varieties (Nikolaeva, 2014: 5–6). In contrast, the Tungusic language Negidal is spoken by only a handful of elderly women, and it is only the Upper dialect of Negidal that is still spoken, while the last speakers of the Lower dialect passed away in 2010–2020 (Pakendorf, Aralova, 2018). Factors that have an impact on language vitality at a global level

are the size of the speech community (number of L1 speakers), the extent of connectedness of the language community to other communities and urban centres, and the level of formal schooling, but regional specificities can have a significant impact on differences in vitality and endangerment (Bromham et al., 2022).

Differences in language vitality are also observable in three Northern Tungusic lects that I have been studying since 2007: the Lamunkhin dialect of Even spoken in Central Yakutia, the Bystraja dialect of Even spoken in Central Kamchatka, and Negidal, spoken in the Lower Amur region of the Russian Far East (see Appendix 1). All three communities have undergone Russian colonization in 17th century and the sociopolitical changes associated with the Soviet era (cf. Sablin, Savelyeva, 2011), and all three are relatively small, numbering only several hundred individuals during most of the 20th century (Filippova, 2017; Kirillova, 2012: 117; Pevnov, Khasanova, 2006: 451–452). And yet, while all three lects are definitely endangered, they are at different stages of the endangerment scale (Grenoble, Whaley, 2011: 40): Negidal is nearly extinct (Pakendorf, Aralova, 2018: 11), Bystraja Even is moribund, and Lamunkhin Even is disappearing. In this abstract, I discuss the factors that have shaped the current levels of language vitality among these lects and the reasons for the observed differences.

Keywords: languages of Russia, demographics, language loss, language vitality, settlement history

Article history: Received December 23, 2023; accepted February 28, 2024.

For citation: Pakendorf, B. (2024). Dynamics of language endangerment: a comparison of three Northern Tungusic lects spoken in the Russian Federation. *Macrosociolinguistics and Minority Languages*, 2(1), 102–106. doi: 10.22363/2312-797X-2024-2-1-102-106

Приложение 1 / Appendix 1

The Appendix contains photographs taken by the author of the publication on the expeditions on the basis of which this extended abstract was written.

Рис. 1. Село Себян-Кюёль в Кобяйском улусе Республики Саха (Якутия, Россия)

Источник: сделано Б. Пакендорф в экспедициях,
по материалам которых написана данная расширенная аннотация.

Figure 1. Sebyan-Kyuyol, rural locality in Kobyaysky District in the Sakha Republic (Yakutia, Russia)

Source: taken by B. Pakendorf on the expeditions on the basis
of which this extended abstract was written.

Рис. 2. Село Эссо в Камчатском крае России, административный центр Быстринского района

Источник: сделано Б. Пакендорф в экспедициях,
по материалам которых написана данная расширенная аннотация.

Figure 2. Esso, a village in Kamchatka Krai in Russia, administrative center of Bystrinsky District

Source: taken by B. Pakendorf on the expeditions on the basis
of which this extended abstract was written.

Список литературы / References

- Bromham, L., Dinnage, R., Skirgård, H., Andrew, R., Marcel, C., Felicity, M., Simon, G., & Xia, H. (2022). Global predictors of language endangerment and the future of linguistic diversity. *Nature Ecology & Evolution*, 6(2), 163–173. <https://doi.org/10.1038/s41559-021-01604-y>
- Filippova, V.V. (2017). Lamunkhinsky Evens: Population and settlement in 20th–21st centuries. *Nauchnyj dialog*, (9), 202–213. (In Russ.). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-9-202-213>
- Филиппова В.В. Ламунхинские эвены: численность и расселение в XX–XXI веках // Научный диалог. 2017. № 9. С. 202–213. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-9-202-213>
- Grenoble, L.A., & Whaley, L.J. (2011). The case for dialect continua in Tungusic: plural morphology. *Current Trends in Caucasian, East European and Inner Asian Linguistics: Papers in Honor of Howard I. Aronson*. John Benjamins Publishing Company. Amsterdam. P. 97–122. <https://doi.org/10.1075/cilt.246.10gre>
- Janhunen, J. (2010). North-east Asia. In C. Moseley (ed.). *Atlas of the World's Languages in Danger*. Paris: UNESCO. P. 47–59.
- Kirilova, A.I. (2012). Bystrinskije eveny: istoriya izucheniya i vydeleniya gruppy [Bystrinsky Evens: history of study and identification of the group]. *Vestnik arxeologii, antropologii i ètnografii*, (1), 113–120. (In Russ.).
- Кириллова А.И. Быстринские эвены: история изучения и выделения группы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 1 (16). С. 113–120.
- Nikolaeva, I. (2014). *A grammar of Tundra Nenets*. Berlin, Boston: de Gruyter Mouton. <https://doi.org/10.1515/9783110320640>
- Pakendorf, B., & Aralova, N. (2018). The endangered state of Negidal: A field report. *Language Documentation and Conservation*, (12), 1–14.
- Pevnov, A.M., & Khasanova, M.M. (2006). Negidal'tsy i negidal'skii yazyk (obshchie svedeniya, zvukovoi stroi, imennye chasti rechi) [Negidals and the Negidal language (general information, sound structure, nominal parts of speech)]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2(1), 447–542. (In Russ.).
- Певнов А.М., Хасанова М.М. Негидальцы и негидальский язык (общие сведения, звуковой строй, именные части речи) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2006. Т. 2. № 1. 447–542.
- Sablin, I., & Savelyeva, M. (2011). Mapping indigenous Siberia: Spatial changes and ethnic realities, 1900–2010. *Settler Colonial Studies*, 1(1), 77–110. <https://doi.org/10.1080/2201473X.2011.10648802>

Сведения об авторе:

Пакендорф Бригитта — старший научный сотрудник (Directrice de recherche) Лаборатории динамики языков Национального центра научных исследований и университета Люмьер Лион 2. *Научные интересы*: документирование негидальского, почти исчезнувшего северного тунгусского языка Нижнего Амура, влияние языковых контактов на диверсификацию эвенских диалектов, ареальная типология сибирских языков.
ORCID: 0000-0002-0816-9930
E-mail: brigitte.pakendorf@cnrs.fr

Bionote:

Brigitte PAKENDORF — a Senior scientist (Directrice de recherche) at the research unit Dynamique du Langage of the CNRS (Centre national de la recherche scientifique) & Université Lumière Lyon 2. *Research interest*: the documentation of Negidal, a nearly extinct Northern Tungusic language of the Lower Amur, contact influence in the diversification of Even dialects, and the areal typology of Siberian languages.
ORCID: 0000-0002-0816-9930
E-mail: brigitte.pakendorf@cnrs.fr